

Майкл Салливан

ЭРА МИФОВ

ЭРА МЕЧЕЙ

ЭРА МИФОВ

Майкл Салливан

Эра Мифов. Эра Мечей

«АСТ»
2016,2017

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Салливан М. Д.

Эра Мифов. Эра Мечей / М. Д. Салливан — «АСТ», 2016,2017

ISBN 978-5-17-109319-8

Это случилось за многие, многие века до того, как в мире Элан заговорили о легендарной «Рийрии». Случилось в те далекие времена, когда мир этот был еще молод...Эланом правил тогда могущественный народ фрэев – чернокнижников и магов, считавших «рхунов» (так они называли людей) почти животными, недостойными жизни за границами бесплодных земель дикого Рхулина, а невежественные рхуны почитали своих жестоких владык за бессмертных богов. Но все изменилось, когда чаша терпения людей переполнилась, и человек совершил невозможное – убил фрэя! Рабы восстали под предводительством бесстрашной Персефоны. А вскоре к повстанцам подтянулись даже мятежные фрэйи, недовольные существующим порядком вещей. Мир утратил свое равновесие. Весы судьбы закачались. Наступила новая эра – эра мифов и мечей, эра великих битв и великих деяний...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109319-8

© Салливан М. Д., 2016,2017

© АСТ, 2016,2017

Содержание

От автора	5
Эра мифов	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	74
Глава 10	84
Глава 11	96
Глава 12	103
Глава 13	117
Глава 14	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Майкл Дж. Салливан

Эра мифов. Эра мечей

От автора

Добро пожаловать в «Легенды Первой империи», мой новый фэнтезийный цикл. Если вам не доводилось читать моих предыдущих книг, то бояться не надо. Это совершенно новый цикл, поэтому вам не потребуются знаний ни о «Хрониках Рийрии», ни об «Откровениях Рийрии» для того, чтобы насладиться этой историей. Также чтение этой книги не мешает вам получить удовольствие от других двух циклов, потому что «Легенды» являются циклом самостоятельным, отдельным входом в мир Элан.

Для тех же, кто прочитал циклы про Рийрию, замечу, что действие данного цикла происходит за три тысячи лет до основных событий. Вы наверняка убеждены, что знаете все о том, как сформировалась Первая империя, или по крайней мере имеете общие представления о событиях. Однако, прочитав мой новый цикл, вы поймете, что многое не всегда является тем, чем кажется. Описания событий в Рийрии не вполне точны. Не стоит забывать, что историю писали победители! В этом цикле я смог восстановить истинное положение вещей, и вы узнаете, какие мифы были правдивыми, а какие – нет.

Для тех, кто не знаком с моим творческим процессом, замечу, что я пишу саги не вполне обычным способом. Я заканчиваю все произведение еще до публикации первой части, и данный цикл не является исключением. Почему это важно? Причин несколько. Во-первых, это позволяет мне вплетать сюжетные линии во все повествование. Мелкие детали, которые сначала кажутся незначительными, в процессе перечитывания выливаются в нечто довольно интересное. Это получается благодаря тому, что я имею возможность работать со всем циклом сразу.

Во-вторых, такой способ творчества гарантирует мне (и моим читателям), что книги придут к идеальному завершению. Довольно часто в циклах сюжетные линии разбредаются во все стороны, и для автора становится затруднительным привести их к развязке благодаря всему, что было сказано или сделано ранее. Мне очень приятны похвалы в адрес завершения «Откровений Рийрии». Это получилось по большей части благодаря возможности вносить поправки, добавлять персонажей либо подготавливать почву в ранних книгах, когда в процессе написания более поздних книг мне в голову приходила удачная идея. К тому же я могу не бояться, что меня собьет автобус или постигнет иной печальный конец, оставив вас гадать, чем закончилась бы моя история.

В-третьих, написание всех книг заранее освобождает меня от ограничений, налагаемых контрактами с издателем и прочих подобных затруднений. По правде говоря, данный цикл был задуман как трилогия. Но по мере развития сюжета он вырос в четыре, а потом и в пять книг. Если бы я подписал контракт по окончании первой книги, мне пришлось бы принимать непростые решения, чтобы втиснуть повествование в рамки заключенной сделки. При отсутствии каких-либо ограничений мне удалось рассказать историю наиболее выигрышным для сюжета образом.

В-четвертых, написание цикла целиком спасает меня от цейтнота. Признаюсь, я терпеть не могу творить по часам. Муза не всегда является по первому требованию, и мне не очень приятно писать книги в присутствии бомбы с часовым механизмом. Без каких-либо ограничений мне удастся писать наилучшим образом, потому что книга заканчивается лишь тогда, когда все готово, а не когда время на нее кончается.

И, наконец, что не менее важно, вы гарантированно получаете все книги цикла в срок. Слишком часто читателям приходится с нетерпением гадать, когда же появится следующая книга и будет ли она вообще. Написание цикла целиком избавляет от подобных тревог. Разумеется, когда и какую книгу выпустить, решает издательство, однако моя работа на этом завершается, и я могу перейти к следующему проекту.

Напоследок хотелось бы добавить вот еще что. Я не рекомендовал бы подобный подход начинающим авторам. Есть много причин, по которым большинство циклов так не пишутся, и для других мой метод может вылиться в годы напрасно потраченного времени.

Что ж, для предисловия этого более чем достаточно. Я просто хотел позволить вам заглянуть в мою творческую мастерскую, чтобы вы знали, чего ожидать. А теперь переверните страницу и – навстречу приключениям!

Эра мифов

Глава 1 О богах и людях

«В темную пору перед войной люди звались рхунами. Обитали мы тогда в Рхунланде или Рхулине, как его раньше называли. Мы голодали и жили в страхе. Большие всего мы боялись богов по ту сторону реки Берн, переходить за которую нам было запрещено. Многие считают, что борьбу с фрэями открывает Грэндфордская битва, но на самом деле все началось ранним весенним днем, когда реку пересекли двое охотников».
«Книга Брин»

Сперва Рэйт хотел упасть на колени и молиться. В последние минуты людям свойственно делать это, а также изрыгать проклятия, плакать, кричать... Однако в данном случае молитва вряд ли помогла бы: в двадцати футах от него стоял разъяренный бог. Терпимостью боги никогда не славились, а уж этот готов был пришибить их на месте.

Ни Рэйт, ни его отец не слышали, как бог появился. Воды сливающихся неподалеку рек шумели так, что заглушили бы приближение целой армии. Пожалуй, Рэйт предпочел бы армию...

Бог в сияющих одеждах восседал на коне, рядом стояли двое пеших слуг. Обычные люди, но одеты как хозяин. Все трое молчали.

– Эй! – окликнул Рэйт отца.

Херкимер стоял на коленях возле оленя, вспарывая ему брюхо. Перед этим Рэйт попал в животное копьём, и они с отцом преследовали его все утро. Херкимеру пришлось скинуть шерстяную ли-мору и рубаху, чтобы не запачкаться кровью при разделке.

– Чего тебе? – Он поднял голову.

Рэйт кивнул в сторону чужаков. Старик вытаращил глаза и побелел.

«Так и знал, что закончится все плохо», – подумал Рэйт.

Отец почему-то был уверен, что переправа на запретный берег решит все их проблемы. Он столько раз это повторял, что Рэйт усомнился в его правоте. Теперь же старик словно забыл, как дышать...

Херкимер вытер нож о шкуру оленя, сунул за пояс и поднялся.

– Э-э... – начал отец Рэйта, посмотрел на полуразделанного оленя, потом перевел взгляд на бога. – Эт-та ничего...

Вот и вся отцовская мудрость, вот и все оправдание их преступного вторжения на священные земли... Рэйт не знал, считается ли провинностью убийство принадлежащего богам оленя, и вместе с тем понимал, что их положения оно отнюдь не улучшит. И хотя Херкимер говорил одно, выражение его лица выражало совсем другое. Рэйта замутило. Он понятия не имел, что хотел услышать от отца, но явно что-нибудь более весомое.

Как и следовало ожидать, бога слова Херкимера также не впечатлили.

Они стояли на крошечном лугу у слияния Берна и Северной. Чуть выше по склону рос густой сосновый бор. Ниже лежал каменистый берег. Шум воды был единственным звуком под снежно-сумрачным одеялом неба. Всего пару минут назад полянка казалась Рэйту раем. Теперь все изменилось.

Рэйт осторожно вздохнул и напомнил себе, что столкнулся с богом впервые и понятия не имеет, что значит выражение его лица. Ему никогда не доводилось видеть богов вблизи – ни

ушей в форме букового листа, ни небесно-голубых глаз, ни подобных расплавленному золоту волос. Запредельно гладкая кожа и белые зубы. Не земное существо, а порождение воздуха и света. Одежды развевались от ветра и сияли на солнце, придавая богу ореол загадочности. Свирепый осуждающий взгляд как нельзя лучше соответствовал представлениям Рэйта о бессмертных существах.

Еще больше его изумляла лошадь. Отец рассказывал о таких животных, но Рэйт не очень-то ему верил. У старика была привычка приукрашивать, и за двадцать с лишним лет Рэйт наслушался немало сказок. Выпив пару кружек, Херкимер рассказывал направо и налево, как убил пятерых одним ударом или загнал в угол Северный ветер. Чем старше делался Херкимер, тем невероятнее становились его истории...

Четвероногая небылица посмотрела на Рэйта большими влажными глазами и потрясла головой. Рэйт заподозрил, что ездовые животные богов и человеческую речь понимают.

– Вообще-то ничего такого мы не сделали, – повторил отец Рэйта на случай, если его плохо расслышали. – Мне сюда можно.

Он шагнул вперед и указал на медаль, висящую среди прилипших к потной груди сосновых игл и грязи. Полураздетый, загорелый, измазанный по локти в крови отец Рэйта выглядел типичным диким варваром. Даже сам Рэйт не стал бы ему доверять.

– Видите? – продолжил отец. Отполированный металл сверкнул в лучах полуденного солнца. – Я сражался за вас против гула-рхунов в горах, в долине Верхнее Копье. И хорошо сражался! Командир фрэев дал мне это! Сказал, что я заслужил награду.

– Клан Дьюрия, – сообщил высокий слуга богу то ли с разочарованием, то ли с отвращением. Вокруг шеи у него был толстый серебряный торк. У второго прислужника – тоже. Видимо, украшение служило знаком их статуса.

Бороды у должовязого слуги не было, зато имелся длинный нос, острые скулы и маленькие умные глазки. Он смахивал на хорька или лиса, которых Рэйт терпеть не мог. Да и поза у него была странная: плечи ссутулены, взгляд опущен, руки подобострастно сложены. Даже побитая собака держится с большим достоинством. Что за люди сопровождают бога?

– Точно. Я Херкимер, сын Химдала, а это мой сынок Рэйт...

– Вы нарушили закон, – сообщил слуга. Даже голос у него был гундосый – таким вполне мог бы говорить хорек.

– Нет-нет! Ничего подобного! Все совсем не так!

Морщины на лице Херкимера обозначились четче, губы сжались. Он застыл, протягивая медаль как талисман, и глядел на бога с надеждой.

– Вот доказательство, что я заслужил награду. Понимаете, я решил, что нам... – Он махнул в сторону Рэйта. – Нам с сыном можно промышлять на этом куске земли. – Он обвел лужок рукой. – Понимаете, на нашем берегу, в Дьюрии, почва совсем плохая. Ничего не растет, дичи тоже нет.

В голосе отца звучала мольба, и Рэйту это не понравилось.

– Вам сюда нельзя! – заявил другой слуга, с намечающейся лысиной.

Бороды у него не было, как и у похожего на хорька прислужника, будто для того, чтобы ее отрастить, требовалось особое умение. Благодаря отсутствию растительности кислое выражение лица читалось отчетливо.

– Как вы не понимаете? Я сражался за ваш народ! Потерял на войне троих сыновей. И мне пообещали награду... – Херкимер снова поднял медаль, но бог на нее даже не взглянул. Он отрешенно смотрел вдаль.

Херкимер опустил медаль.

– Если это место занимать нельзя, мы поищем другое. Вообще-то, сыну больше понравилась поляна к западу отсюда. И от вас подальше будет. Что скажете?

Хотя бог на них даже не посмотрел, вид у него стал еще более недовольный. Наконец он заговорил:

– Я заставлю вас подчиниться.

Вполне обычный голос. Рэйт был разочарован. Он приготовился услышать раскаты грома.

И тогда бог обратился к своим слугам на божественном языке. Рэйт перенял его азы от отца, говорил, правда, не очень-то бегло, но понял: бог не хотел, чтобы они находились по эту сторону реки с оружием в руках. Высокий слуга тут же передал распоряжение хозяина на рхунском:

– Только фрэям дозволяется носить оружие к западу от Берна. Бросайте его в реку!

Херкимер покосился на сложенные возле пня инструменты.

– Возьми копье и сделай, как говорят, – покорным голосом велел он Рэйту.

– И меч со спины тоже, – добавил высокий слуга.

Херкимер опешил и оглянулся через плечо, словно забыл, что меч все еще там. Потом он посмотрел богу в лицо и заговорил на языке фрэев:

– Это наш родовой меч! Я не могу его выбросить...

Бог усмехнулся, показав зубы.

– Оружие есть оружие, – настаивал слуга.

Херкимер заколебался.

– Ладно, ладно, ничего страшного. Мы прямо сейчас переправимся через реку. Пойдем, Рэйт.

Бог недовольно фыркнул.

– Только после того, как выбросите меч, – перевел слуга.

Херкимер сверкнул глазами.

– У нас в роду он передается из поколения в поколение!

– Это оружие. Бросай!

Херкимер поглядел на сына искоса.

Он не был хорошим отцом, но по крайней мере, насколько Рэйт знал, – своим сыновьям он смог привить чувство собственного достоинства. Самоуважение проистекает из возможности защитить себя. У мужчины должна быть гордость!

На весь клан Дьюрия металлический меч был только у отца Рэйта. Выкованный из меди, весь в зазубринах, поверхность тускло поблескивает красками летнего заката. Если верить легенде, фамильный клинок с коротким лезвием изготовил настоящий дхергский кузнец. Конечно, рядом с инкрустированными драгоценностями и украшенным замысловатой гравировкой мечом в руках бога медный клинок смотрелся жалко. И все же Херкимер стоял за него горой. Враги клана уважительно прозвали его Медный Меч. Отец Рэйта ни за что бы не расстался с мечом добровольно.

Ревущую реку заглушил крик парящего в небе ястреба. С птицами связано много примет, и Рэйт не стал обольщаться насчет тоскливого клича, разнесшегося над ними. Под жуткое эхо отец смело посмотрел в лицо богу.

– Свой меч я тебе не отдам!

Рэйт невольно улыбнулся. До сих пор Херкимер, сын Химдала из клана Дьюрия, не подчинялся никому, даже богу.

Бог спешил и отдал поводья меньшему слуге.

Рэйт смотрел во всех глаза. Бог двигался с завораживающей грацией, плавно и уверенно. Но, несмотря на внушительную манеру держаться, физические данные бога отнюдь не впечатляли. Он не отличался ни ростом, ни весом, ни мускулатурой. Рэйт с отцом были массивного телосложения, с крепкими плечами и сильными руками. Бог, напротив, выглядел таким изнеженным, словно всю жизнь провел в постели и кормили его с ложечки. Будь этот фрэй чело-

веком, Рэйт бы не испугался, более того, учитывая разницу в росте и весе, он непременно уклонился бы от поединка. Участвовать в столь неравном бою жестоко, а Рэйт жестокостью не отличался. Эта черта досталась в избытке его братьям.

– Вы не понимаете... – еще раз попытался объяснить Херкимер. – Этот меч передается от отца к сыну...

Бог ринулся вперед и ударил отца Рэйта в живот. Херкимер согнулся пополам. Тогда фрэй со скрежетом выхватил медный клинок из ножен. Пока Херкимер переводил дух, бог с отвращением рассматривал оружие. Покачив головой, он повернулся к человеку спиной, собираясь продемонстрировать жалкий клинок высокому слуге. Вместо того, чтобы посмеяться с хозяином, тот съезжился от страха. Развитие событий легко читалось на пронырливом лице слуги – он первым заметил реакцию Херкимера.

Отец Рэйта вытянул из-за пояса нож, которым свеживал оленя, и замахнулся.

На этот раз бог был на высоте. Он развернулся с поразительной скоростью и вонзил медный клинок в отца Рэйта. Выпад Херкимера лишь помог вогнать его глубже. Бой окончился, едва начавшись. Отец ахнул и упал с мечом в груди.

Рэйт действовал без размышлений. Остановись он хотя бы на мгновение – наверняка бы передумал, однако он походил на своего отца куда больше, чем самому Рэйту хотелось бы признавать. Единственным оружием под рукой был медный меч, торчавший в груди отца. Рэйт выхватил его и изо всех сил рубанул бога по шее. Он ожидал, что лезвие пройдет насквозь, однако оно расколо лишь воздух. Божество успело увернуться. Рэйт замахнулся снова, и бог вытянул свой клинок. Мечи встретились, раздался глухой звон, и тяжесть в руках Рэйта исчезла вместе с большей частью клинка. Когда он завершил удар, от семейного достояния уцелела одна рукоять; оставшийся кусок просвистел в воздухе и упал в заросли молодых сосенок.

Бог мерзко осклабился и заговорил на божественном языке:

– И стоило за него умирать?

Божество подняло меч снова, Рэйт шарахнулся назад.

Слишком медленно! Слишком медленно!

Рэйт был обречен. Отступать бесполезно. Об этом ему говорили годы боевой подготовки. За миг до того, как понимание воплотилось в реальность, Рэйт успел пожалеть о своей загубленной жизни.

«Ничего я не успел», – подумал он, напрягшись в ожидании боли. Однако ее не последовало.

Как и бог, Рэйт упустил из виду слуг. Ни один из противников не ожидал, что высокий прислужник с пронырливым лицом ударит своего хозяина по затылку булыжником, напоминающим размером и формой круглую краюху хлеба.

Рэйт понял, что случилось, лишь после того, как бог упал. Над ним стоял слуга с камнем.

– Беги! – велел он. – Если повезет, у него так разболится голова, что, очнувшись, он забудет про погоню.

– Что ты наделал?! – закричал второй слуга, глядя на происходящее расширенными от ужаса глазами, и потянул лошадь хозяина за узду.

– Спокойно... – сказал ему слуга с камнем в руке.

Рэйт оглянулся на отца, лежавшего навзничь. Глаза Херкимера были открыты, будто он смотрел на облака. Рэйт проклинал его на протяжении многих лет. Отец не заботился о семье, стравливал сыновей друг с другом, его не было рядом, когда умерли мать и сестра... Можно сказать, что Рэйт отца терпеть не мог, но внезапно он увидел перед собой человека, который учил сыновей бороться и не сдаваться. Херкимер сделал все, что смог, хотя смог он немного – прожил всю жизнь на клочке бесплодной земли, потому что так распорядились капризные боги. Отец Рэйта не крал, не обманывал и не придерживал язык, когда ему было что сказать.

Он был жестким и неприветливым человеком, но всегда имел достаточно мужества, чтобы постоять за себя и за правду. На земле перед Рэйтом лежал последний из его погибшего рода.

В руках Рэйт все еще сжимал сломанный меч.

– Нет! – завопил державший лошадь слуга, увидев, что Рэйт провел остатком клинка по горлу бога...

* * *

Оба слуги удрали: меньший на лошади, второй пешком. Потом тот, что воспользовался камнем, вернулся. Весь в поту, он трусил по лугу, качая головой.

– Мэрила не догнать. Он не самый лучший ездок, но этого от него и не требуется. Лошадь сама знает дорогу в Алон-Рист. – Прислужник замер. – Ты что делаешь?

Рэйт стоял над телом бога. Он поднял меч фрэя и прислонил его к горлу божества.

– Жду. Когда это обычно происходит?

– Что именно?

– Сколько ему нужно, чтобы восстать?

– Он мертв. Мертвые обычно не восстают, – заметил слуга.

Рэйту не хотелось спускать глаз с бога, и все же он быстро взглянул на слугу, который согнулся пополам, пытаясь перевести дух.

– Ты что несешь?

– А ты?

– Мне нужно знать, сколько у нас есть времени, пока он не восстал. Если я отрежу ему голову, он пролежит дольше?

Слуга закатил глаза.

– Он не восстанет! Ты его убил.

– Разрази меня Тэтлин! Ведь это бог! Боги не умирают. Они бессмертны.

– Ну, не до такой же степени, – протянул слуга и пнул труп, к немалому удивлению Рэйта. Тот не шевельнулся, слуга пнул его снова, и голова перекатилась на другую сторону, к щеке прилип песок. – Видишь? Мертвый. Понял? Никакой он не бессмертный. И не бог, а фрэй. Они умирают. Между живущими очень долго и бессмертными есть разница. Бессмертные не могут умереть, даже если захотят... Дело в том, что фрэйи гораздо ближе к рхунам, чем нам хотелось бы думать.

– Ничуть мы не похожи! Взгляни на него! – Рэйт указал на поверженного фрэя.

– Ага, – кивнул слуга. – Он так сильно от нас отличается! Всего одна голова, ходит на двух ногах, у него две руки и десять пальцев. Ты прав. Ничуть не похож.

Слуга опять посмотрел на тело и вздохнул.

– Его звали Шегон. Он был необычайно талантливым арфистом, жульничал в карты и бридиит эйн мер – что значит... – Слуга задумался. – Нет, этого не переведешь. Его никто особо не любил, а теперь он мертв.

Рэйн покосился на него подозрительно. Лжет? Пытается усыпить бдительность?

– Ты ошибаешься, – убежденно заявил Рэйт. – Видел когда-нибудь мертвого фрэя? Я не видел. Мой отец не видел. Никто из моих знакомых не видел. И они не стареют.

– Стареют, только очень медленно.

Рэйт покачал головой.

– Нет, не стареют! Отец рассказывал, что в детстве видел фрэя по имени Низон. Сорок пять лет спустя они встретились снова, и тот выглядел точно так же.

– Разумеется. Я же сказал, что старятся они медленно. Фрэйи живут тысячи лет. Шмель живет всего несколько месяцев. Шмелю ты кажешься бессмертным.

Сомнения Рэйта развеялись, но не до конца, и он внимательно разглядывал вытекающую из тела бога кровь.

Теперь-то, по прошествии времени, Рэйт понимал, что нападать на фрэя вообще не следовало. Отец учил не начинать драки, которую не можешь выиграть, а бой с бессмертным богом явно подпадал под эту категорию. С другой стороны, отец сам все затеял...

Крови было много.

Под телом бога растекалась уродливая лужица, пачкая траву и сияющие одежды. На шее все еще зияла рана – ужасный рваный порез, похожий на второй рот. Рэйт ожидал, что рана чудесным образом затянется или просто исчезнет. Но когда бог поднимется, преимущество будет на стороне Рэйта. Он силен и может одолеть почти любого в Дьюрии. Даже отец должен был дважды подумать, прежде чем злить своего сына...

Рэйт напряженно смотрел на лежащего с закатившимися глазами фрэя. Рана на горле стала еще шире. И кроме того, ни один бог – настоящий бог – не стерпел бы пинков от слуги...

– Ладно, может, они и не бессмертны. – Он успокоился и сделал шаг назад.

– Меня зовут Малькольм, – представился слуга. – А ты Рэйт?

– Угу...

Бросив последний взгляд на труп фрэя, Рэйт сунул украшенный драгоценными камнями клинок за пояс и поднял тело отца.

– Что ты задумал? – спросил Малькольм.

– Здесь хоронить нельзя. Реки наверняка затопляют эту пойму.

– Хоронить? Когда известие дойдет до Алон-Риста, фрэй нас... – Слуга изменился в лице. – Нужно бежать!

– Вот и беги.

Рэйт занес отца на пригорок посреди луга и бережно опустил на землю. Место для последнего пристанища так себе, но тут уж ничего не поделаешь. Обернувшись, он поймал ошарашенный взгляд бывшего слуги.

– Чего?

Малькольм расхохотался, потом смутился и умолк.

– Ты не понимаешь! Глин – быстрый конь, выносливый, как волк. Мэрил доберется до Алон-Риста уже к сумеркам. Он наговорит инстарья все, что угодно, лишь бы самому спастись. Они пустятся в погоню. Нужно уходить!

– Ну так иди, – откликнулся Рэйт, взял медаль Херкимера и надел на себя. Потом он закрыл отцу глаза. Он не помнил, приходилось ли ему прежде хоть раз касаться лица старика.

– Тебе тоже нужно идти!

– Сначала похороню отца.

– Рхун все равно мертв.

От этого слова Рэйта передернуло.

– Он был человек!

– Рхун, человек – какая разница!

– Для меня и для него – большая. – Рэйт отправился к берегу реки, усыпанному тысячами камней. Самое сложное сейчас – подобрать камни нужного размера.

Малькольм упер руки в боки, глядя на него со смесью гнева и изумления.

– Провозишься несколько часов! Ты напрасно теряешь время!

Рэйт наклонился и поднял камень. Сверху он нагрелся на солнце, снизу оставался влажным, прохладным и покрытым мокрым песком.

– Отец заслуживает достойного погребения, и сделал бы то же самое для меня. – Учитывая, что Херкимер почти никогда не проявлял к Рэйту добрых чувств, это прозвучало странно. И все же перед лицом смерти отец наверняка поступил бы так же. – Кстати, знаешь, что бывает с духом непохороненного тела?

Слуга посмотрел на него изумленно.

– Дух вернется и станет тебя преследовать за то, что ты не проявил должного уважения. Маны, то есть души предков, бывают весьма агрессивны. – Рэйт поднял другой камень и направился вверх по склону. – При жизни отец был тем еще кулом. И мне ни к чему, чтобы он преследовал меня до конца моих дней.

– Но...

– Что – но? – Рэйт бросил камни возле плечей отца. Сначала обложить тело по контуру, потом и грудь можно наваливать. – Это не твой отец. Тебя никто не просит оставаться.

– Дело не в том...

– А в чем же?

Слуга замялся. Рэйт воспользовался паузой и вернулся на берег за очередными камнями.

– Мне нужна твоя помощь, – наконец проговорил Малькольм.

Рэйт поднял большой камень и понес на склон, прижимая его к животу.

– Какая помощь?

– Ну, ты знаешь, как... жить, точнее, выживать тут. – Слуга кивнул на тушу оленя, покрытую тучей мух. – Ты умеешь охотиться, готовить еду и находить себе приют. Знаешь, какие ягоды съедобны, каких зверей можно приласкать, а от каких нужно бежать.

– Никаких зверей приласкать нельзя!

– Вот видишь! Хороший пример того, как мало я знаю об этих вещах. Один я погибну через день или два. Замерзну до смерти, попаду под обвал в горах или же меня забодает какой-нибудь рогатый зверь.

Рэйт положил камень и спустился к реке, хлопая руками, чтобы стряхнуть песок.

– Разумно.

– Еще как разумно! Я парень разумный. Если ты тоже, то нам пора. Пошли!

Рэйт поднял еще один камень.

– Если ты твердо надумал остаться со мной и время не терпит, то лучше помоги.

Слуга оглядел каменистый берег и вздохнул.

– Обязательно таскать такие большие камни?

– Большие лягут вниз, выше положим камни помельче.

– Похоже, тебе это не в новинку.

– Там, откуда я родом, люди умирают, и камней у нас много.

Рэйт утер пот со лба, отбросив назад копну темных волос. Он закатал рукава шерстяной рубахи. Весна стояла холодная, и все же от работы он вспотел. Хотелось скинуть ли-мору и краги, но он решил не раздеваться. Погребение отца должно быть занятием не из приятных, хороший сын обязан испытывать при этом хоть какие-то чувства. Если неудобство от мешающей одежды – все, на что он способен, Рэйт и на это согласен.

Малькольм принес пару камней и положил на землю, предоставив Рэйту класть их куда нужно. Он остановился и стряхнул песок с ладоней.

– Послушай, Малькольм, либо ты берешь камни побольше, либо мы провозимся тут целую вечность.

Малькольм насупился, но спорить не стал. Он вернулся к реке, подобрал два крупных камня и понес их, обхватив руками как две дыни. В сандалях ему было неудобно. Тонкие ремешки вряд лигодились для прогулок по такой местности. Свою одежду и обувь Рэйт сшил сам из лоскутов шерстяной ткани с кожаными вставками. Они были грубыми, зато прочными.

Рэйт поискал и нашел маленький гладкий камень.

– Разве нам не нужны камни побольше? – спросил Малькольм.

– Это для другого. – Рэйт разомкнул пальцы отца и заменил нож камнем. – Он понадобится ему для входа Рэл или Элисин, если он того достоин, или в Нифрэл, если нет.

– А, ясно...

Обложив тело камнями, Рэйт стал складывать остальные у ног и выше. Он взял отцовскую ли-мору, все еще валявшуюся рядом с тушей оленя, и прикрыл лицо Херкимера. Обшарив заросли молодых сосенок, отыскал обломок медного меча. Сперва Рэйт хотел оставить оружие в могиле, потом вспомнил про расхитителей гробниц. Раз отец умер за клинок, следует о нем позаботиться...

Рэйт еще раз посмотрел на фрэя.

– Он точно не встанет?

Малькольм откликнулся с берега, где добывал очередной камень.

– Точно. Шегон мертв.

Вместе они перенесли на растущую грудку еще с дюжину камней, и тут Рэйт спросил:

– Почему ты ему служил?

Малькольм указал на торк вокруг шеи, будто другого объяснения и не требовалось. Сперва Рэйт не понял, потом разглядел, что он представляет замкнутый круг. Металлическое кольцо вовсе не являлось украшением – это был ошейник.

Малькольм не слуга, а раб!

Солнце уже клонилось к горизонту, когда они положили на могильный холм последние камни. Пока Малькольм мылся в реке, Рэйт спел погребальную песню. Потом он забросил сломанный отцовский меч за плечо, приспособил на поясе клинок убитого фрэя и собрал вещи. Их было немного: деревянный щит, сумка с увесистым кремнем, кроличья шкурка, из которой Рэйт собирался сшить подсумок, как только она высохнет, остатки сыра, одно одеяло на двоих, каменный топор, отцовский нож и копье Рэйта.

– И куда мы пойдем? – спросил Малькольм.

Лицо и волосы слуги взмокли от пота, у него не было даже заостренной палки для самозащиты.

– Вот что, перекинь одеяло через плечо и завяжи покрепче. И копье возьми.

– Я понятия не имею, как им пользоваться.

– Ничего сложного. Просто направь, куда надо, и ткни.

Рэйт огляделся. Идти домой не имело смысла. Ни к чему возвращаться обратно на восток – слишком близко к Алон-Ристу. К тому же семьи у него не осталось. Клан его примет, однако жить в Дьюрии слишком тяжело... Можно отправиться дальше на запад, в дикие дебри Эврлина. Для этого нужно миновать несколько застав фрэев вдоль западных рек. Как и Алон-Рист, они должны были сдерживать людей. Херкимер предупреждал Рэйта о крепостях Мэрридид и Сиэн-Холл, но никогда не говорил, где именно они находятся. В одиночку Рэйт наверняка смог бы миновать все патрули, однако выжить в глуши нелегко. Ждать помощи от Малькольма не стоит. Судя по виду и замечаниям бывшего раба, вряд ли он протянет в таких условиях хотя бы год.

– Переправимся обратно в Рхулин, только пойдем мы на юг. – Рэйт указал на реку за крутым склоном холма, покрытого соснами. – Там Серповидный лес, он тянется на многие мили. Не самое безопасное место, зато в нем можно хорошо укрыться. – Он посмотрел на небо. – Хотя весна только началась, на подножном корме и охоте как-нибудь протянем.

– Что значит – не самое безопасное место?

– Сам я там не бывал, но кое-что слышал.

– Что?

Рэйт затянул пояс и ремень, на котором висел медный клинок, и пожал плечами.

– Ну, про всяких там тэборов, рэйо, леших.

Малькольм смотрел на него, не отрываясь.

– Злые звери?

– Ну да, как же без них.

– Как без них?..

– В таком большом лесу они просто обязаны водиться.

– Вон оно что... – протянул Малькольм, с тревогой наблюдая за несущейся по реке веткой. – Как мы попадем на тот берег?

– Плавать умеешь?

Малькольм оторопел.

– Да ведь от берега до берега тысяча футов!

– И течение хорошее. В зависимости от того, как ты плаваешь, мы выберемся на тот берег на несколько миль южнее. Впрочем, это и к лучшему. Нас будет труднее выследить.

– Скорее невозможно, – скривился Малькольм, не сводя глаз с реки. Бывший раб фрэев был в ужасе, и Рэйт его прекрасно понимал. Так же чувствовал себя и он, когда Херкимер заставил его плыть на другой берег.

– Готов? – спросил Рэйт.

Малькольм сжал губы. Пальцы, стиснувшие копье, побелели.

– Ты ведь понимаешь, что вода холоднющая?! Она же течет с ледника горы Мэдор!

– И это еще не все, – кивнул Рэйт, – поскольку за нами охотятся, мы не сможем разжечь костер, когда выберемся.

Стройный мужчина с острым носом и узкими глазками вымученно улыбнулся.

– Спасибо за напоминание.

– Готов? – спросил Рэйт, входя в ледяную воду.

– Признаюсь, обычно мой день проходит немного иначе! – С каждым шагом в реку голос Малькольма становился все выше.

– И чем же ты обычно занимался?

Зайдя по колено, Рэйт сцепил зубы. Течение бурлило вокруг ног и толкало, заставляя сильнее зарываться в каменистое дно.

– В основном я разливал вино.

Рэйт фыркнул.

– Да уж, разница огромная...

И тут же река сбила с ног обоих.

Глава 2

Мистик

«Далль-Рэн был травянистым холмом, приютившимся возле Серповидного леса. На холме стоял бревенчатый сруб и пара-тройка сотен глиняных, крытых соломой круглых хижин, укрывшихся за высоким, присыпанным землей частоколом. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было крошечное, отсталое поселение, по которому свободно разгуливали куры и свиньи, однако там же проживал и управлял кланом Рэн его вождь. И оно было моим домом».
«Книга Брин».

Персефона знала всех жителей далля, поэтому чужака определяла с первого взгляда, а уж эта девушка казалась совсем чужой. Невысокая, юная и стройная гостья смахивала на мальчишку благодаря коротким, неровно обрезанным волосам. Было непонятно, то ли на ее лице лежал загар, то ли просто грязь, из-под которой виднелись затейливые татуировки: изящно закрученные шипы, выющиеся по щекам, минуя глаза и рот. Выглядела она весьма таинственно. Покрывавшие лицо татуировки придавали ей выражение лукавое и в то же время весьма внушительное. Одетая девушка была в замызганный шерстяной плащ, жилет из кожи и меха, юбку из выделанной кожи и странный пояс, похоже, из зубов диких зверей. Возле ног гостьи свернулся калачиком белый волк. Внимательные синие глаза следили за движениями каждого, кто направлялся в их сторону. Таких было немного.

Чужачка стояла снаружи ворот рядом с Коббом, который спустился с поста на стене и держал копьё так грозно, как мог. Получалось у него плохо. Обычно Кобб кормил свиней и не давал им забираться в общинный огород – прежде этим успешно занималась восьмилетняя Тэя Уэддон. Дозор на стене несли почти все мужчины. В то утро наступила очередь Кобба, и справлялся он ничуть не лучше, чем с присмотром за свиньями.

– У нас гость, госпожа, – сообщил он Персефоне, указывая на девчонку копьём.

Кобб кивнул на бараний рог, висящий у него на шее, и расплылся в улыбке, словно протрубить в него уже было достижением, достойным похвалы, и Персефоне следовало признать, что за воротами он наблюдает лучше, чем за свиньями.

– Сказала, что она мистик и хочет говорить с вождем клана.

Вряд ли девчонка старше двенадцати, и хотя выглядит она так, будто провела большую часть жизни в глуши, для мистика слишком молода...

– Я Персефона, Хозяйка Чертога. – Она подождала, пока гостья сообразит. Девчонка молчала, и ей пришлось пояснить: – Я жена вождя Рэглана. Муж сейчас на охоте, поэтому можешь поговорить со мной.

Девчонка кивнула и ничего не сказала. Она стояла, покусывая губу, и оглядывалась на каждый удар мотыги, крик или стук молотка.

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что девчонка явно голодает, а слово «грязный» далеко не описывало масштабов бедствия. В ее волосах запутались сосновые иголки и листья, ноги покрывала черная корка, на руках царапины, колени сбиты, и на лице вовсе не загар, а слой грязи.

– Могу я тебе помочь?

– На кого он охотится? – спросила девчонка.

– Что-что?

– На кого охотится вождь?

Персефона заколебалась. В тот день ей удавалось не слишком об этом задумываться, отгоняя ужасное событие в темный угол до возвращения мужа. Вопрос девчонки осветил его ярким светом, и Персефона с трудом сохранила самообладание.

– Тебя это не касается! – оживился Кобб, сделав угрожающий шаг вперед. Угроза была не в копье, про которое он позабыл и держал как обычную палку, а скорее в голосе, полном неподдельной свирепости.

– На медведя, – ответила Персефона, переведя дух и выпрямившись. – На ужасную медведицу по прозвищу Бурая.

Девочка хмуро кивнула.

– Ты ее знаешь? – спросила Персефона.

– О да, оскал Бурой Грин известен всему лесу, госпожа. И там ее не любят.

– Оскал Бурой Грин?

– Она скалится на всех и вся. Я даже видела, как она скалится на солнце, а кому не нравится солнышко?

– Эта медведица убила моего сына, – сказала Персефона, и слова дались гораздо легче, чем она ожидала. Она впервые произнесла это вслух, хотя раньше сомневалась, смогут ли их выговорить губы...

– Он убил и семью Минны. – Девочка посмотрела на волка. – Я нашла ее в Серповидном лесу, как когда-то Тура нашла меня. Взяла ее к себе, потому что мы с ней, разумеется, сестры. Кто же отказывается от семьи? Тура тоже так подумала.

– Ты знаешь Туру?

– Она меня вырастила.

И сразу стало понятно, откуда у девчонки пояс из звериных клыков, татуировки на лице и издававший виды ясеневого посох.

– Значит, тебя прислала Тура?

Девчонка покачала головой.

– Тура умерла. Я сама предала ее огню.

– Что ты сделала?!

– Таким было ее желание, госпожа. Ей не нравились черви. Думаю, она хотела улететь. Да и кто бы не хотел?

Персефона пристально посмотрела на девочку.

– Ясно, – кивнула она, хотя ничего ей не было ясно. Персефона понятия не имела, что все это значит, но это было и не важно.

– Как тебя звать?

– Сури.

– Ладно, Сури. – Персефона посмотрела на волка. – Я хотела бы пригласить тебя внутрь, однако у нас есть куры и свиньи, поэтому – Минна, правильно? – не сможет войти в даль.

– Минна их не обидит! – с оскорбленным видом воскликнула девчонка. Завитки вокруг глаз сгустились.

– Волки едят кур и свиней.

Девчонка ухмыльнулась и сложила руки на груди.

– Людей они тоже едят, но ведь она пока не обглодала тебе ногу?

Персефона посмотрела на свернувшуюся клубком волчицу, невинную, как пастушья собака.

– Выглядит довольно ручной. Что думаешь, Кобб?

Бездарный смотритель за свиньями, а ныне не ахти какой сторож при воротах, пожал плечами.

– Ладно, только присматривай за ней. Если она на кого-нибудь нападет, то вполне может получить копьём в бок.

Персефона вошла в ворота.

– Не очень-то гостеприимное место, правда, Минна? – прошептала Сури ей вслед. – Интересно, понравится ли им самим копье в боку, когда они придут в наш лес охотиться на наших зверей?

Весна медлила с приходом, не спешила раскрасить бесцветный мир спутанной прошлогодней травы, голых деревьев и серых небес, но жители Далль-Рэна не ждали милостей от природы. Долгая зима наскучила всем, и первым же более-менее теплым днем люди принялись за работу. Сыновья Киллианов, не знающие устали даже в летний зной, уже сидели на просевшей конусовидной крыше своей хижины. Они привязывали новые пучки соломы взамен унесенных зимним ветром. Бергин-пивовар колот дрова и бросал в огонь, разведенный под кипящими котлами с уже собранным соком деревьев. Остальные возделывали общинный огород – в это время года лишь жалкий клочок слякотной жижи, в которой осенняя ботва смотрелась, словно выбеленные солнцем кости.

Кобб отправился на свой пост, Персефона провела Сури по гравиевой дорожке к большому срубам в центре далля. Почти забытые птичьи песни вернулись, с солнечной стороны колодца расцвели желтые и голубые цветочки. Если верить звездам, птицам и цветам, то зима закончилась, однако в тенистых местах все еще лежал снег. Персефона покрепче запахнула шаль – в этом году весна весьма избирательна. Она пришла не ко всем.

Персефона остановилась на площадке перед крыльцом и поклонилась каменной статуе богини Мари. Сури посмотрела на нее с интересом. Двери были открыты, впуская солнце в Большой Зал, который с самой осени походил на задымленную деревянную пещеру. Зимой его освещал огонь очага, и двенадцать поддерживающих крышу колонн казались золотыми, но при солнечном свете стало видно, насколько они старые и ветхие.

Яркий свет разоблачил не только колонны: сношенная обувь, плащ, свисающий с рогов головы оленя, кубок из бараньего рога, который Освальд швырнул в Сэккета несколько месяцев назад. Деревянный настил вокруг тлеющего в яме костра был покрыт грязью и золой. Солнце раскрывало реальную действительность, которую так умело прятали тени, рождаемые костром.

Извечный огонь в центральной яме едва тлел. Хэбет, чьей обязанностью было за ним смотреть, куда-то подевался. Персефона подбросила щепок, и стало чуть светлее. Она пошла к двум стоявшим возле дальней стены креслам и присела на то, что справа.

Сури остановилась в дверях. Она покосилась на стропила островерхой крыши, где щиты прошлых вождей клана висели вместе с трофейными головами оленей, волков и медведей. Сури скривилась и с таким видом посмотрела туда, где сидела Персефона, словно между ними расстиралось озеро, а плавать она не умела. Сделав над собой заметное усилие, девочка и волк вошли в зал.

– Сколько тебе лет, Сури? – спросила Персефона.

– Не знаю... Лет четырнадцать, наверно, – рассеянно ответила девочка, не сводя глаз с балок.

– Наверно?

– Скорее всего, да. А может и больше. Или меньше.

– Ты не знаешь?

– Зависит от того, сколько я прожила у кримбалов. Тура считала, что я мэлкин.

– Кто?! Что такое мэлкин?

– Когда кримбалы крадут ребенка... Знаешь, кто такие кримбалы, госпожа?

Персефона покачала головой.

– Кримбалы – это лесные существа. Они там не живут, просто приходят время от времени. В Серповидном лесу их много, из-за деревьев там полно дверей. Живут они в Ногге, глубоко под землей, где у них великолепные залы и пиршества. Они танцуют и веселятся так, что ты даже представить себе не можешь. Короче, когда кримбалы крадут ребенка...

– Они крадут детей?

– О, Великая Праматерь, да! Постоянно. Никто не знает, почему. Просто у них так принято. Короче, когда они крадут ребенка, то уносят его в Ногг, где с ним делают невесть что. Очень редко ребенку удается убежать. Такого называют мэлкин, и он уже не станет нормальным, потому что любой, прошедший хоть немного времени в Ногге, меняется навсегда. Так вот, обычно мэлкины старше – лет десяти-одиннадцати, но мне каким-то образом удалось удрать до того, как мне исполнился год. Тогда Тура меня и нашла.

– Каким же образом тебе удалось выбраться, если ты еще не научилась ходить?

Сури, к тому времени как раз перешедшая через зал, посмотрела на Персефону так, словно та спросила невесть что.

– Откуда мне знать, госпожа? Я ведь была младенцем.

Персефона недоверчиво подняла брови и кивнула.

– Понятно, – сказала она, хотя на самом деле поняла другое: каким бы простым ни был вопрос, для девочки с поясом из звериных зубов и в компании ручного волка простых вопросов не существует. – Ладно, Сури, чего тебе нужно?

– Как понять – нужно, госпожа? – спросила девочка.

– Зачем ты пришла?

– А, ну да... Я пришла рассказать вождю, что мы все умрем. – Девочка проговорила это быстро и непринужденно, словно объявила, что вечером солнце сядет.

Персефона прищурилась.

– Повтори-ка еще раз. Кто именно умрет?

– Мы все.

– Кто – мы?

– Мы. – Вид у девочки стал недоуменный, и вряд ли в этом были виноваты татуировки.

– Ты и я?

Сури вздохнула.

– Да. Ты, я, смешной дурачок у ворот – все мы.

– Все в Далль-Рэне?

Девочка снова вздохнула.

– Не только в Далль-Рэне – везде.

Персефона рассмеялась.

– Ты говоришь, что умрут все живые существа? Так ведь это не новость.

Сури посмотрела на Минну с мольбой в глазах, будто волчица могла помочь с объяснениями.

– Не все живые существа, только люди – как ты и я.

– Ты говоришь про рхунов? Умрут все рхуны?

Сури пожала плечами.

– Видимо, да.

– Погоди-ка... Начни с того, когда и как это случится.

– Не знаю как, но скоро... Думаю, все случится еще до разгара лета. Точно до прихода зимы. – Она замолчала и задумалась, потом кивнула. – До того, как пойдет снег. К следующей весне наступит самое худшее время. Мы окажемся на лезвии ножа, посреди бури.

– Значит, надвигается буря?

Девочка нахмурилась и покачала головой.

– Не обычная буря, нет, просто что-то плохое... – Она пожала плечами. – Впрочем, может, и буря.

– И ты понятия не имеешь, что ее вызовет?

– Нет, не знаю. – Мистик сказала это с таким видом, будто причины столь ужасного события не важны вовсе.

Персефона откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на девочку. Бедняжка, одинокая, напуганная сирота...

– Зачем ты пришла на самом деле, Сури? Ты голодна? После смерти Туры тебе стало одиноко?

Сури смутилась.

– Не бойся. Я попрошу кого-нибудь выделить тебе место для ночлега. И хлеб у нас найдется. Хочешь хлеба?

Мистик задумалась.

– Хлеб – это здорово.

– Хочешь пожить здесь, вдалеке?

Глаза Сури округлились, она с опаской отшатнулась, глядя на увешанные трофеями балки, и замотала головой.

– Нет, госпожа! Я здесь жить не смогу. Я пришла лишь потому, что Тура велела так сделать, если я увижу что-нибудь. Пойти на холм посреди большого поля в центре леса и сообщить вождю. Так она велела... Прямо сейчас больше ничего не сделаешь. Нужно поговорить с деревьями. Они могли бы рассказать нам куда больше, но они еще спят.

Персефона вздохнула. Разговаривать с Турой было куда проще, несмотря на ее странности. Надо дожидаться возвращения Рэглана. Может, он разберется, что к чему.

– Что ж, спасибо. – Персефона встала и улыбнулась. – Я распоряжусь насчет хлеба, остальное решишь с моим мужем, когда он вернется. Если хочешь, подожди здесь. – Увидев, что девочка снова отшатнулась, Персефона добавила: – Или на крыльце, если тебе так удобнее.

Сури кивнула и ушла. Волк следовал за ней по пятам.

Такая худенькая...

Персефона была уверена, что пророчество – обман. Умно придумано, только девчонка перестаралась. Ей следовало придумать что-нибудь попроще, вроде неурожая, мора или засухи. Она слишком мала и не рассчитала все, как надо. После смерти Туры у нее нет шансов выжить в лесу одной.

– Сури? – окликнула девочку Персефона. – Я бы на твоём месте пока не стала никому рассказывать про смерть.

Девочка обернулась, проведя рукой по трем зимним колоннам.

– Почему?

– Люди не поймут. Подумают, что ты лжешь.

– Я не лгу!

Персефона вздохнула. Упрямая девчонка.

Сури сделала еще несколько шагов к двери, остановилась и снова обернулась.

– Я не Тура, но чувствую: грядет что-то ужасное. Наша единственная надежда – узнать, что скажут деревья. Жди листьев, госпожа, жди листьев...

И тут снова прозвучал рог.

* * *

Персефона поняла, что случилось страшное, едва переступила порог. Работавшие в саду люди побросали мотыги. Братья Киллиан спустились с крыши, остальные бросились к воротам или попадали на колени, рыдая.

Словно увидев хлынувший на поле черный ливень, Персефона приготовилась к приближающейся буре. Она пережила их немало. Она помогала мужу управлять кланом в течение двадцати лет. Она не дрогнула перед Долгой зимой и последовавшим за ней Великим голодом. Она потеряла первого сына при родах, второго из-за болезни и совсем недавно последнего, который едва успел повзрослеть. Манн был славным юношей, однако боги не смогли его защи-

тить. Что бы ни ждало ее за воротами, она выдержит это испытание так же, как и все остальные. Она обязана. Если не ради себя, то ради своего народа.

Обе створки ворот распахнулись, но обзор заслонили нахлынувшие люди. Некоторые вскарабкались на лестницы и вал, тыча пальцами за стену. Персефона вышла на крыльцо, и толпа наконец расступилась.

Вернулся отряд охотников. Уходило восемь мужчин. Назад пришло шесть. Один на щите...

Рэглана внесли в ворота – по двое мужчин с каждой стороны щита, Коннигер во главе процессии. Рукав его рубахи был оторван и обвязан вокруг головы, сбоку расплывалось красное пятно. Эдлер, обладатель зорких глаз, вернулся лишь с одним. У Хэгнера вместо правой руки болталась кровавая культия.

Персефона не стала спускаться с крыльца. Черный ливень накрыл ее, идти дальше не было смысла.

Больше всего потрясла не смерть мужа, а до боли знакомая сцена. Персефоне показалось, что она сошла с ума и переживает события трехдневной давности, когда в даль принесли ее сына. Он тоже отправился на охоту и тоже вернулся на щите. Она помнила, что стояла на том же самом месте в то же самое время суток.

Но теперь все иначе.

Когда погиб Манн, рядом с ней был муж. Он держал ее за руку, и благодаря его силе она устояла на ногах. От него исходили волны ярости, пальцы до боли сжимали ее кисть. На следующий день Рэглан ушел мстить...

Несшие щит приблизились к крыльцу. Мрачные лица смотрели в землю. Лишь один осмелился поднять взгляд. За процессией сомкнулась толпа.

– Мы возвращаем тебе твоего мужа, – объявил Коннигер. – Рэглан из рода Монт, вождь Даль-Рэна, пал сегодня в битве.

Толпа притихла. Над Персефой захлопали на ветру стяги клана. Она должна была принять смерть мужа так же, как Рэглан принял смерть их сына. Рэглан держался с достоинством и пониманием, молча сминая в руке ее пальцы. Персефоне некого было держать за руку, и она никак не могла осознать произошедшее.

Вместо этого она спросила:

– А что с медведем?

Коннигер растерялся. Он подумал, прикоснулся к окровавленной повязке...

– Это не медведь. Существо, на которое мы охотились, оказалось демоном. Человеку его не одолеть!

Глава 3

Убийца Богов

«Его прозвали Убийцей Богов. Впервые мы услышали о нем от торговцев, едущих по северным дорогам. Слава его росла, но сначала не поверил никто. Никто кроме меня».

«Книга Брин»

Рэйт с удовольствием сидел у костра. Ему нравился танец пламени, запах дыма и то, как лицо и грудь грелись, а спина оставалась холодной. В этой двойственности ему виделся глубокий смысл, как и в таинственном мерцании огня. Дух пламени говорил с ним, рассыпая искры и меняя направление удушливого дыма, однако значение этих знаков оставалось загадкой. В природе все так. Она говорила с ним – да и со всеми прочими – на языке, который понимали немногие. Если бы только он знал, что это означает! Подумать только, какие секреты, какая мудрость и какие ужасы ему бы открылись...

– Один из немногих духов, с которым мне удастся ладить, – сказал Рэйт, бросая в пламя ветку.

– Это какой же? – спросил Малькольм.

Бывший раб, а теперь беглый сородич, сидел позади Рэйта с наветренной стороны, чтобы уклониться от дыма. Он пытался развязать одеяло, затянутое узлом. Материал был достаточно тонким, поэтому во время пути он носил его как пояс.

– Дух огня, – пояснил Рэйт, беря из кучи веток еще одну.

Он разломил ее пополам и бросил в костер.

– Думаешь, огонь – это дух?

Рэйт поднял бровь.

– А что? Ты думаешь, он демон? – Ему и раньше доводилось слышать такое, в основном от соседа, который оставил очаг без присмотра, уходя помочиться к реке. Когда тот вернулся, его хижина уже пылала вовсю. – Может, оно и так. Хотя на свободе характер у него своенравный, подчинить демона вряд ли возможно. Особенно такому, как я.

Малькольм пораженно уставился на него, что делал довольно часто. Рэйт не отличался многословием, и непонимающие взгляды Малькольма после подобных объяснений отнюдь не способствовали продолжению разговора. Похоже, раб фрэев жил очень замкнуто. Его изумляло все, что рассказывал Рэйт.

– Отец часто говорил, что огонь становится опасным, если заскучает, – продолжал Рэйт. – Оставь его одного, он рассердится и встанет на путь зла. Лучший способ задобрить огонь – готовить на нем еду и рассказывать сказки.

Малькольм по-прежнему таращился, приоткрыв рот.

Бывший раб явно выбился из сил. Замерз, тоскует и очень напуган. Вполне объяснимо, учитывая ситуацию. Сам Рэйт пытался бодриться. Кто бы мог подумать, что лес окажется еще более скупым к людям, чем каменистые равнины Дьюрии?

Они ночевали в Серповидном лесу уже восьмой раз, и деревья-великаны были настроены отнюдь не гостеприимно. Троп почти не было, и беглецам приходилось пробираться сквозь колючие заросли ежевики, еды хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду. В этот день они подкрепились шестью черными жуками размером с ноготь на большом пальце, семью личинками, обнаруженными под отставшей корой, соком, текшим по стволу дерева с широкими листьями, и парой сосновых шишек, которые пришлось поджарить на костре, чтобы добыть семечки. В чистом ручье Рэйт попытался добыть рыбу копьем, Малькольм хватал ее руками, но после нескольких часов безуспешных усилий они сдались. Их ждала еще одна голодная ночь.

Под густыми кронами стемнело быстро. Беглецы сидели бок о бок на крошечной полянке, усыпанной коричневыми иголками. Они смотрели на огонь и слушали шум ветра в скрипящих ветвях. Огромные вечнозеленые деревья раскачивались, касаясь макушками неба и мешая звездам сверкать. Если бы не листва, Рэйт легко бы сориентировался. Без звезд он будто ослеп и подозревал, что они ходят кругами...

– В Алон-Ристе сейчас подают вечернюю трапезу, – мечтательно протянул Малькольм, заворачиваясь в одеяло. – Пожалуй, оленину... Жареную на малом огне, чтобы стала помягче. И еще сыр, мясо птицы вроде куропатки или перепелки, разумеется, свежий хлеб, пудинг и, конечно же, вино! Наверняка прямо сейчас они уже едят! Вечерние трапезы прекрасны... – Он словно вспоминал потерянную возлюбленную. – Знаешь, что такое вечерняя трапеза? Это когда ты что-нибудь кушаешь вечером. – Он вздохнул. – В бытность свою рабом я принимал участие в этом ритуале, но теперь я свободен, слава всем богам!

Настал черед Рэйта изумленно таращиться.

– Извини! Я просто проголодался.

Рэйт продолжал смотреть.

– Что?

– Он тебя бил?

– Кто? Шегон?

Рэйт кивнул.

– Потому что если бил, то я его вполне понимаю.

Малькольм нахмурился.

– Нет, не бил. Фрэи обращаются с рабами хорошо. Куда лучше, чем ты.

– Ты мне не раб!

– И слава всем богам! – Малькольм отмахнулся от пары крошечных букашек, летавших перед лицом. Насекомые появиться успели, хотя настоящее тепло еще не настало.

– Если фрэи такие замечательные, то почему ты шарахнул старину Шегона по голове? – поинтересовался Рэйт. Конечно, спрашивать надо было раньше, но смерть отца, страх погони и постоянные поиски пищи вытеснили все другие мысли.

Малькольм поднял коричневую сосновую иголку, которых тут было без счета. Он потер ее между пальцами и пожал плечами.

– Даже при хорошем обращении любой раб предпочитает быть хозяином своей судьбы. Я увидел выход из положения и воспользовался. Все бы обошлось, если бы ты не озверел. Шегон разозлился бы, но не до такой степени, чтобы пускаться за нами в погоню. Не стал бы он утруждаться. Однако теперь он мертв, и месть – дело чести. – Бывший раб замолчал, огляделся и спросил: – Как насчет тебя? Почему ты это сделал?

– Почему убил?

Малькольм кивнул.

– Не знаю... Зря я так. Когда он убил отца, я не раздумывал. Просто действовал. Так поступил бы и Херкимер. Самое смешное, что я никогда не мечтал быть на него похожим. Не хотел участвовать в войнах. Не хотел ни славы, ни почестей. К этому стремились отец и братья... Я хотел жить простой жизнью, жениться и завести детей. Отец же все эти годы учил меня драться и таки преуспел! Понимаешь, о чем я?

Рэйт посмотрел на Малькольма и увидел, что тот ничего не понял. Не таращился удивленно, как прежде, а именно не понял. Что ж, это было ясно любому из клана Дьюрия, однако Малькольм слишком много времени провел с фрэями и утратил почти все человеческое.

– В свое оправдание могу сказать одно: я сделал это ради отца. Ведь сыновья так и должны поступать, верно? Мстить за отцов. По крайней мере, так принято в Дьюрии.

– Надо думать, Дьюрия не очень-то хорошее место.

– По большей части голые камни да пыль. И много тонкой, ломкой травы. Для коз лучше не придумаешь.

– А какие там люди?

– Дрянные.

– Ты не дрянной!

Рэйт поднял бровь.

– Ты не знаешь ни меня, ни мой народ. Клан Дьюрия славится агрессивными мерзавцами, которые работе предпочитают выпивку, разговорам – драки, и являются источником всех зол в мире.

– Будь вы такими, ты убил бы Мэрила и меня, забрал лошадь и не стал бы возиться с погребением отца.

Рэйт развел руками.

– Я – позор клана. Сын Медного Меча, ни разу не побывавший на войне. В Дьюрии воюют все. Фрэям требуются воины, и все поднимают руки. Так мы обеспечиваем себе пропитание, потому что мы не козы. Представь, что у нас за жизнь, если я завидую козам. – Рэйт нахмурился, бросил ветку в огонь и вздохнул. – Отец хотел лишь клочок плодородной земли! Переправа через реку стала его первым разумным поступком.

– Напротив, твой отец повел себя безрассудно! Потасил тебя туда, куда путь вам заказан: все вожди рхунов подписали пакт и обязались оставаться на своих землях.

– Шегон тоже повел себя безрассудно! Одно дело – велеть нам уйти, и совсем другое – приказывать мужчине выбросить свой меч. Должно быть, в Алон-Ристе мечей полно, а по эту сторону реки они большая редкость.

– Ничуть! Одно дело просто нарушить пакт, и совсем другое – сделать это с оружием в руках. Наткнись на вас с отцом патруль инстарья, они бы вас сразу убили. Шегон принадлежал к племени асендвэйр и предложил выход из положения. Оставить вам меч он не мог – это было бы безответственно. Если бы вы задержались или вернулись после его отъезда, и вас нашли инстарья, они сочли бы ваше присутствие с оружием в руках вторжением или приняли вас за разведочную группу. Инстарья двинули бы на Рхулин. Шегон поступил вовсе не безрассудно, он хотел сделать доброе дело.

Об этом Рэйт даже не подозревал. Лучше бы он и дальше не знал.

– Не ты один виноват в случившемся, – мягко добавил Малькольм. – Шегон мог бы растолковать гораздо лучше, вот только фрэи не станут ничего объяснять тем, кого считают чуть выше животных.

– Ничего бы это не изменило. Отец гордился своим мечом и берег его. Такой уж он был. Отдать меч для него все равно, что добровольно сложить голову. Или даже хуже – как душу потерять.

– Теперь этот превосходный клинок твой.

– Уж какой есть. – Рэйт достал медный клинок из ножен и осмотрел обломок. – Меч Шегона перерубил его словно палку, а ведь это лучшее оружие нашего клана... Оно передавалось от отца к сыну на протяжении многих поколений. По легенде, его выковал для моего прапрапрадеда один дхерг за то, что мой предок спас ему жизнь. – Рэйт сунул обломок обратно в ножны. Потом он покусал губы и глубоко вздохнул. – Я забыл тебя поблагодарить.

– Не стоит. Я ничуть тебе не помог, – заверил Малькольм.

– Если бы не ты, я бы погиб!

Малькольм поднял голову и с любопытством уставился на Рэйта.

– Ты все равно погибнешь. Только перед этим побегаешь по лесу с пустым желудком и стертыми ногами. Впрочем, нет худа без добра: твое имя запомнят. Нельзя убить бога и остаться незамеченным.

Крак!

В темноте, за пределами круга света, отбрасываемого костром, раздался треск дерева. Не просто хрустнула сломанная ветка, хотя тогда бы они тоже встревожились – им уже приходилось слышать, что в ночи бродят звери неизвестно какого размера. Под звуки леса засыпать трудно. Но на этот раз было что-то другое. Не треск, скорее удар – странный глухой звук. Оба вскочили на ноги. Беглецы стали всматриваться в сумрак, потом Рэйт подкинул в костер побольше дров.

– Что это? – прошептал Малькольм.

– Не знаю, – так же тихо ответил Рэйт. – Может быть все, что угодно.

– Например – что?

– Пожалуй, худший вариант – рэйо.

– Худший?! Почему начинать надо с худшего? Почему бы не предположить, что одно дерево упало на другое?

– Расслабься. Вряд ли это рэйо. Будь это он, мы уже наткнулись бы на человеческие кости, да и сами были бы давно мертвы.

– Спасибо, утешил. Итак, что же это может быть?

Рэйт посмотрел на него и улыбнулся.

– Упавшее дерево.

Малькольм усмехнулся.

– А если серьезно?..

Рэйт оглядел заросшие мхом камни, потом посмотрел на деревья.

– Лешие.

– Кто это?

– Лесные духи. Судя по всему, они заделывают нашу тропу, чтобы с утра мы не знали, в каком направлении идти. Они любят пошалить, но для взрослого человека не опасны.

Костер разгорелся, и Малькольм отошел подальше от жара. Беглецы смотрели друг на друга отчасти скептически, отчасти с надеждой. Рэйт кивнул.

– Да-да, мне приходилось видеть их весеннее сборище. Такие маленькие огоньки, что носятся над травой.

– Это светлячки.

– Ну, некоторые из них действительно светляки, самые яркие – лешие. Их излюбленное развлечение – заманивать детишек подальше от дома. Иногда к быстротечной реке, иногда к глубокому озеру, чтобы те утонули.

– Повеселее историй ты не знаешь? – скривился Малькольм. – Хватит расстраивать духа огня.

Рэйт пожал плечами и бросил в костер еще одну ветку.

– Я родом из Дьюрии, такие уж у нас сказки.

Малькольм покосился на темный лес и покачал головой.

– Вряд ли это лешие...

Для человека, который без Рэйта наверняка бы погиб, Малькольм слишком явно сомневался в познаниях своего проводника.

– Хм, я почти в этом уверен, – заявил Рэйт. – Они прячут наши следы – хотят, чтобы мы заблудились в их треклятом лесу.

Малькольм не успел и рта раскрыть, как по лесу снова разнесся странный глухой звук. На этот раз сперва закрипело, потом протяжно заныло, и послышался глухой удар. Более того, вдалеке зазвенел смех и поющие голоса.

Беглецы пораженно уставились друг на друга.

– Пахнет едой! – заметил Малькольм.

Рэйт покивал. Он тоже почувствовал приятный запах. Ветер переменился, и в их направлении потянуло дымом и жареным мясом.

– Похоже, ты прав – это не лешие. Вероятно, кримбалы. Они, как известно, устраивают грандиозные пирушки.

– Пирушки? – Малькольм вскочил. – Может быть, мы...

– Нет! Не надо! – Рэйт схватил его за руку.

– Но еда... Помнишь, что это такое? Я про настоящую еду!

– Так они и заманивают людей. Проходы в деревьях ведут в их волшебную страну под названием Ногг. Там они укладывают человека на перину, играют на музыкальных инструментах и угощают жареной кабаниной, олениной, говядиной и ягнятиной в сметане и меду – ешь сколько влезет.

Малькольм облизнулся.

– Потом поят элем, вином и медовухой, кормят пирогами.

– Да ты что? А с чем пироги?

– Неважно, с чем, потому что выбраться оттуда ты уже не сможешь. Стоит тебе войти, попробовать их еду, и ты останешься в Ногге навечно!

Малькольм моргнул.

– Ну и что?

– Как это – что?

– Еда у них хорошая?

– Говорят, невероятно вкусная.

– Постели мягкие и теплые?

Рэйт кивнул.

– Значит, либо мы остаемся здесь, – Малькольм обвел полянку широким жестом, – и голодаем в жутком лесу, либо живем до конца дней в стране чудес, изобилия, музыки и веселья. Звучит отвратительно! Пошли!

Возражать было бесполезно. От таких доводов Рэйт растерялся.

– И еще, – Малькольм поднял палец, – каковы шансы, что фрэи найдут нас в этой волшебной стране Ногг?

Теперь наступил черед Рэйта изумленно таращиться. Он взгляделся в темную чащу, откуда доносились смех и пение.

– Помоги-ка потушить костер.

Они разбросали ветки и затоптали огонь. Рэйт пошел первым. С каждым шагом шум становился все громче. В ночном воздухе разносились голоса и собачий лай. Темнота отступала, из-под редящего купола листвы проглянули звезды. Они очутились на краю леса. Впереди лежала освещенная половинкой луны равнина, по которой змеилась хорошо утоптанная дорога. Вдалеке в окнах бревенчатого дома горел огонь.

– Это страна Ногг? – спросил Малькольм.

– Нет, – ответил Рэйт. – Это придорожная таверна, где останавливаются путники.

– Мы – путники! – воскликнул Малькольм, не помня себя от радости. – Как думаешь, нам дадут покушать?

Рэйт пожал плечами.

– Есть только один способ это узнать...

* * *

Рэйт ненавидел, когда на него таращатся. Слишком часто это заканчивалось дракой. Еще он не любил чужаков, они его раздражали. Поэтому неудивительно, что он был не в духе: они с Малькольмом сидели в окружении дюжины чужаков, во все глаза глядевших, как беглецы едят.

Ничего не было сказано, по крайней мере, достаточно громко. Шептались возле большого деревянного блюда, с которого две служанки раздавали баранье жаркое, тихо переговариваясь

с посетителями. Иногда они бросали взгляды на Малькольма, но в основном смотрели во все глаза на Рэйта, будто вместо шапки он надел на голову поросенка. Вернувшись к столам, люди продолжали пялиться на него, перешептываясь между собой.

– Как думаешь, о чем они говорят? – спросил Рэйт, толкнув Малькольма в бок.

Бывший раб даже головы от миски не поднял.

– Говорят, что ты чудо как пригож, и прикидывают, на какой из своих сестер тебя женить. – Он пожал плечами. – Откуда мне знать?

– Думаю, они собираются перерезать нам глотки...

– Мое предположение нравится мне больше! – Малькольм повозил пальцем по дну миски и с удовольствием его облизал. – Может, после моей истории нам дадут добавки?

– Не думал, что ты голоден. Пару жалких кусочков, что нам дали, ты ел целую вечность.

– Я растягивал удовольствие на случай, если нам больше ничего не достанется, – пояснил Малькольм, вылизывая миску. – Скажи-ка вот что: в светском обществе рхунов считается дурным тоном облизывать миску или нет?

– В светском обществе рхунов нет понятия дурной тон, по крайней мере, в Дьюрии. Здесь все может быть иначе. Местные привыкли делать, как им велено. Что касается обещанной истории – ты ведь не собираешься рассказывать им правду?

– Разумеется, нет. Я голодный, а не глупый. Такая история никого не накормит. Нас тут же выкинут те, кто еще не уснет от скуки.

– Ну, просто не говори ничего такого, что может их оскорбить.

– Верь людям!

Малькольм принялся облизывать край миски.

До чего он странный, подумал Рэйт. И облизывание миски тут вовсе ни при чем – это было самое нормальное из того, что он делал. Станным Малькольм казался из-за всего остального. Бывший раб не носил бороду, волосы стриг коротко и расчесывал. Сидел слишком прямо, мыл руки и лицо каждое утро и перед приемом пищи, расстраивался из-за пятен на одежде, разговаривал с чудаковатым изяществом и использовал кучу слов, которых Рэйт ни разу не слышал.

– Ты хороший рассказчик?

– Уффим, – ответил Малькольм, все еще облизывая миску.

– Чего-чего?

Малькольм оторвался от миски.

– Увидим.

Хижина занимала большую часть места внутри частокола. Еще там находились загон для домашних животных и сарай для припасов. Самым просторным помещением таверны была комната, где сидели беглецы. В Дьюрии дома строят из глины, крыши делают в форме конуса и кроют связками соломы. Этот был побогаче, из цельных бревен с крепкой крышей, которую не сдувает каждым порывом ветра. Помещение большое, места возле очага хватало. Взамен сухого навоза в нем пылали настоящие дрова.

– Как звать? – спросил, вытягивая ноги, один из закончивших ужинать – постарше остальных.

Может, его вынудили начать разговор. Хотя, вероятнее всего, он был вожакom или пытался им казаться. Стоило ему заговорить, как шепот стих, и все посмотрели в их сторону.

– А тебя? – немного резко ответил Рэйт вопросом на вопрос.

– Не лезь на рожон, мне просто интересно. Уж и спросить нельзя? – Он оглянулся через плечо в поисках поддержки. Добродушный и приземистый тип, из тех, кому вечно нужно одобрение. – Всех остальных мы знаем. Видимся на дорогах много лет. Вон там Кэйн, сын Хэйла, который передал ему свое дело пять лет назад. И он неплохо справляется. Вон там Хэмп из

клана Мэнахан, почтенный торговец шерстью. Я Джастен из Далль-Рэна. Меня знают все, но вас двоих мы раньше не встречали. Так кто же вы?

– Вы уже знаете наши имена, – напомнил Рэйт. – Нас спрашивал человек на воротах, потом рассказал остальным. Я видел, как вы шептались. Мне скрывать нечего. Мы просто мимо проходили. Заблудились в лесу, почуяли дым и запах еды, понадеялись на гостеприимство. Вот и все. Мы никому не собираемся устраивать неприятностей. Не стесняйся. Спрашивай, о чем хочешь. Я отвечу.

– Ни к чему так заводить... Мы всего лишь торговцы. – Вожак огляделся, и многие пригнули головы к тарелкам. Некоторые одобрительно заворчали. Все уставились на Рэйта, будто он собрался показывать фокусы. – Понимаешь, мы пытаемся выжить, как и ты. Мои волы таскают бревна по тракту между Далль-Рэном и Нэдаком, иногда в Мэнахан – там тоже нужна древесина. И я вовсе не ищу неприятностей! – Джастен поднял руки и обернулся. – Видишь, у меня ничего при себе нет. Мы оставляем свои остроги снаружи – обстановка получается более дружеская, понимаешь? Негласное правило. А ты сидишь тут с клинком на спине. Внутри таверны оружие ни к чему.

– Он сломан.

– Неужели? – Торговец оглянулся на остальных.

Они отставляли миски и поворачивались к чужакам, сверля их напряженными взглядами.

– Судя по рисунку на твоей ли-море и одеялу, на котором вы сидите... Это ведь узоры клана Дьюрия?

– Верно. И что с того? – Другого Рэйт и не ожидал. – Ну же, давай, выскажись. Что там у тебя в зубах застряло? Спрашивай, не тяни.

Мужчина напрягся.

– Ладно. Ходят слухи, что кто-то убил бога.

Этого Рэйт ожидал в последнюю очередь.

– Боги бессмертны, – ответил он, радуясь своей находчивости, пододвинул пустую миску и сделал вид, будто ест.

– Мы тоже так думали...

Рэйт провел пальцем по краю пустой миски, как Малькольм.

– Значит, просто слух. Какой-нибудь хвостун придумал.

Люди переглянулись.

– Это сказал не человек. Говорят, сами фрэй явились из Алон-Риста. Ищут рхуна, убившего одного из богов. Говорят, он из клана Дьюрия и воспользовался медным мечом. Таких немного. Как ни странно, у тебя тоже медный меч. Еще сказали, что в драке оружие сломалось. Будто бы все произошло неделю назад на том берегу Берна. – Вожак пристально посмотрел на Рэйта. – Так откуда именно вы идете?

– Конечно-конечно. Вопрос вполне уместный, не так ли? – Рэйт покивал. – Мэнахан славится шерстью и красивыми девушками. Все знают, что лучшие поэты и музыканты – в Мэлене. Из Нэдака везут лучшие меха, а чем знаменита Дьюрия? Сплошными неприятностями. Так вы думаете? Если пропала краюха хлеба, началась шумная драка или понесла незамужняя девка – во всем винят дьюрийцев. И если боги ищут зачинщика, то кого они найдут?

– Тогда расскажи, как сломался твой меч! Занятная подробность: лишь только этот слух дошел до нас, и вот он ты! Знаешь, что я думаю? Бога убили вы! – заявил Джастен.

Он держался твердо как мог, но Рэйт сбил бы его с ног играючи. Джастен это тоже понимал. Дьюрийцы славились драками. Мужчины на каменистых равнинах были под стать скалам, дьюрийские мальчишки сызмала учились махать кулаками. По-другому там выжить нельзя.

– Ты прав! – воскликнул Малькольм, вставая. К нему метнулись все взгляды (Рэйт тоже не стал исключением). – Это он убил асендвэйра Шегона!

Рэйт захотелось придушить тощего, похожего на хорька типа, но было слишком поздно. Вопрос лишь в том, что делать теперь. Врать Рэйт не привык. Дьюрицам это не свойственно.

– Да, его убил я.

– Почему? – спросил Джастен.

– Он убил моего отца. Прямо у меня на глазах, его же клинком. Вот он. – Рэйт похлопал висевший в ножнах меч.

– Как такое вообще возможно? – спросил торговец помоложе, набросивший на плечи одеяло, словно шаль. Вероятно, это был Кэйн, сын Хэйла. Рэйт плохо запоминал лица и имена. – Они не могут умирать!

«Угу, самое время об этом задуматься. И где ты был минуту назад, Кэйн?» – подумал Рэйт, но вслух сказал другое:

– Видимо, очень даже могут.

– Как тебе это удалось? – снова вступил Джастен.

– Я вынул меч из тела отца и ударил изо всех сил. Оружие фрэя разрезало клинок пополам. Еще чуть-чуть – и мне конец. Я это знал, и фрэй это знал. И тогда...

– И тогда Рэйт, сын Херкимера, герой Дьюрии, совершил нечто поразительное! – перебил Малькольм. Тощий парень вышел на середину помещения, подобострастно наклонился и замахал руками. Он говорил громким, отчетливым голосом, который разносился по всему трактиру. – Понимаете, Шегон был мастером охоты, как и все асендвэйр. Я-то знаю точно. Я жил с ним в Алон-Ристе. – Он показал на металлический ошейник на шее. – Его раб и личный слуга. Шегон был худшим из всех фрэев, настоящим кулом! Я видел его на рейде в рху... то есть в наших деревнях, видел, как фрэй захватывают наших женщин! Они их не насилуют. Нет уж! Фрэй не станут осквернять себя нашими женщинами. Знаете, что они с ним делают?

– Что? – хором спросили торговцы.

– Скармливают охотничьим собакам, потому что те любят мясо понежнее!

Все заахали и заворчали.

– Как я уже сказал, худшим из них был Шегон. Он рыскал по землям по ту сторону Берна с отрядом душегубов – просто стая кровожадных волков! Своими глазами видел, как он проверял остроту клинка на руке ребенка. Отрубил ее с двух ударов. Результат его не порадовал, и он велел кузнецу получше наточить лезвие, потом опробовал еще раз. Вторая ручка ребенка упала с одного удара... Шегон был злодеем, настоящим чудовищем, к тому же фрэем, а значит, излишне самонадеянным. И эта самонадеянность вышла ему боком. Шегон не видел угрозы ни в Рэйте, ни в другом человеке. Рхуны – так они презрительно называют нас – вроде бы не способны причинить им вреда. Однако никогда прежде рхун не пытался дать отпор фрэю. Никто не отваживался, и никто не обладал должным мастерством. Фрэй правили миром на протяжении многих веков. Они истребили дхергов, разгромили великанов и загнали в море гоблинов. Не было у них ни равных противников, ни тех, кого бы они боялись... Не было до сегодняшнего дня!

Малькольм замолчал и обозрел комнату. Убедившись, что привлек всеобщее внимание, он продолжил:

– Шегон атаковал так небрежно, так грубо, что Рэйт смог увернуться, сделав ловкий прыжок. Шегон был уверен в легкой победе и совершенно опешил, когда Рэйт выскользнул из его хватки. Как он посмел! И в этот миг замешательства Рэйт показал себя на высоте! Ведь Шегон не ведал, что перед ним вовсе не обычный рхун. Рэйт – мастер боевых искусств, равного которому наш мир не знал. Клинок сломался, но мужество Рэйта осталось при нем. Он полоснул злодея по запястью рукоятью меча. Непривычный к боли Шегон настолько опешил, что выронил меч. Не успел тот коснуться земли, как Рэйт, сын Херкимера, поймал его и нанес удар прямо в цель – в самое горло чудовища!

Посетители таверны все как один распахнули рты и подались вперед.

– Шегон – гнусный властелин фрэев – упал мертвым к ногам Рэйта. Дюжина остальных фрэев – убийцы и угнетатели людей – были в таком ужасе, что бросились бежать. Рэйт прокричал им вслед, что теперь людской род больше не станет подчиняться лжебогам!

Малькольм расправил складки своих грязных и драных одежд.

– Именно тогда великий Рэйт из клана Дьюрия разбил мои рабские оковы. «Пойдем со мной! – сказал он. – Пойдем со мной, и ты будешь дышать воздухом свободы!» Мы вместе двинулись через жуткий Серповидный лес, но в пути я не страшился ничего, ибо рядом был Рэйт, Убийца Богов. Я не впал в отчаяние даже тогда, когда лешие запутали путь, заставив нас блуждать много дней без пищи. Понимаете, духам леса ужасно захотелось, чтобы такой великий герой, как Рэйт Убийца Богов остался под их сенью. Они морочили нас, желая оставить в своих владениях навсегда. И Рэйт сказал: спастись не удастся, если только мы не перехитрим лес. Рэйт задал ему хитрую загадку. В лес приходят четыре брата. Первого встречают с радостью, второго – с любовью, третий всегда приносит тяжелые вести, последнего все страшатся. Они приходят каждый год, но всегда поодиночке. Как их зовут? Пока лес пытался найти отгадку, Рэйт и я ускользнули, и вот мы здесь, голодные и уставшие. Так и вышло, что сегодня вечером мы сидим среди вас в этом достойном всяческого уважения трактире!

Малькольм вернулся к одеялу и указал на Рэйта.

– Перед вами – перед всеми нами – сидит герой кланов, человек, который отказался умирать, когда кровожадный фрэй ни с того ни с сего посягнул на жизнь рхуна. Вот герой, за один краткий, чудесный миг, вернувший достоинство и свободу нам всем. Рэйт, сын Херкимера из клана Дьюрия!

Он уселся. Посетители таверны застучали мисками по столу, выражая одобрение. Джастен поднял руку, останавливая их.

– Погодите-погодите! Разве человек, убивший бога и сломавший меч, не забрал бы себе его клинок?

Не успел Рэйт ничего сообразить, как Малькольм откинул одеяло и предъявил всем меч Шегона с золоченым эфесом и драгоценными камнями, сверкнувшими в свете огня.

– Еще как забрал!

Посетители снова загремели мисками о столы.

– С ума сбрендил? – прошептал Рэйт.

– Им понравилась моя история.

– Это же неправда!

– Неужели? Я запомнил все именно так.

– Но...

Крупный бритый наголо торговец с курчавой черной бородой поднялся с места. Он оказался выше Рэйта, а таких встречалось немного. Он был не просто высоким. Он выглядел мощным, как бык.

– Чушь собачья! – заявил он, выдвигая подбородок вперед и тыча пальцем. – У тебя при себе красивый меч. Ну и что с того? Ничего это не доказывает! По мне, так никакой ты не Убийца Богов. Я Донни из Нэдака, а вы похожи на парочку лгунов, настроившихся на халявную жратву!

Голоса смолкли, повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь треском и шипением огня.

Рэйт обернулся к Малькольму и прошептал:

– Вот видишь! В этом и есть недостаток твоего плана. Всегда найдется какой-нибудь Донни.

– Ясное дело, доказать ничего ты не можешь! – не успокаивался Донни. – Насколько я понимаю, человек, способный убить бога, и со стариком вроде меня сладит. Что скажешь, Рэйт из Дьюрии? Думаешь, ты тут самый сильный?

– Сможешь его одолеть? – шепотом спросил Малькольм.

Рэйт оглядел Донни и пожал плечами.

– Здорово смахивает на моего старшего братца Хэгеля.

– Сможешь ему наkostenить, не убив?

– Ну, это гораздо сложнее, – вздохнул Рэйт.

– Если ты его убьешь, поесть нам вряд ли дадут.

– Тебя в Алон-Ристе что – каждый день кормили?

– Это лишь одна из дурных привычек, которых я там нахватался.

– Ну что, малыш? – поддел Донни. – Я назвал тебя лжецом.

– Еще ты назвал меня малышом. Я вот пытаюсь выяснить, что для меня более оскорбительно.

Донни направился к столу с остатками жаркого и взял разделочный нож.

– Теперь он с ножом, – сообщил Рэйт Малькольму.

Бывший раб похлопал его по животу и улыбнулся. Рэйт снял со спины сломанный меч и отдал Малькольму вместе с клинком Шегона.

– Лучше поддержи пока у себя, чтобы у меня не было искушения...

Здоровяк рассмеялся, увидев, как Рэйт разоружается.

– А я свой ножик не брошу!

– Почему-то я так и думал, – заметил Рэйт.

– Я тебя выпотрошу!

– Посмотрим.

Рэйт скинул ли-мору, оставшись в рубашке. Он вырос с тремя старшими братьями-сидистами, которых учил драться отец, перенявший искусство боя от фрэя. Рэйта он тоже кое-чему научил. Во-первых, уметь принимать поражение. Во-вторых, пользоваться тем, что более рослый противник всегда недооценивает более мелкого, особенно если тот не вооружен. Благодаря этому Рэиту не раз удавалось неприятно удивлять братьев.

Донни поднял нож и улыбнулся. Рэйт на это и надеялся. Его старший брат, Хайм, тоже начал драку с улыбкой. Один раз.

Рэйт ожидал, что Донни будет двигаться медленно, высоко подняв нож, и вытянет вперед свободную руку, чтобы заблокировать возможные удары. Так дрался Хайм. Херкимер хорошо выучил сыновей, и старику было плевать, сколько ущерба они нанесут друг другу. Дидан лишился пальца лишь из-за того, что Херкимер хотел доказать, как важно не терять концентрацию. Дело в том, что все они учились драться по-дьюрийски – так, чтобы выжить.

Донни не был дьюрийцем. Здоровяк рванул с места как бык, размахивая ножом над головой и яростно вопя. Рэйт глазам своим не поверил. Так могла бы вести себя старушка с метлой, гоняющая кроликов по огороду.

Рэйт ждал до последнего, затем шагнул в сторону, выставив колено. Донни даже не попытался отклониться. Вероятно, хотел сбить Рэйта с ног и воткнуть в него нож. К несчастью для торговца, колено Рэйта попало ему прямо в живот. Донни выдохнул с громким свистом и упал, сжавшись в комок. Рэйт наступил на державшую нож руку, сломав по крайней мере один палец и убедив противника выпустить оружие. Пинок в лицо заставил здоровяка расхныкаться.

– Мы закончили? – спросил Рэйт.

Донни всхлипывал, закрыв лицо руками.

– Я спрашиваю, мы закончили?

Донни взвыл, и все же кивнул.

– Ладно, тогда дай-ка посмотреть... – Рэйт склонился над здоровяком и отвел его большие руки в стороны.

Нос Донни смотрел набок, из него хлестала кровь.

– Ничего страшного. Просто нос сломан, – солгал Рэйт.

Два пальца на правой руке торговца были неестественно выгнуты, но Рэйт решил не заострять на этом внимание. Вероятно, Донни не заметил... Пока не заметил. Похоже, у него вся рука онемела.

Рэйт встал рядом с ним на колени.

– Я могу вправить тебе нос, только ты должен мне доверять.

Донни занервничал.

– Драка закончена?

Рэйт кивнул.

– Я ведь не хотел драться, помнишь? Теперь расслабься. Я знаю, что делаю. Даже себе один раз вправлял...

Рэйт осторожно прикоснулся к переносице.

– Врать не буду. Это довольно... – Рэйт с треском привел нос торговца в прежнее положение.

Отец объяснил ему, как важно отвлечь человека вовремя. Лучший способ – действовать на середине фразы, разумеется, если противник хочет поговорить. А его сестра Кайлин применила этот прием для медицинских целей, когда вырывала Рэиту молочный зуб.

Донни завопил и дернулся. Лежа на грязном полу, он ощупывал целыми пальцами то, что не мог увидеть глазами.

– Гораздо лучше! – объявил Рэйт. – Совсем хорошо станет, когда ты перестанешь смахивать на черноглазого енота, зато сохранишь свой красивый профиль.

Подожли несколько мужчин с Джастеном во главе.

– Хинг! – окликнул он хозяина трактира. – Неси столько еды, сколько эти двое смогут съесть, и запиши на мой счет. Не каждый день доводится угостить ужином героя!

– И медовуху тащи! – велел торговец в красной шапке. – С меня еще один тюк шерсти.

Молодой торговец в накинутом на плечи одеяле объявил:

– Я поставлю еще один кувшин меда за то, чтобы Рэйт со своим слугой разделили со мной лучшие места у огня!

Малькольм широко улыбнулся Рэиту.

– Признаю, ты хороший рассказчик.

Глава 4

Новый вождь

«Преемственность власти в клане осуществлялась по строгим законам, традиции передавались из поколения в поколение с помощью Хранительницы Уклада. Почти всегда мужчинам приходилось брать власть силой, и всегда правил нами сильнейший».
«Книга Брин»

Персефона поморщилась и потянула сильнее, но кольцо застряло. Неудивительно, ведь Рэглан надел его на палец жены двадцать лет назад, когда ей было семнадцать, а ему сорок один. С тех пор она носила его, не снимая.

Двадцать лет.

Вроде бы все случилось недавно, однако Персефоне казалось, что они были вместе всегда. В тот день, когда он надел ей кольцо, оно оказалось велико. Пришлось оборачивать палец ниткой, чтобы серебряный ободок не соскальзывал. Заветная реликвия передавалась со времен Гэфа, и потерять ее Персефона очень страшилась. Этого не произошло. Нужда в нитке отпала при первой беременности. Глядя на руку, Персефона поняла, как сильно она изменилась с годами.

«Мы изменили друг друга».

– Принесу немного куриного жира. – Сара направилась к двери.

– погоди, – остановила ее Персефона.

Она облизнула палец, сжала зубы и с усилием перетянула металлический ободок через сустав.

– Ой! – сочувственно содрогнулась Сара. – Представляю, как это больно.

Судя по мудрому материнскому тону, она имела в виду не только боль в пальце.

Внезапно Персефона вспомнила, что Сара присутствовала при том, как муж надел ей кольцо на палец. Большинство браков обходились без формальностей. Пара лишь объявляла во всеуслышание, что теперь живет под одной крышей или что у них родился ребенок. Персефона же стала женой вождя, что требовало торжественной церемонии, и Сара, ее ближайшая подруга, стояла с ней рядом. Кольцо и торк были символами власти помощницы вождя. Однако для Персефоны серебряный ободок всегда означал любовь Рэглана.

Персефона кивнула и постаралась не заплакать снова. Хватит, и так уже глаза красные, нос распух.

После смерти мужа наследника не осталось, и Персефоне надлежало освободить жилье для нового вождя с семьей. Сто лет прошло с тех пор, как жена вождя не справилась со своим самым важным долгом: выносить дитя, которое займет место отца. Пришлось обратиться за советом к Мэйв, Хранительнице Уклада, и она объявила, что обязанности вождя должен взять на себя Коннигер, Щит Рэглана. Наверняка найдутся и другие претенденты, так что пока ничего не решено. Впрочем, независимо от того, кто победит, участь Персефоны решена. И идти ей некуда.

Сара была рядом двадцать лет назад и вновь встала на сторону Персефоны, предложив ей кров. Снаружи все хижины выглядели одинаковыми, благо места и глины на постройку хватало всем. Внутри домик Сары был, пожалуй, самым уютным. На полу звериные шкуры, вдоль стен корзинки, прялка, замысловатый ткацкий станок, огромная кровать, застеленная мехами, – идеальное место для того, чтобы отдохнуть и забыться. В центре горел открытый очаг, даруя приятное тепло. Трубы не было, поэтому дым клубился в верхнем углу конусообразной крыши, медленно подсушивая подвешенные на балках пучки трав, вяленое мясо и

рыбу. Отчасти уют создавали груды шерсти, ниток, пряжи и стопки готовой ткани, обеспечивавшие мягкость линий. Но совершенно особой эту хижину делали стены – таких не было ни у кого в далле. Хозяева покрыли их штукатуркой, и Брин, дочь Сары, расписала удивительными рисунками. Некоторые были просто очертаниями маленьких ручек, обведенных углем, другие представляли собой круги и завитки желтой и оранжевой краски. Третьи изображали тщательно прописанных людей и события. Даже бревна дверного проема, не говоря о самой двери, покрывали облака и звезды. Круглые стены домика Сары восхищали своей живописностью.

– Поверить не могу, что забыла его снять. – Персефона держала в руках кольцо. – Ты не отнесешь его за меня?

Сара взяла кольцо и сочувственно кивнула.

Персефона не нуждалась в сочувствии. Она всегда старалась служить примером для своего народа, и ей никак не удавалось свыкнуться с ролью безутешной вдовы.

– Нет, погоди! Я должна отдать его Трессе сама. Иначе это будет выглядеть так, словно я отношусь к ней неодобительно.

– Не обязательно оно достанется Трессе, – заметила Сара, подходя к двери и выглядывая наружу. – Холлиман бросил вызов Коннигеру. Сейчас будут биться.

– Холлиман? – удивилась Персефона. – Быть не может!

Персефона присоединилась к подруге. Домик Сары выходил на заросшую травой площадку перед крыльцом чертога вождя, где обычно собирались жители далля. Между горящими у статуи Мари факелами стояли двое мужчин с топорами, проверяя ремни на деревянных щитах.

– Не похоже, что у него есть шанс. – Сара распахнула дверь настежь.

– Холлиман простой охотник, – заметила Персефона. – Коннигер был Щитом Рэглана много лет.

– Он парень крупный.

– Коннигер больше.

– Ненамного. В бою важен не только размер. Еще есть скорость и...

– Опыт? – Сара отпустила дверь и та захлопнулась.

Персефона удивленно уставилась на подругу.

– Хорошо, что бой заведомо неравный – Коннигеру необязательно убивать Холлимана. Он сдастся быстро. Мы не можем позволить себе потерять искусного охотника.

Дверь распахнулась, и вошла дочь Сары.

– Извините, что задержалась.

Брин выросла высокой и немного нескладной версией своей матери. У Сары был крошечный носик и приятная улыбка, и хотя красавицей ее никто бы не назвал, она всегда отличалась удивительной миловидностью. Обе заплетали волосы в косы, точнее, этим наверняка занималась Сара – недаром ее считали самой искусной ткачихой в далле.

Девушка плюхнулась на кровать и тяжело вздохнула.

– Что случилось? – спросила Сара.

– Эта Мэйв совсем чокнутая! И дура к тому же.

– Брин! – негодуя воскликнула ее мать.

– Не понимаю, зачем учить наизусть все, вплоть до ударений в слове и порядка следования имен в списках.

– Мэйв – необычайно талантливая и достойная Хранительница.

– Она же старая! – воскликнула Брин.

– Как и я, как и Персефона. Уверяю тебя, мы еще не выжили из ума.

– Ладно, если ты старая, то Мэйв – древняя и точно не в себе! – Брин уселась, скрестив ноги. – Она рехнулась, если думает, что нормальный человек в состоянии запомнить столько

мелких подробностей. Кому какое дело, что в списке погибших воинов в Битве при Гленмуре Хэйген идет после Додена?

– Понимаю, тебе трудно удержать в памяти все, – сказала Сара. – Однако ты не должна винить в своих неудачах других. Так Хранителем не станешь. Тебе следует уделять учебе больше времени.

Брин скривилась и сложила руки на груди.

– Твоя мать права, – заметила Персефона. – Быть Хранителем не значит лишь запоминать предания. Это еще и большая ответственность. Знание традиций и законов жизненно необходимо. Понимаю, мелкие подробности вроде когда и что сажать кажутся тебе скучными, но от них зависят людские жизни! Именно поэтому Хранители пользуются глубоким уважением.

– Знаю, но... – Брин обиженно отвернулась.

Персефона вздохнула.

– Брин, я так тебе сочувствую! Сейчас ты очень молода, но в будущем станешь прекрасным Хранителем! Тебе всего пятнадцать, и времени, чтобы научиться, предостаточно. Слушайся Мэйв, делай, как велено и не спорь. Если она потеряет терпение, то вместо тебя возьмет кого-нибудь другого.

– Может, так оно и лучше, – отозвалась Сара. – Продолжишь осваивать ткацкий станок.

– Мама, ну хватит! – Брин закатила глаза, потом встала и взяла пустую бутылку из тыквы.

– Сама назвала меня старой. Когда я совсем ослабею, мне понадобится преемница.

– Я не говорила, что ты старая! Я сказала, что старая – Мэйв, потом добавила, что она древняя. Ты сама завела речь о своем возрасте!

– Отличная у тебя память, – отметила Персефона.

Брин сверкнула озорной улыбкой.

– Ты должна быть на моей стороне, Персефона! – с укоризной проговорила Сара и обернулась к дочери. – Твоя бабушка, Брингильда, открыла мне секрет изготовления рэнской ткани и...

– И ты ненавидела ткать! – закончила за нее Брин. – Ты терпеть не могла мать моего отца за то, что она заставляла тебя работать часами.

– Конечно. Я была упрямой девчонкой вроде тебя, и все-таки справилась. Я научилась ткать, и это здорово. Иначе бы ты и половина далля ходили голыми, да и что бы мы делали с шерстью, которую настригает твой отец?

– Быть Хранителем тоже очень важно. Так сказала Персефона, а ведь она помощница вож... – Брин в ужасе закрыла рот рукой, будто нечаянно наступила на едва вылупившегося из яйца цыпленка.

– Ничего страшного, – заверила Персефона, потирая палец, на котором прежде носила кольцо. – Нам всем нужно привыкнуть к переменам.

Снаружи раздалось лязганье – бой начался. Кто-то выругался, кто-то охнул. Зрители вскрикнули, потом захлопали и загудели. С глухим ударом топор стукнул по щиту. Брин помчалась к порогу, но мать схватила ее за руку.

– Не надо тебе смотреть!

– Я за водой. У нас вода кончилась, знаешь?

– Брин... – В голосе Сары прозвучало явное неодобрение.

– Я только...

Раздался недовольный гул и шарканье ног, затем треск и вопль. Зрители снова вскрикнули, только на этот раз вовсе не одобрительно. Схватка за место вождя закончилась, и началась другая битва: женщины далля пытались спасти жизнь проигравшему.

– А ну, шевелись! – крикнула Падера.

Она среагировала первой. Круглая головка, пышная грудь и широкие бедра – Падера здорово смахивала на снеговика в юбке, однако шустро ринулась вперед, обгоняя мужчин

вдвое больше нее ростом. Падера была старухой, еще когда родилась Персефона, теперь же она являлась самой старой в клане Рэн. Жена фермера вырастила шестерых детей и бесчисленное множество коров, свиней, цыплят и коз. Падера постоянно выигрывала на осеннем празднике урожая, получая первые призы за самые крупные овощи и лучшие пироги. Никого более уважаемого в далле просто не было.

Услышав Падеру, кольцо сочувствующих разомкнулось. При виде места схватки Персефона вскрикнула. Нога Холлимана была в крови от колена и ниже. Мокрый от пота Коннигер пятился, едва удерживая топор. Заточенное каменное лезвие потемнело, на землю падали капли. Он смотрел на Холлимана со странным выражением на лице. Он будто чувствовал себя виноватым.

Холлиман поднялся на локтях. Выгибая спину и воя от боли, он изо всех сил пытался отползти. Вряд ли он сам знал, куда и зачем. Вероятно, проигравший не понимал, что при движении из раненой ноги хлещет поток крови, которая впитывается в весеннюю травку, окрашивая ее в ярко-красный цвет.

– Держите его! – выкрикнула Падера. – Несите веревку!

По ее команде мужчины схватили Холлимана за руки и прижали к земле, другие побежали за веревкой. Маячившая среди зрителей Роан бросилась к Падере и сорвала с Холлимана кожаный ремень.

– Оберни вокруг бедра, девочка. – Старуха приподняла кровоточащую ногу. – Затяни выше колена.

Роан выполнила указания быстро и четко, будто ей велели завязать мешок с яблоками. Равнодушные Падеры к виду крови было вполне объяснимо. Старуха частенько вправляла кости при вывихах и переломах, даже если обломки торчали сквозь кожу. Ей приходилось зашивать глубокие раны, принимать роды у женщин и у домашнего скота. Однако стойкость и предприимчивость Роан удивили всех. До недавнего времени молодая женщина была рабыней Иверарезчика и вела себя робко, словно полевая мышка. Она редко разговаривала и почти не выходила из хижины, которую унаследовала после смерти хозяина. И вот она бросилась действовать, не испугавшись ни криков Холлимана, ни того, что подол ее платья мигом пропитался кровью. Похоже, она этого просто не заметила.

Женщины взяли за концы ремня из сыромятной кожи и крепко его затянули. Фонтан крови сократился до потока.

– Добудь палку! – прорычала Падера.

Обе руки Роан были заняты ремнем, и она обратилась к дочери Сары:

– Брин! Достань из моей сумки молоток.

Брин протиснулась сквозь толпу, бросилась к Роан, открыла ее наплечную сумку и достала небольшой молоток.

– Сюда, детка. Клади рукоятку на пересечение ремней! – приказала Падера.

Брин заколебалась, глядя на кровь и морщась от криков Холлимана.

– Давай же! – крикнула Падера.

Персефона протиснулась вперед, взяла у девочки молоток и положила, куда надо. Падера с Роан обернули полосы вокруг рукоятки.

– Закручивай!

Хотя руки сильно тряслись, Персефона нашла в себе силы затянуть жгут. Поток крови сократился до ручейка, потом до капель.

– Так и держи, – скомандовала Падера, потом указала на статую Мари. – Принесите жаровню!

Ближайший мужчина скинул рубаху, обернул ею руки и принес посудину. Падера погасила огонь, оставив лишь тлеющие угли.

Холлиман почти перестал дергаться. Раскаленная кочерга коснулась его ноги, он дико закричал и обмяк. Запах разнесся ужасный, Персефоне пришлось прикрыть нос свободной рукой, другой она все еще крепко удерживала молоточек Роан.

Вокруг них толпились люди, встревожено перешептываясь. Холлиман был лучшим охотником в далле. Добытые им зимой олени многих спасли от голодной смерти. Детей после него не осталось, жена умерла от лихорадки три зимы назад. Снова он не женился. Сказал, что слишком горюет. Вождем Персефона его вряд ли бы выбрала, но человек он был хороший.

Коннигер прислонился к колодцу, все еще сжимая в руках топор. Его Персефона тоже бы не выбрала. Он не производил впечатления мудрого вождя, да и воодушевлять других был вряд ли способен. Типичный воин со щитом и топором.

Падера, заматывавшая почерневшую плоть на колене Холлимана, замерла. Она уставилась на лицо лежащего без сознания мужчины, будто он задал ей вопрос. Оставив в покое раненую ногу, приложила руку к его шее. Морщины на ее грубом лице очертились четче. Проворство старухи умерло вместе с Холлиманом. Она развязала жгут и вернула Роан молоток. Потом встала и пошла к колодцу, чтобы смыть кровь.

– Поздравляю, – бросила Падера Коннигеру. – Теперь ты вождь...

Глава 5

Перед дверью

«Изящная, сияющая, красивая – нам она казалась настоящей богиней и напугала всех до смерти».

«Книга Брин»

Пока все остальные фрэйи в Эриане праздновали, Арион стояла в темной гробнице. Она положила руку на мраморную урну, в которой покоился прах фэйн Фенелии. Отполированный до блеска сосуд достигал восьми футов в высоту, расширялся кверху и сужался книзу.

Неподалеку гуляли толпы народу – на площади Флорелла, на всех проспектах и даже во дворце. В эту ночь повсюду горели тысячи жаровен, возвещая начало правления фэйна Лотиана.

«Не прошло и месяца, а тебя уже забыли».

Арион коснулась урны лбом. Камень был холодный, очень холодный.

– Меня тревожит грядущее и нужен совет. – Она прислушалась, стараясь разобрать даже самый слабый звук.

Фенелия первой овладела Искусством и создала сословие миралиитов. Некогда она в одиночку побеждала целые армии, построила великую цитадель Авемпарта, и стала пятой фэйн, главой всех фрэев.

«Разве так уж необоснованна надежда на то, что она способна говорить со мной с той стороны? Почему бы и нет? Все остальное старушке удавалось вполне».

Впрочем, если бы Фенелия и ответила, Арион не расслышала бы ее из-за радостных возгласов, криков и смеха на улицах празднующего города.

В гробнице было темно – Арион не стала зажигать жаровни. Она оставила дверь открытой, чтобы впустить лунный свет, вместе с ним ворвался и шум. Где-то распевали хором «Проснись, весенний рассвет», но исполнение настолько оставляло желать лучшего, что зима вполне могла бы вернуться. Настроение Арион испортилось окончательно. Ее выводило из себя, что после ухода Фенелии кто-то может быть счастлив. К смерти Арион не привыкла. Как и все прочие фрэйи.

«Почему здесь стою лишь я одна? Неужели остальным все равно?»

Арион попыталась отсечь крики и пение и сосредоточилась на урне. В ту ночь она не надеялась услышать послание, она пришла за другим. Ей захотелось снова сказать: «Прощай».

– Я стану учить Мовиндьюле, как ты и просила. Лотиан разрешил. Вот только достаточно ли этого? После всего, что ты мне дала и чему научила, достаточно ли этого вообще? Я просто хотела...

Снаружи радостные возгласы сменились воплями ужаса.

Арион выбежала на затопленную площадь Флорелла, превратившуюся в озеро. Со ступеней гробницы Фенелии она могла бы нырнуть и даже не коснуться дна. Повсюду всплывали и кружились гирлянды и стяги, разбитые доски сцены и прочие обломки. Люди барахтались и хватили воздух ртом. Умевшие плавать кричали, не умевшие тонули.

Арион раскинула руки и громким хлопком распылила воду. Когда топает по луже, брызги летят во все стороны. Ей пришлось хлопнуть трижды, прежде чем появился камень. Украшенная к коронации рыночная площадь превратилась в груды разгромленных лавок и перепуганных людей, цеплявшихся за столбы или друг за друга.

Стайка промокших юнцов со смехом поднималась на ноги. Арион решительно зашагала к ним.

– Кто это устроил?

Все посмотрели на высокого, глупо улыбающегося юношу в зеленовато-голубом балахоне.

Его звали Эйден, и он окончил Академию искусства в Эстрамнадоне меньше десяти лет назад. Арион преподавала ему созвучия повышенной сложности. Талантливый мальчик. Оглядев его друзей, она узнала и некоторых из них тоже. Самые младшие все еще учились в Академии.

Эйден примирительно поднял руки.

– Послушайте, мы все вместе решили, что в праздничную ночь воде вряд найдется лучшее применение, чем изваять из нее статую фэйна Лотиана! Разве нет? – Он усмехнулся своим сообщникам. Некоторые улыбнулись в ответ и сдавленно захихикали. – Ну не пить же ее было?

Эйден пошатнулся, остальные засмеялись.

– Ты пьян! – воскликнула Арион.

– Я-то не виноват. – Эйден указал на Макарету, тоже бывшую ученицу Арион (робкая как мышка, интроверт с удивительным даром скульптора). – Она слишком долго возилась с чертами лица. Она у нас перфекционистка, знаете ли.

Макарета поморщилась и покраснела одновременно. Пьяны были они все.

– Вы решили изваять скульптуру из реки Шинары? – спросила Арион. – Прямо здесь, на площади?!

– Разве я не гений? Мы хотели, чтобы статуя улыбалась и подмигивала проходящим мимо людям!

Позади них пожилая фрэя с кашлем поднялась на ноги. Она пыталась убрать с лица слипшиеся волосы и озиралась по сторонам.

– Моя лавка! Ее больше нет!

– Видите, что вы наделали? – спросила Арион. – Не будь меня, не вмешайся я вовремя, она могла утонуть!

Эйден посмотрел на старушку и пожал плечами.

– Ну и что? Она же не из миралиитов. Лотиан убедительно доказал, насколько никчемны остальные сословия. Если они не в силах позаботиться о себе сами, то не заслуживают того, чтобы жить!

Макарета отшатнулась. Вероятно, выпила меньше остальных, а кроме того, успела хорошо изучить свою наставницу.

Арион зашипела, сжала руку в кулак, призывая огонь, и обратила Эйдена в живой факел. Он пронзительно закричал, и площадь ярко осветилась скользящими по телу заводилы языками пламени. Остальные бросились удирать со всех ног. Оглядываясь, они морщились при виде сторающего заживо приятеля. В ужас пришла даже пожилая ремесленница из сословия нилинд. Она испуганно закрылась рукой и глядела на юношу вытаращенными глазами.

Арион быстро дунула, будто тушила свечу. Пожиривший Эйдена огонь исчез. Бывший студент дрожал, но с виду был цел.

– Иллюзия! – прошептала Макарета.

Арион шагнула к Эйдену.

– Теперь ты куда трезвее! – Она окинула его яростным взглядом, и когда заговорила снова, тон ее был сух. – Беда с вами, молодыми, вот в чем: вы считаете себя неуязвимыми. Закон Феррола мешает мне тебя убить, однако это вовсе не значит, что ты невосприимчив к травмам. – Она шагнула ближе. – Как думаешь, насколько больно прожить тысячу лет без кожи? Могу устроить. Если услышу от тебя подобные речи, то так и сделаю! Это всех вас касается! Любого из вас! Ведь все мы фрэи. Поняли?

Все кивнули, причем энергичнее всех Эйден.

– Теперь уберите хлам и возместите ущерб за все, что нельзя починить, иначе клянусь Ферролом, я вас...

Они бросились исполнять, не дожидаясь окончания фразы. Арион успела поймать Макарету прежде, чем она присоединилась к друзьям.

– От тебя я такого не ожидала! Мне казалось, ты умнее. Занимайся лучше своими скульптурами и картинами. Они прекрасны, а нашему миру красота очень нужна. Слишком много уродства вокруг!

Посмотреть ей в глаза Макарета не осмелилась.

– Мне хочется думать, что Искусство нужно для вещей более существенных, чем красивые картины и резьба.

Арион кивнула.

– Возможно, только вовсе не для вещей, бессмысленных до такой степени. – Она обернулась к гробнице Фенелии. – Вырезанное из камня – это красота и истина, живущая вечно.

* * *

На следующее утро стало немного спокойнее. Участники праздника спали, и Арион с нетерпением ждала своего первого дня в качестве наставницы принца. Проходя через Сад Эстрамнадона, на скамье перед Дверью она заметила свою мать. Арион не видела Нирею по крайней мере пять сотен лет, однако та ничуть не изменилась. Все то же облако длинных белоснежных волос, все та же прямая спина и, пожалуй, та же белая ассика, в которой она была во время их последней встречи. Нирея куталась в складки однотонного шелка. Старшая фрэя казалась настолько древней, будто пережила все цвета.

– Здравствуй, мама.

– А, это ты, – равнодушно проговорила Нирея, не скрывая разочарования.

Арион ожидала другой реакции – более язвительной, но мать продолжала сидеть, сложив руки на коленях, глядя мимо дочери на заветную Дверь.

– И все? – спросила Арион. – Мы не виделись половину тысячелетия, и это все, что ты можешь мне сказать?

Нирея повернулась к ней лицом, склонила голову набок и прищурилась, изучая дочь.

– С бритой головой ты выглядишь нелепо. Еще ты слишком худая и бледная. Думаю, тебя редко выпускают на воздух, раз уж ты стала такой знаменитой чародейкой.

– Мама, я Мастер Искусства! Миралииты не чародеи, а Мастера Искусства. Чародеи показывают фокусы, используя ловкость рук. Мастера Искусства поднимают горы, управляют погодой и меняют направления рек.

– Ты используешь чары. Значит, чародейка. – Нирея снова перевела взгляд на Дверь.

«Прежней осталась не только ассика», – подумала Арион.

Она опустила рядом с матерью. Несмотря на избыток места, та поморщилась и отодвинулась подальше. Арион тоже непроизвольно выпрямилась и расправила складки, сожалея, что утром надела ярко-желтую ассика с изысканной голубой окантовкой.

Они сидели молча, слушая певчих птиц на деревьях, журчание ручьев и миниатюрных водопадов, которые искусные мастера совершенствовались на протяжении многих веков. Арион посмотрела на Дверь по другую сторону дорожки. Многократно выкрашенная в белый цвет Дверь была едва различима в сплошной стене, сверху ее венчал купол. Плющ и цветущие лозы винограда заплели строение много веков назад, однако поверхности Двери не касался ни один побег. Перед ней стояли скамьи для посетителей, чтобы они могли сидеть и созерцать простой белый вход.

– Хорошо выглядишь, – рискнула начать Арион. – Мне нравится твоя ассика. Новая?

– Нет.

Арион подождала. Нирея хранила молчание.

– Как там Иэра?

– Не знаю. Я не разговаривала с твоим отцом несколько веков.

– О, я не знала. – Арион убрала тоненькую кайму из виду. – Селеста больше не со мной. Так что я снова живу одна в своем маленьком домике.

– Наверняка он сбежал от грязи.

– Она, мама, не он. Селеста была... Впрочем, неважно.

Арион поймала себя на том, что сутулится, и снова выпрямилась.

«Почему я позволяю ей так со мной обращаться? Я ведь больше не дитя, проживающее свой первый век. И я вовсе не никто, теперь я...»

– Меня назначили наставницей принца, – сказала Арион.

– Насколько я понимаю, учить его ты будешь отнюдь не вере в господу нашего Феррола, – заметила мать, не отрывая глаз от Двери.

– Разумеется нет, мама. Я – миралиит. Причем уже почти тысячу лет.

– А, ну да, – без тени удивления проговорила Нирея.

Ее слова будто пропитались бесцветным, лишенным запаха ядом.

– Знаешь, многие матери гордились бы дочерью, занявшей такое высокое положение при дворе фэйна.

Нирея издала носом звук, недостаточно громкий для фыркания и слишком громкий для вдоха, но явно неодобрительный.

– Будь наш фэйн преданным умалином, а не миралиитом-безбожником, я бы с тобой согласилась.

– Мама, мы не безбожники. По крайней мере, не больше других.

– Да что ты? Я слышала иное. Миралииты утверждают, что Искусство возвысило их над всеми остальными. Некоторые даже объявили себя богами. Ни разу ни один из представителей других сословий не делал столь кощунственных заявлений!

– Рхуны считают богами инстарья. Почему ты на них не в претензии?

– Это совсем другое. Рхуны – не фрэи. Они лишь на одну ступень выше кроликов. Боги им видятся повсюду. Инстарья – единственные фрэи, которых они встречали, и я не слышала, чтобы кто-нибудь из них объявлял себя богом. Про миралиитов такого сказать не могу. К тому же то, что себе напридумывали рхуны, не имеет равным счетом никакого значения. Наверняка муравьи считают богами мышей. Феррола подобные убеждения ничуть не принижают.

– Если бы ты нашла время поговорить с самими миралиитами и не основывала свои предположения на слухах, то обнаружила бы, что идею божественности разделяет отнюдь не большинство из нас.

– И ты в их числе? – спросила Нирея.

– Нет.

Нирея разгладила несуществующие складки на своей ассике.

– Что ж, думаю, ты довольно скоро к ним присоединишься, ведь теперь ты стала такой важной особой.

– Я не хочу с тобой ссориться!

– Ссориться?! Никто ни с кем не ссорится. – Нирея отклонилась назад, сложила руки на груди и задрала подбородок, глядя на Дверь свысока.

«Как всегда выше всех», – подумала Арион.

– Я пришла сюда ради нескольких минут спокойного созерцания. И ничего больше, – добавила Нирея.

Они снова посидели в молчании, и Арион задумалась, не следует ли уйти. Тем утром она вовсе не ожидала встретить мать, хотя могла бы и сообразить. Все верховные жрецы и жрицы умалинов прибыли в Эстрамнадон, чтобы присутствовать на коронации нового фэйна, а ее мать никогда не упускала возможности навестить к Двери. Учитывая, что Нирея любила вставать пораньше и медитировать в рассветных лучах, Арион могла бы предсказать визит матери

в Сад с точностью до минуты. Нирея провела бесчисленные часы, размышляя о том сплошном разочаровании, которым обернулась ее дочь, однако Арион не думала о матери никогда. Внезапно возникшее чувство вины заставило ее предпринять последнюю попытку.

– Не хочешь сказать мне что-нибудь хорошее? – спросила Арион.

Нирея явно удивилась вопросу. На Арион она не взглянула, но и на Дверь уже не смотрела. Она задумалась, изучая землю под ногами. Сердце Арион судорожно замерло в ожидании ответа. Наконец Нирея кивнула, выпрямилась и улыбнулась. Арион подозревала, что усмешка родилась не из гордости за дочь, а из удовольствия от выигранного спора.

– Я рада видеть тебя в Саду. Не думала, что ты здесь бываешь. Приятно узнать, что, несмотря на предательство по отношению к умалинам и присоединение к правящему сословию миралиитов, у тебя все еще достаёт веры задумываться над тайнами Двери.

Хотя комплимент был сомнительный, Арион кивнула. У нее не хватило духу сказать матери, что она проходила через Сад лишь потому, что это был кратчайший путь во дворец.

То ли Нирея хотелось покинуть дочь в приподнятом настроении, то ли оставить последнее слово за собой. Независимо от причины она встала со скамьи.

– На этом простимся, поскольку я не хочу лишать тебя самого возвышенного момента дня.

– Ты придешь завтра?

Нирея покачала головой.

– Я здесь лишь для того, чтобы благословить нового фэйна. Это мы сделали вчера. Пронаблюдали за нелепейшей церемонией и лицезрели, как новый фэйн усаживает свой высокопоставленный зад на Лесной Трон. Потом созерцали, как весь город сходит с ума на празднике. Стайка твоих помешанных миралиитов затопила всю площадь Флорелла, слышала?

– Это были студенты, которые пытались изваять скульптуру фэйна Лотиана из вод реки Шинары. Успеха они не добились.

– Не добились потому, что успех достигается лишь физическим трудом, верой в Феррола и твердостью духа! Я все еще молюсь, чтобы в один прекрасный день ты смогла это постичь.

Она ушла прежде, чем Арион успела хоть что-то сказать. Они даже не попрощались. Арион сидела на скамье, глядя матери вслед.

«Я больше никогда ее не увижу. Интересно, есть ли ей до этого дело?»

Ни Нирея, ни Арион не были молоды. Нирея приближалась к двум с половиной тысячам лет, Арион недавно исполнилось две тысячи. Фрэи редко живут больше трех тысяч лет. Поскольку предыдущий фэйн правил почти две тысячи шестьсот лет и Нирея прибыла в город лишь из-за коронации, наверняка обе умрут прежде, чем им снова выпадет возможность увидеться. Конечно, Арион могла бы и сама навестить мать, однако она не видела смысла пускаться в многодневное путешествие ради повторения подобной стычки.

Арион вздохнула, откинулась на спинку скамьи и посмотрела на Дверь. Она ничего не могла с собой поделать – Дверь была прямо напротив. Хотя она проходила мимо святыни каждый день, на самом деле Арион не смотрела на нее более века. Как и ее мать, Дверь ничуть не изменилась.

Узнать, что за ней скрывается, хотелось очень многим, и Арион не была исключением. Тайна Двери оставалась непостижима, поэтому фрэи и разместили перед ней скамейки, чтобы приходить в Сад и размышлять о мире по ту сторону.

То ли из-за разбуженного матерью чувства вины, то ли из-за того, что она не делала этого слишком долго, Арион закрыла глаза, очистила свой разум и стала молиться.

* * *

– Она не права.

Голос вырвал Арион из состояния медитации и заставил открыть глаза. На скамье с ней рядом сидел парень в потрепанном коричневом балахоне. Он наклонился вперед, водрузил локти на колени и уставился на Дверь так же пристально, как делали и все прочие, включая Арион.

– Успех, – продолжил он, – достигается по большей части с помощью жестокости и предательства. Твердость духа тоже этому способствует, однако вера в Феррола – валюта столь же ценная, как и пара туфель, которые малы тебе на два размера.

– Подслушивать нехорошо, – заметила Арион. – Разговор был личный.

Арион поднялась, чтобы уйти. Она и так уже задержалась и могла опоздать на первый урок с принцем. Юноше всего двадцать пять лет, и ему не терпится начать обучение приемам Искусства. Предыдущие учителя относились к принцу слишком снисходительно и не привили ему практически никаких навыков. Перед смертью Фенелия попросила Арион заняться обучением ее внука. «Когда-нибудь он станет правителем, а если не принять меры, то и проклятием своего народа», – сказала наставница.

Как ни странно, новый фэйн уважил желание матери. Арион была уверена: Лотиан терпеть ее не может и завидует, что мать уделяла слишком много внимания той, которая даже не является членом их семьи. «Бери пример с Арион», – твердила Фенелия, не замечая, какое оскорбление наносит сыну, и не думая, чем это обернется для Арион, когда Лотиан наследует трон. Впрочем, ему удалось ее приятно удивить.

Арион сделала шаг в сторону дворца, и тут незнакомец заговорил снова:

– Дверь не открывается. Пробовала когда-нибудь? Хоть топором руби, хоть бревном тарань или подожги – ничего не произойдет. Даже Мастеру Искусства ее не проломить. Вроде простая дверка, но всем силам природы с нею не справиться. Вопрос вот в чем: как она это сделала?

– Кто именно? – не поняла Арион.

– Фенелия. Как она проникла внутрь? Как прошла через Дверь?

– Первый раз об этом слышу.

Незнакомец не заинтересовал Арион. Судя по густой копне волос, он не был миралиитом. С чего он взял, что Дверь не проломить даже Мастеру Искусства? Откуда ему знать, на что способно Искусство?

– Она прошла. Уж поверь мне!

Арион ничуть ему не верила. Более того, в его присутствии она ощущала себя крайне неуютно. И дело не в том, что они не были знакомы – опасения вызывала его наружность. Арион гордилась своей ухоженностью. Он же был самым большим неряхой из всех, кого ей доводилось видеть – коричневый балахон изрядно поношен, изорван и покрыт пятнами. Под ногтями грязь. Арион содрогнулась и посмотрела в сторону.

– Никто не видел, как она входила или выходила, – продолжил незнакомец, игнорируя реакцию Арион. – Визит был тайный, и она его отрицала или скорее избегала этой темы до конца своих дней.

– Тогда внутрь она не входила, – заявила Арион. – Фенелия отличалась исключительной правдивостью! Я была с ней хорошо знакома.

– Знаю.

Арион снова посмотрела на незнакомца.

– Что ты знаешь?

– Она стала для тебя матерью, о которой ты всегда мечтала, вместо той напыщенной ханжи, которая только что ушла. Нирея все еще считает кощунством твое решение покинуть умалинов и примкнуть к миралиитам. Не понимает, почему ты ушла и не вступила в ряды жрецов.

Арион встревожилась. Она совершенно точно не называла мать по имени, однако незнакомцу оно откуда-то известно. Поскольку мать жила уединенно, вряд ли они могли быть знакомы. К тому же во время беседы с матерью рядом не было совсем никого.

«Неужели он за мной следит? И если да, то зачем?»

– Кто ты? – спросила Арион.

Незнакомец улыбнулся.

– На это времени нет, тебя ждет принц. Единственная причина, по которой ты остановилась – случайная встреча с матерью по дороге во дворец. Ты хотела срезать путь через Сад.

Чувство тревоги сменилось ознобом. Если ему удалось подслушать разговор, то из него парень и узнал про занятия с принцем. Вероятно, про их с Ниреей отношения он также знал – это ни для кого не секрет. Даже если нет, то о многом можно было догадаться из их беседы. И все же Арион твердо помнила, что при разговоре с матерью не присутствовал никто.

«А откуда ему известно, почему я здесь?»

– Кто ты? – снова спросила Арион.

– Ради экономии времени ограничусь именем. Зови меня Трилос.

Бесцеремонность незнакомца лишь придавала ему загадочности. Хотя достижения Арион не производили ни малейшего впечатления на ее мать, они весьма поражали всех остальных. Будучи членом привилегированного сословия, она уже заслуживала уважения. Вдобавок Искусство делало миралиитов практически неуязвимыми – как показала недавняя дуэль – и большинство фрэев по возможности уклонялись от любых контактов с его приверженцами. Те же, кто отваживался с ними заговорить, вели себя весьма осмотрительно, тщательно избегая всего, что может вызвать ярость миралиитов. Трилос и так уже сказал достаточно, чтобы вывести Арион из себя. Закон Феррола не позволял фрэям убивать друг друга, но вовсе не мешал причинять им боль, как Арион недавно напомнила Эйдену. Миралиитов называли Мастерами Искусства потому, что к использованию магии у них был творческий подход. Если применить его к акту возмездия, то результат мог быть совершенно ужасающим.

Вероятно, она поспешила с оценкой его статуса. Большинство миралиитов постоянно брили головы, чтобы спутанные волосы не мешали потоку Искусства, однако Фенелия сохранила густую, роскошную шевелюру, доходившую до середины спины. Впрочем, Фенелия могла себе это позволить. Она первая овладела Искусством и не знала, что спутанные волосы создают определенные препятствия. А когда узнала, то была уже слишком стара, чтобы что-то менять.

«Я и так прекрасно справлялась, не правда ли? – заметила однажды старая фэйн. – Я охотно признаюсь не только в невежестве, но и в тщеславности. Без волос я не буду выглядеть и вполтину столь же прелестно, как ты».

Арион направила на Трилоса пристальный взгляд. По большей части Искусство помогало выявить нрав человека в виде цветов, что особой пользы не приносило. К чему Искусство, если эмоции и настроение вполне читаемы и без него, однако если посмотреть так на Мастера, то можно выяснить его умения и навыки. Арион не обнаружила ровным счетом ничего – совсем ничего. Если верить Искусству, Трилос вообще не существовал.

– Что ты есть? – спросила она.

Он улыбнулся.

– Фенелия была способна открыть Дверь ничуть не больше, чем ты или даже я, поэтому вопрос о том, как ей это удалось, куда интереснее.

Чем ты или даже я?! На Арион накатила волна страха, что было ей не свойственно. С тех пор, как она боялась в последний раз, деревья выросли из семечек в огромных исполинов. Когда она открыла для себя Искусство, детский страх перед чудовищами превратился в смутное воспоминание, по крайней мере, она перестала чувствовать опасность, угрожающую жизни.

Разве сейчас ее жизни что-нибудь угрожает?

Размахивающий клинком человек представляет явную угрозу. Незведанное, особенно когда приходит незванным гостем и знает имя твоей матери, несет в себе неповторимый ужас. Арион была миралиитом – существом близким к богам, если верить некоторым ревностным приверженцам, – однако сидевший перед ней незнакомец оставался непостижим.

– Стоит немного подумать, и ответ очевиден, – заявил Трилос, вгрызаясь в яблоко. – Ты наверняка и сама бы разобралась, не будь столь поглощена заботами. Ответ следующий: Фенелия Дверь не открывала.

Откуда взялось яблоко? Арион не помнила, держал ли Трилос его в руках в течение всей беседы или... Погодите, откуда он взял яблоко ранней весной?!

Арион смотрела, как он жует, и сок струится по нижней губе и подбородку. Наконец проглотив, он сказал:

– Дверь открыли за нее.

Трилос улыбнулся, либо ожидая реакции, либо же он хотел ее заинтриговать. Вместо этого Арион думала о невозможности происходящего: по его подбородку тек яблочный сок. Арион была опытным Мастером Искусства, после ухода Фенелии – четвертым по силе, однако материализовывать предметы не умела. Насколько ей было известно, этого не умел никто. Даже такую простую вещь, как яблоко.

– Теперь ты должна спросить себя, кто это сделал для нее и почему.

– Что тебе нужно от меня?

– Знаешь, что находится по ту сторону?

Отвечать на вопросы он не собирался. Арион подумывала о том, чтобы уйти, но не знала, позволит ли он.

Позволит? Странная мысль. Не было причин полагать, что Трилос станет ей препятствовать или вредить, да и Арион вовсе не так беспомощна. Поэтому чувствовать угрозу было странно. Она продолжала стоять перед скамьей, и любопытство в ней боролось со смятением. Любопытство победило, и она ответила:

– Первое Древо.

Трилос кивнул, жуя яблоко.

– Мать бы тобой гордилась. Да, там находится старейшее из живых существ, в настоящее время заключенное в саркофаг из камня, попасть в который можно лишь через маленькую белую дверь, что открыть нельзя.

– Так в чем дело? Мне пора идти.

– История повторяется. Причем довольно часто не по своей воле. – Трилос посмотрел на Дверь. – Один раз ничего не значит, поэтому миру придется измениться снова, сделать еще один виток. Думаю, ты будешь в самом центре и сможешь влиять на угол наклона, совсем как Фенелия. Тебе следует прислушиваться к незнакомцам. Незнакомцы – это двери. Тогда мы оба все и узнаем.

– Что узнаем?

– Кто открыл Дверь.

Глава 6

Слухи

«Той весной у нас появился новый вождь, Коннигер. И новый мистик, Сури. У Коннигера был талант к выпивке, бахвальству и владению топором, а Сури умела разговаривать с деревьями».
«Книга Брин».

Последние двадцать лет Персефона сидела на Втором троне позади своего мужа на каждом общем сборе клана. В то утро она пришла в чертог вождя как гостья. Было странно входить в дом, который она считала своим – в мир своих воспоминаний – в качестве гостьи. Перемены бросились в глаза сразу. Груды дров передвинули к восточной стене, медвежью шкуру из спальни наверху перенесли на нижний этаж. В зимнюю колонну воткнули топор Коннигера. Среди этих перестановок больше всего ее поразил щит мужа, добавившийся к пантеону щитов прежних вождей, развешенных на балках.

Жители далля расселись на полу вокруг огня. Коннигер восседал на Первом троне и ждал, пока толпа утомится. Хотя во время дуэли с Холлиманом он не получил ни одной раны, на голове у него все еще оставался глубокий порез после схватки с медведем. Повязку он больше не носил, но ярко-розовые отметины сходили медленно. Судя по тому, как Коннигер отводил взгляд, Персефона догадывалась, что боль от ран была куда менее острой, чем глубокая душевная боль от того, что он не смог защитить своего вождя и друга.

Рядом с ним была его жена, Тресса, в торке Персефоны и с ее же кольцом. Искусно заплетенные волосы украшал венок из весенних цветов. В свой первый день в новом статусе Персефона едва не потеряла голову от страха, Тресса же вовсе не выглядела испуганной. Она возбужденно потирала подлокотники трона, словно восторженный ребенок, на круглых щеках сияла широкая улыбка.

Персефоне стало ее жаль. Тресса понятия не имеет, во что ввязалась и воспринимает все как большую пирушку. Очень скоро это пройдет.

Некоторые посмотрели на Персефону и улыбнулись ей неловко, не зная, как теперь с ней обращаться. Ее присутствие заставило нервничать многих. Все воспринимали первый общий сбор Коннигера как конец траура, она же олицетворяла обломки правления некогда горячо любимого, но уже отошедшего в прошлое. Она намеренно села позади всех, давая Коннигеру и Трессе возможность утвердиться в новом качестве. Персефона решила молчать и не высказываться.

Помещение заполнилось до отказа, чего прежде не бывало. Пришли даже жители соседних деревень. Собрались буквально все, включая Эдлера и Хэгнера, покалеченных во время охоты на медведя. Эдлер теперь носил прозвище Одноглазый. Потерявшего руку Хэгнера переименовали в Обрубка. Персефона не пользовалась этими кличками в знак уважения к тем, кто получил увечья, защищая ее мужа. Как и Персефона, после смерти Рэглана они не показывались на людях, однако ради общего сбора пришли. Даже Тоуп, обрабатывавший участок на гребне и запаздывавший с пахотой из-за болезни и сильных дождей, оторвал свою семью от работы. Родители привели детей, которые устроились вокруг огня, скрестив ноги, и на их щеках играли отблески пламени. Самые маленькие улыбались, старшие уже все понимали. Люди собрались вовсе не для того, чтобы рассказывать сказки. Ни песен, ни застолий тоже не предвиделось.

Новый вождь собрал людей, чтобы обсудить слухи, волновавшие жителей далля уже несколько дней. Одна за другой пришли две тревожных вести. И обе с севера. Первая казалась

совершенно невозможной, если бы не вторая весть. Она звучала настолько ужасно, что просто не могла не быть правдой.

– Боги нас убьют? – крикнул Тоуп, заглушая ропот голосов.

Как и все прочие, фермер проявлял вполне понятное нетерпение.

Услышав вопрос, Коннигер почесал бороду и сердито нахмурился, хотя общий сбор созвал для обсуждения именно этого вопроса. Вероятно, он задумал какую-нибудь вступительную речь. Это был его первый общий сбор в роли вождя клана, и, по всей видимости, Коннигеру хотелось, чтобы он запомнился всем.

Коннигер был красивым мужчиной с густой черной бородой и длинными волосами, одетый в ли-мору с узорами клана Рэн, с заколкой на левом плече. Материя была яркой – наверно, новая. Он сидел, обхватив подлокотники обеими руками, поставив ноги ровно и выпрямив спину. Образцовый вождь, на вид сильный и крепкий, настоящая скала для своего народа, на которую можно опереться. Персефона заметила у него на пальце кольцо своего мужа и ощутила знакомую тупую боль в груди, заставившую ее задуматься, почему она никак не уйдет отсюда. Она была веслом, плавающим на поверхности после того, как лодка затонула, деревянной рукояткой разбитого каменного топора...

– Быть такого не может! – заявила Мэйв с непрекращаемой уверенностью. Хранительница стояла чуть позади между двумя тронами. На голове капюшон, седые волосы тщательно убраны, лицо сурово, словно обветренный камень. Старуха представляла собой все, что осталось от предыдущего вождя, и теперь передавала власть новой паре. – Боги всегда были к нам справедливы. Законы, по которым мы спокойно живем, оговорены в давних соглашениях. Пока платим дань вовремя и сполна, не пересекаем и не запруживаем западные реки, не наносим вреда владениям фрэев, их гнев нас не коснется. Так обещала их правительница Фенелия.

– А что написано в соглашении о том, что будет, если мы убьем бога? – спросил Гиффорд, с трудом произнося слова перекошенным ртом.

В другой обстановке его речь вызвала бы улыбку или даже смех.

Гиффорд родился увечным. Спина его закручивалась, словно плющ на столбе, делая для него прогулку по далю достижением, достойным всяческих похвал. Вечно склоненная набок голова выглядела так, будто ее раздавил великан, один глаз всегда оставался прищуренным, губы сплюснутыми. Его мать умерла, подарив сыну жизнь, и многие задавались вопросом, стоило ли ему вообще жить. Его отец верил, что Гиффорд станет великим человеком. Все понимали, что в нем говорит скорее горе утраты, нежели здравый смысл, однако ни у кого не хватило мужества вмешаться. К тому же уносить младенца в лес на милость духов не было необходимости – вряд ли бедняжка смог бы прожить хоть неделю... Отец Гиффорда умер несколько лет назад, как и некоторые из тех, кто советовал избавиться от ребенка. Однако Гиффорд был еще жив, к тому же в свои двадцать лет уже стал лучшим гончаром на семь кланов.

Лицо Мэйв ожесточилось, будто такого варианта она тоже не исключала.

– Там про это не говорится. К тому же человек не способен убить бога.

– Торговец Джастен с Развилки клянется, что это правда! – пронзительно зазвучал тонкий голосок Брин. – Сказал, что видел Рэйта и сломанный меч! И клинок бога, он...

– Тише, девочка! – шепнула Сара дочери.

Брин поймала ее суровый взгляд и съезжилась, усевшись обратно на пятки.

– Вот-вот! – подтвердил Этмор. – Я знаю Джастена почти всю жизнь. Он никогда не врет. Если он говорит, что это правда, значит так и есть. Иначе почему боги на нас ополчились? Чем еще объяснить подобную расправу?

– Человек не может убить бога, – заявил Сэккет.

При звуке его голоса все умолкли. Сэккет высказывался редко, поэтому когда новый Щит вождя заговорил, люди прислушались. Они ему поверили.

– Что слышал ты, Коннигер? – зычно спросил с порога Эдлер.

Повязка на глазу придавала ему вид бывалого рубаки.

Коннигер посмотрел на группу чужаков – десятерых мужчин с мрачными лицами, в одежде с коричневыми узорами клана Нэдак.

– Хотя я согласен с Сэккетом, что бога убить нельзя, они явно на нас ополчились. Боги разгромили Дьюрию.

Повисло растерянное молчание.

– Что значит – разгромили? – спросил фермер Уэдон.

– Эти люди, – указал вождь в сторону незнакомцев, – из Нэдака. Пять дней назад они увидели дым на севере. Отправились в высокогорья Дьюрии, но дым уже не было. Вырезали всех – мужчин, женщин, детей. Дом вождя и все окрестные хижины сгорели дотла, только ветер воет на развалинах.

Весь зал загудел, не веря услышанному. Слов было не различить, изумленные вздохи и ругань замирали на губах потрясенных людей.

– Сколько выжило? – спросил Тоуп.

– Дьюрийцев? – Коннигер тяжело вздохнул. – Нисколько. Даже домашний скот весь перерезан.

– Откуда нам знать, что это сделали боги? – спросил Дэлвин. – Может, виноваты гулархуны?

Стоявшие у двери мужчины покачали головами. Один, с черной кожаной повязкой вокруг лба, сказал:

– Тела лежат аккуратными рядами, словно их построили, чтобы убить. И оружие оставили. Не взяли ничего – просто сожгли дотла.

Ропот стал громче.

– Может, это сделали и боги. Только на Дьюрию напали из-за Рэйта Убийцы Богов, ведь он родом оттуда. Мы-то ничем не оскорбили богов. Мы не трогаем их, они не трогают нас, верно? – заметил Дэлвин тоном, в котором было больше надежды, чем уверенности. Он обнял Сару и притянул к себе. – Мы тут ни при чем!

– Кто знает! – воскликнул Гиффорд. – Что, если боги не видят фазницы между Дьюфией и нами? – обычно Гиффорд пытался избегать слов с буквой «р» прилюдно, но вопрос был отнюдь не праздный. – Скажи им, что ты видел утфом, Тоуп!

Все повернулись к изможденному фермеру, утиравшему лицо куском мешковины, которым он обычно прикрывал голову от солнца.

– Я видел дым на северо-западе, вверх по дороге через долину. Похоже, горел Нэдак.

Повисла зловещая тишина. Мужчины из Нэдака уставились на Тоупа. Потом посыпались вопросы.

– Сколько дыма?

– Когда именно?

– Какого цвета дым?

Голоса звучали один тревожнее другого.

– Дыма было много, причем черного, – ответил Тоуп. – Его и сейчас видно, если взобраться на вершину гряды.

Услышав это, чужаки выбежали вон. Остальные смотрели, как они уходят в обманчиво приятный весенний день.

– Это еще ничего не доказывает, – заверил Дэлвин, но жену притянул ближе к себе и положил руку на голову дочери.

– Похоже, фэи фэшили наказать и их тоже, – протянул Гиффорд. – Что будем делать, если они и к нам пфидут?

– Как это – что будем делать? – спросил Коннигер. – Что мы вообще можем сделать?

На некоторых лицах проступило удивление. Умом Коннигер не блистал никогда, и Персефона догадалась, что вопроса он не понял. Она поднялась, встав на колени.

– Думаю, люди хотят знать, какие шаги ты предпримешь, чтобы не допустить у нас того же, что случилось в Дьюрии и, вероятно, в Нэдаке.

Услышав ее слова, Тресса внимательно посмотрела на Персефону и сжала губы.

– Нечего тут предпринимать, – ответил Коннигер. – С нами такого не случится. Мы-то ни в чем не виноваты.

– Но если фрэй действительно убит... – начал Дэлвин.

– Мы никого не убивали! – оборвал Коннигер, и Тресса ухмыльнулась. – У фрэев нет причин трогать нас. От дьюрийцев вечно одни неприятности. Так им и надо! Получили по заслугам. Навлекли на себя гнев богов. А нам бояться нечего.

– Как насчет нэдаков? – спросил Гиффорд. – Они-то в чем виноваты?

– Про нэдаков мы пока ничего не знаем, – ответил Коннигер, кивнул жене и сел еще прямее.

«Не лучшее начало», – подумала Персефона. Она-то знала не понаслышке, как трудно принять правильное решение, когда все на тебя смотрят. Людям страшно, они ждут твоей поддержки. В такой момент ни в коем случае нельзя оставлять их наедине с размышлениями и тревогами.

– И все же кое-что предпринять мы можем, верно? – спросила Персефона.

Недолго ей удалось молчать и не высовываться. Сколько именно – минут пять? Впрочем, пять минут назад еще не было известно о гибели Дьюрии и Нэдака.

Взгляды заматались между новым вождем и вдовой прежнего правителя.

«Просто скажи “да”. Скажи “конечно”, если другого тебе в голову не приходит, потом спроси меня, когда никто не будет слышать. Только не бросай их в растерянности!»

– Есть вещи, людям неподвластные, – объявил Коннигер, – например – воля богов.

«Серьезно?»

– Согласна. Мы не можем влиять на действия богов, – кивнула Персефона. – Но мы и не беспомощны вовсе. Мы можем послать делегацию в Алон-Рист и объяснить, что не имеем к поступкам дьюрийцев никакого отношения. Еще можно послать вестников в другие дали, как сделали нэдаки. Остальные тоже должны знать, что происходит. По крайней мере, можно отправить кого-нибудь в Нэдак и проверить, откуда дым, который видел Тоуп. Вдруг на них никто не нападал? Пожар случился или еще что. А вот если Нэдак тоже уничтожен, тогда совсем другое дело. Нам нужно знать наверняка – ведь от этого зависит, что именно мы предпримем.

– Персефона, – вступилась за мужа Тресса, выпрямляясь на троне, – мы глубоко сочувствуем твоей утрате. Только вот Рэглан мертв, и теперь вождь Коннигер! Думаю, ты поможешь даллю куда больше, если помолчишь.

Персефона стерпела бы эту словесную пощечину, не упомяни Тресса имени Рэглана. По крайней мере, так она сказала себе потом. Вместо этого она бросила:

– Если бы ты слушала внимательнее, Тресса, то заметила бы: я разговариваю не с тобой.

Коннигер похлопал жену по руке, пытаясь сгладить возникшую неловкость.

– А если мы узнаем, что на Нэдак тоже напали? А если в Алон-Ристе не станут с нами разговаривать? Что тогда?

– Если это правда, если боги объявили войну и не согласны на мирные переговоры, нам нужно собрать все, что можно, и уйти.

– Уйти? – Коннигер произнес это так, будто впервые услышал подобное слово. – И куда же мы пойдем?

«Получить от меня ответы на все вопросы в присутствии толпы – не лучший способ укрепить доверие людей».

Персефона надеялась, что Коннигер сам найдет решение, если указать ему верное направление. Очевидно, она приняла желаемое за действительное.

– При данных обстоятельствах я сказала бы, что идти стоит на юг. Я бы направилась в Даль-Тирре, чтобы у нас было побольше времени...

– Зачем? – спросил Коннигер. – В Тирре за спиной у нас будет море, там нет ни стен, ни еды. Думаешь, в Тирре нам обрадуются? Подобное вторжение может обернуться войной кланов. Да и чего ради? Если боги пустятся в погоню, то несколько миль нас не спасут.

– Зато мы успеем подготовиться.

– К чему?

– К войне!

Присутствующие дружно ахнули и потрясенно замолчали.

Тишину нарушила Тресса.

– Ты сама себя слышишь? Ты что – решила объявить войну богам? – Она обвела взглядом собравшихся. – Разве мы поднимаем копыта против нашей Праматери за то, что она не дает нам достаточно дождя? Лучшие воины нашей деревни не смогли одолеть медведя, а Персефона надеется, что мы станем воевать с фрэями!

Коннигер бросил на жену суровый взгляд, которого она не заметила, и сказал:

– Если фрэй на нас ополчились, то ничего не поделаешь. Люди не могут убивать богов.

– А Убийца Богов – смог, – напомнила Персефона.

– Мало ли, что болтают! – заявил Коннигер.

– Тогда почему фрэй разгромили Дьюрию? Ведь дьюрийцы сражались за них с гула-рхунами. Что разозлило их настолько, что они ополчились на своих союзников? Если фрэя можно убить, нам нужно отыскать того, кто знает, как это сделать. И тогда, объединив все кланы, включая гулов, мы сможем...

Коннигер покачал головой.

– Объединить все кланы невозможно. Гулы ненавидят нас так же сильно, как и мы их.

– Очень даже возможно! – ответила Персефона. – Спроси у Мэйв. Много поколений назад, во время Великого наводнения, Гэф из Одеона объединил кланы, причем все, верно?

Мэйв кивнула, но промолчала.

– Под его предводительством люди построили лодки, – продолжила за нее Персефона, – заполнили их припасами, и когда вода поднялась, отправились в плавание и начали новую жизнь. Нам снова грозит наводнение, точнее, новое бедствие. Чтобы выжить, необходимо объединить силу и мудрость всего нашего народа. Послав вестников в другие далли рассказать о Нэдаке и Дьюрии, мы можем попросить их вождей тоже привести своих людей в Тирре.

– Ты хочешь бросить все, над чем мы трудились сотни лет, лишь потому, что боги сочли нужным наказать дьюрийцев за убийство? – спросила Тресса и сердито покачала головой.

Коннигер откинулся на спинку, поглаживая бороду и задумчиво глядя в потолок. Немного погодя он выпрямился и изрек:

– Нет, такие крайние меры не нужны. Тыхватила лишку. Тресса права. Здесь нам живется хорошо, получше, чем в других даллях. Оставлять удобное место непонятно чего ради – глупо. Ты беспокоишься о том, чему не суждено случиться.

Некоторые согласно закивали. Такое Персефоне уже доводилось видеть. Если есть выбор между тяжким испытанием и ничегонеделанием, люди потянутся к тому, что привычно и удобно. Поэтому им и нужен предводитель. Чтобы делать то, что необходимо, а не то, что легко. У Персефоны был богатый опыт выдвижения непопулярных идей и споров с вождями. Рэглан считал, что в этом заключается ее сильная сторона, и в этом же видел ее главный недостаток. Если бы опасность не была столь велика, если бы последствия неверного решения не были столь губительными, она оставила бы все как есть. Вместо этого она спросила:

– А вдруг суждено? Тогда будет слишком поздно. Если мы...

Коннигер стукнул по подлокотнику.

– Тирре не потерпят нас на своей земле! Для них мы хуже, чем саранча. К чему им делиться с нами едой? Да и хватит ли еды на всех? – Голос Коннигера понизился до сердитого рычания.

Наконец вмешалась Мэйв.

– Персефона! – начала она, сжав руки и сделав шаг вперед. – Гэф из Одеона прославился еще до наводнения. Подобных ему героев среди нас больше нет. Он смог добиться поддержки всех вождей. Без предводителя сбор кланов не даст ничего. Боюсь, вожди не преклонят колен ни перед кем, кроме подобного ему.

Коннигер покосился на свой топор с широким лезвием, воткнутый в зимнюю колонну.

– Я сражался и убил за то, чтобы стать вождем этого клана. И преклонять колена перед Мэнаханом, Мэленом, Тиррем или Уорриком не буду. Решение за мной, и я говорю: мы остаемся. Решение принято, и хватит об этом!

Мэйв встретила глазами с Персефой. Старуха чуть покачала головой. Мэйв ее не поддержит. Персефона не могла бороться и с вождем, и с Хранителем. Она обвела взглядом присутствующих, которые заметно успокоились. Когда Персефона говорила о том, что необходимо покинуть деревню, они смотрели на нее, как испуганные кролики, думая лишь о том, чтобы забиться в свои норы. Люди боялись массового бегства больше, чем гнева богов. Интересно, послушался бы ее Рэглан? В одном Коннигер был прав: гораздо легче не предпринимать ничего, чем ринуться навстречу неизвестному.

Она снова села.

* * *

Общий сбор закончился обычной молитвой Мари, богине-покровительнице Рэна, и Элан, Всеобщей Праматери. Персефона вышла вместе со всеми, чувствуя себя совершенно одинокой в людской толпе. Избегая взглядов, она прошла вдоль северной стороны чертога вождя, подальше от хижин, и направилась к открытому пространству возле оскуделой поленницы. Там она встретила девочку-мистика.

– Ты ее почти поймала, – говорила Сури волчице, сунувшей голову в прогал между бревнами. Она скребла землю лапами и пыталась залезть вглубь. – Ну вот, упустила! Тебе туда не протиснуться, ты слишком большая.

Девочка стояла на коленях в траве перед пятифутовой двухрядной поленницей – все, что оставалось от зимних запасов дала. При виде Персефоны волк и девочка дружно подняли головы. Сури нахмурилась.

– Только не говори, что есть правило, запрещающее волкам ловить крыс в дровах. Или все-таки есть?

– Правило? Нет, – ответила Персефона.

– У вас тут правила про все на свете! Что можно и что нельзя есть, где нужно спать. И даже где испражняться поутру! Ясное дело, вы все чуток тронутые, видимо, из-за жизни в стенах. Тура говорила, что стены – плохо, да и обувь тоже. – Сури посмотрела на свои босые ноги. – До сегодняшнего дня я ее не понимала.

Не зная, что ответить, Персефона просто сказала:

– Ты все еще здесь.

– Твои глаза еще видят, – с усмешкой ответила девочка.

Будь Сури нормальным человеком, Персефона сочла бы ее слова за оскорбление. Нормальный человек! Она сразу заметила, насколько их новый мистик странен. Новый мистик, новый вождь – слишком много нового в их далле за последнее время.

– Странная это игра – утверждать очевидное, – покачала головой Сури. Она встала и подошла к Минне. – Бессмысленная, зато популярная. Все в нее играют. Ты ешь наш хлеб. Это не твоя кровать. У тебя волк... Как видишь, я уже наловчилась. Тура велела мне не выделяться среди других в деревнях, особенно в даллях. Сказала, люди внутри стен помешанные и опасные. Как бешеные звери. Те прокляты богами, почти как вы, и даже укуса несчастной белки достаточно, чтобы и ты стала такой же.

– Вообще-то, я не имела в виду... – Персефона заколебалась. – Я не думала, что ты еще здесь.

Сури указала на верхушки деревьев над стеной далля, на которых серые почки распускались зеленой листвой.

– Жду листьев.

Персефона рассмеялась.

– Прошло уже две недели.

Мистик нахмурилась, напряженно размышляя.

– У тебя два уха! – Она довольно улыбнулась. – Мне уже начинает нравиться. Использовать то, что сказал другой человек, гораздо труднее, правда? Вероятно, зимой становится совсем туго, – ведь вы столько месяцев сидите взаперти! Подозреваю, дважды повторять одно и то же нельзя?

Персефона закатила глаза. Сури озадачилась.

– У вас тут что – все с больными глазами? Сколько раз уже видела такое.

«Ну еще бы», – подумала Персефона.

Из глубины поленницы раздалось шуршание, заставившее волчицу нырнуть обратно в щель. Когти ее отчаянно заскребли по коре, полетевшей во все стороны.

Сури вздохнула.

– Минна, ты все равно слишком большая.

«Пожалуй, странная – слишком слабо сказано». Персефона решила перейти к делу.

– Когда мы разговаривали, ты упоминала что-то плохое. Что ты имела в виду?

– Что ты имеешь в виду, что я имела в виду?

– Э-э... – Персефона замялась.

Разговаривать с Турой было не настолько сложно, хотя Персефона встречалась с ней редко. Мистики приходили в далль нечасто, и вовсе не затем, чтобы объявить: «Теперь все пойдет как по маслу!» Персефона не виделась с Турой еще со времен Великого голода.

– Я имею в виду... Знаешь, тогда твое предсказание прозвучало совсем неправдоподобно. Но с тех пор на два ближайших к нам далля напали, и я думаю, что должна тебя выслушать.

– Я же тебе говорила, госпожа! Я не знаю, что именно случится, хотя знаки были вполне ясные.

Девочка содрала кору с бревна и попробовала на вкус. Потом сплюнула и отбросила кору в сторону.

– Какие знаки?

– На закате первого дня весны я увидела молнию на северо-западе. Гром напугал стаю пролетающих ворон, тоже на северо-западе. Ветер подул с запада на восток, и тут же солнце заволокло темными тучами.

– И что все это значит?

Сури вздохнула.

– Ладно, слушай. Солнце рождается на востоке, поэтому восток – хороший. Запад – плохой. Туда солнце уходит умирать. Когда знаки появляются на западе, то это дурное предзнаменование. Молния – приговор богов, знак могучий и лютой. Птицы чрезвычайно важны, они часто бывают посланниками богов, а поскольку я видела целую стаю, то пострадают многие

люди. Закрытое черными тучами солнце... Даже ты должна понимать, что ни о чем хорошем это не говорит. Любой из подобных знаков ничего доброго не сулит, но все три! Плохие новости. Очень плохие.

– И все же ты не можешь сказать, что именно случится?

– В отличие от твоей игры в слова, боги вовсе не играют в открытую, поэтому их игры гораздо интереснее. Если Элан явится прямо сюда и скажет: завтра ты пойдешь прогуляться, и барсуки разорвут тебя в клочья, то ты испугаешься и никуда не пойдешь, верно? Поэтому ничего такого она тебе не скажет. Может, даст пару намеков, а если ты не догадаешься и истолкуешь знаки неверно... Что ж, не ее вина. В любом случае, ты идешь и попадаешь прямо в лапы барсуков, потому что не сообразила вовремя. Так боги и играют в свои игры, и поэтому я думаю, что нам нужно поговорить с деревьями. Чтобы барсуки не порвали нас в клочья.

«До чего же она странная!»

– И тогда мы сможем изменить свою судьбу?

Девочка снова отвлеклась на волка и поленницу и пожала плечами.

– А как нам помогут деревья?

Сури глубоко вздохнула.

– Минна, ты слышала? Я начинаю понимать, что имела в виду Тура, когда говорила про людей, живущих среди стен. Госпожа, ты разговаривала с деревом хоть раз?

«Очень, очень странная».

– Наверяд ли. А ты?

– С некоторыми случалось, – ответила девочка и сунула голову в щель между бревнами, словно пытаюсь пролезть. Настал черед волчицы с удовольствием наблюдать.

– С некоторыми?

– Не все деревья любят разговаривать, – приглушенным голосом пояснила Сури. – Буки известны своей неприветливостью. Никогда из них слова не вытянешь. Упрямы до невозможности. Считают себя выше всех. – Она вытащила голову из штабеля дров, сочувственно поморщилась волчице и беспомощно пожала плечами. – Зато акация, лавр и падуб болтают без умолку, только ничегошеньки не знают. Их прямо не заткнешь. По большей части несут чушь. Ивы печально известны тем, что без конца переливают из пустого в порожнее. Уж поверь, с ними лучше не связываться. Нудные, вялые и унылые.

Сури роняла слова, будто тяжелые камни. Персефона посмотрела на нее скептически.

– Серьезно, некоторые люди шли топиться, просидев слишком долго под ивой! И тут возникает вопрос: зачем боги распорядились так, что ивы растут в основном у воды?

Она подождала, но Персефона промолчала, и девочка продолжила:

– Вязы, как правило, гордые и заносчивые. Клены тщеславны. Посмотрите на мои листья, ах, какие у меня листья! Никогда не разговаривай с кленом осенью. Невыносимо! Предупреждений они не слушают. Напоминаешь им, что скоро зима и как все будет происходить, и без толку! Память у кленов с каплю воды, хотя для дерева это довольно странно, не находишь? Так вот, другое дело – хвойные деревья, вроде ели и кедра. Они вполне себе хороши. Большинство весьма любезны. Прошлым летом кедр на западном отроге сообщил мне, куда именно ветер унес мою шляпу. Иногда попадают очень добрые старые сосны. Воган всемогущий, у их корней можно смело проваляться пару деньков, попивая чай из сосновых игл – старушки будут только рады, хотя, честно говоря, чай из них преотвратный! Они станут судачить о том, как в старые добрые времена лета были потеплее и дождики помокрее.

– А если я хочу понять, что означают виденные тобой знаки? – спросила Персефона. – Если мне нужно посоветоваться насчет намерений богов? У кого надо спрашивать?

– Тогда подойдет лишь одно дерево – Магда, старый дуб.

– И где этот дуб?

Сури указала пальцем себе за спину.

– У подножья леса, лежащего на гребнях гор, есть узкая лощина. Там она и владычествует.

– В каком смысле?!

– Другие деревья чрезвычайно почитают Магду. Кусты и травы тоже. Все они держатся на подобающем удалении и преклоняются перед ней. Причина проста. Она... ну, Магда есть Магда. Она – старейшее дерево в лесу. Впрочем, Серповидный лес и сам по себе довольно стар.

Персефона перевела взгляд на поросшие деревьями холмы, поднимавшиеся гораздо выше стен далля. Гребни тянулись один за другим – всех оттенков зеленого цвета, самый дальний уходил в синеву. Серповидный лес обнимал Далль-Рэн, отдавая людям драгоценные дары – древесину и еду, однако при этом оставался таинственным миром, таящим в себе многие опасности. Дремучие леса из вековых деревьев, пещеры и реки считаются дверями в мир духов, а Серповидном лесу они были в изобилии. Летними ночами Персефона лежала и прислушивалась к пугающим звукам, которые доносились сквозь открытое окно. Визги и крики, треск и глухие удары – вряд ли их издавали смертные. Серповидный лес был соседом беспокойным, способным на любые каверзы. Жить в Далль-Рэне было все равно, что на пороге зеленой пропасти.

Взгляд Персефоны прошелся вдоль гребней гор на юг, где они поднимались отвесно.

– Говорят, на той горе живет медведь, погубивший моих мужа и сына.

Сури кивнула, ее яркая улыбка померкла. Персефона почувствовала тревогу. Жизнерадостная восторженность девочки, какой бы неуместной она ни была, давала надежду. Сури лучилась ею и расцветала новыми возможностями, словно весенний день. Теперь же девочка впервые посерьезнела. Татуировки вокруг глаз и рта добавляли ей мрачной значимости, и в какой-то момент Персефоне стало страшновато.

– Медведица Грин поселилась в пещере на скале возле верхней границы леса. Магда растет пониже, но Грин имеет привычку бродить повсюду и к старому дубу не проявляет никакого уважения. Грин не уважает вообще никого.

Персефона посмотрела на лес.

– Мне нужно поговорить с ней... То есть с деревом. Сможешь меня отвести?

Сури отвлеклась, заглядевшись на бабочку. Персефона подождала, пока та присядет на стебель клевера. На лицо девочки вернулась сияющая улыбка.

– Ты меня слышала? – спросила Персефона.

– Слышала что, госпожа? – не поняла девочка.

– Сможешь меня отвести к тому старому дереву? Мне нужно задать ему несколько вопросов.

– Видишь бабочку? – Сури расплылась в восторженной улыбке.

– Вижу, но...

– До чего она великолепная и хрупкая! Настоящее чудо. Нельзя увидеть бабочку и не восхититься ею. Я хотела бы стать бабочкой. Заснуть и проснуться весной с красивыми крыльшками и умением порхать повсюду. Ведь это самое удивительное волшебство на свете! Измениться, вырасти, полететь. Однако... – она помолчала. – Интересно, какова будет цена. – Улыбка снова исчезла. – Когда доходит до волшебства, платить приходится всегда. Подозреваю, что за превращение из скромной гусеницы в прекрасную бабочку приходится платить огромную цену.

Девочка явно не в себе. И все же Персефона была вынуждена признать, что Сури ей нравится.

– Ты сможешь меня отвести?..

– Конечно, смогу. – Сури усмехнулась. – Иначе почему бы я рисковала рассудком, оставаясь в этом ужасном месте, окруженном стенами? А, это еще одна игра! – Она повернулась к волчице, не отрывавшей взгляда от поленицы. – Хочешь поймать крысу, Минна? Давай я

раздвину бревна, чтобы ты смогла ее достать. – Сури снова посмотрела на Персефону и улыбнулась. – Тебя это устроит?

Глава 7

Черное дерево

«Серповидный лес был нашим соседом. И таким он был огромным, что всех его секретов не знал никто. Далль-Рэн построили из его деревьев. Далль-Рэн кормился его дичью. И в его тьме родился герой».
«Книга Брин»

Рэйт и Малькольм расположились на краю леса возле Далль-Рэна – укрепленного поселения, построенного на холме и окруженного бревенчатой стеной. Холм был совершенно скалочный – высокий, зеленый. Рэйту никогда не доводилось видеть такой буйной растительности. В Дьюрии краски отсутствовали и появлялись лишь на закате. Его отец рассказывал про Элисин, куда после смерти попадали души павших воинов – сплошные зеленые поля, пивные реки и красивые женщины. Глядя на Далль-Рэн, Рэйт заподозрил, что до отца просто дошли слухи об этом месте.

– Так что же, тот холм и есть далль? – спросил Малькольм, который сидел, поджав колени к подбородку и покручивая двумя пальцами веточку.

Рэйт снова поразился отсутствию у него элементарных знаний о том, как живут люди. Он уже не пытался разузнать о том, как именно Малькольм стал рабом. Но на свои расспросы получал невразумительные ответы, и тема разговора резко менялась. Рэйт заключил, что либо фрэй забрали Малькольма еще младенцем, либо он родился в неволе.

– Да, это далль.

– Чересчур симметричный, они его что – построили? – спросил Малькольм.

Рэйт кивнул.

– Отчасти. Век из века они строили дома на одном и том же месте. – Дьюриец стоял на коленях в кустах и уже приладил поперечную ветку к силку, теперь он завязывал петлю. Обычно с последним у него не ладилось – пальцы у Рэйта были слишком большие. – После пожара или другого бедствия люди строятся заново прямо на руинах. Не надо куда-то идти, да и колодец тут же. Сделай так много раз – вот тебе и холм.

– Значит, Рэн – это клан? А сколько всего есть кланов? – спросил Малькольм.

– Семь. Не считая гула-рхунов.

– Почему их не считают? Они ведь тоже люди?

– Рхулин-рхуны и гула-рхуны между собой не ладят. – Рэйт наконец завязал узелок. – Мы воюем сотни лет.

– Это против них твой отец сражался вместе с фрэями?

– Угу. Каждый год бывает одно-два сражения, каждые десять лет – полноценная война. Мой отец продержался больше тридцати лет.

– Как же вышло, что он ни разу не видел мертвого фрэя?

– Фрэй не пачкают рук в крови. Они планируют битвы, отбирают и обучают людей, потом посылают их воевать. Смертей было много, но лишь среди рхунов.

Малькольм кивнул с таким видом, будто все понял, только Рэйт знал, что ничего он не понял. Мало кто понимает. Даже до него самого дошло не сразу. Судя по всему, у отца никаких вопросов не возникало. Херкимер принимал войну с той же готовностью, с которой признавал, что вода – мокрая. Все-таки Дьюрия разительно отличалась от Рэна.

– Как правило, чем выше холм, тем старше далль, – пояснил Рэйт, глядя через залитое солнцем поле. – Вот почему он такой формы. По сути, это могильный холм. Судя по виду, Далль-Рэн очень стар.

Бывший раб откинулся назад, продолжая изучать далль.

– Он вовсе не выглядит большим.

Рэйт думал совсем иначе. Залитый солнцем дальь величественно возвышался в отдалении, драгоценной древесины на его постройку явно не пожалели.

– Он гораздо больше Далль-Дьюрии, а по сравнению с Клэмтоном – деревушкой, где я вырос, – так и просто гигант.

– Я-то жил в Алон-Ристе, помнишь? – Малькольм указал на деревню большим пальцем. – По меркам фрэев он и на загон для скота не тянет. Как думаешь, сколько там жителей?

Рэйт пожал плечами и завязал на петле второй узелок, чтобы уж наверняка. Он не хотел лишиться обеда. Нет ничего хуже, чем найти силок пустым.

– Здесь? Не знаю, может, тысяча. Там, где вырос я, было около сорока семей – сотни две людей, ну так то маленькая деревушка, а не далль.

– И в чем же разница?

– Далль – самая старая и многочисленная деревня клана. Там находится чертог вождя. Знаешь, что такое чертог?

– Такая нора, как у бобров?

Рэйт уставился на него недоверчиво.

– Да знаю я, что такое чертог, – усмехнулся Малькольм.

– Ну, зато в остальном ты разбираешься слабо.

Малькольм пожал плечами.

– Никогда не считал себя умником. – Он снова посмотрел на холм. – Значит, там тысяча жителей?

– Вероятно. Этот далль раза в два больше, чем в Дьюрии.

– А сколько всего рхунов... прошу прощения, людей?

– Считая гулов?

Малькольм кивнул. Рэйт пожал плечами.

– Вряд ли их кто считал.

Рэйт уставился на огромный зеленый холм. За стеной горели утренние костры. Домов видно не было, лишь столбы дыма, поднимавшиеся высоко в небо в безветренный день. С места, где они сидели, можно было разглядеть только остроконечную крышу чертога. Строение из необработанных бревен смотрелось внушительно.

– Не понимаю, почему бы нам не зайти, – сказал Малькольм.

– Нам туда не надо. После того, как я закончу ловушку, мы вернемся к водопаду, где я расставил остальные. Надеюсь, первый кролик нас уже дожидается. Там будет сколько угодно свежей воды и жареная крольчатина на ужин! С остатками хлеба пойдет на ура.

– Хлеб кончился, – напомнил Малькольм.

– Кончился? Неужели весь?

– Еще прошлой ночью.

– Но мы же съели совсем чуть-чуть!

– И еще чуть-чуть позапрошлой ночью. Хлеб-то не волшебный.

Рэйт насупился. Он уже предвкушал отведать кролика и помакать в жир хлеб. Мысли о еде, когда ее не было, делали его несчастным.

Малькольм указал на стадо овец, едва видневшееся на дальней стороне холма. Двое мужчин и пара собак перегоняли их на заросший травой склон.

– В Далль-Рэне наверняка есть баранье жаркое, свежий хлеб и, может быть, даже молоко, яйца и масло. Спорим, сейчас они завтракают? Обожаю завтрак! Знаешь, что это такое?

– Даже не начинай! Если тебе так по душе регулярное питание, не следовало бить Шегона камнем по голове. – Рэйт поднял взгляд на Малькольма. – Он что, правда творил те бесчинства? Скармливал женщин псам и отрубал ручки детям?

– Нет. – Малькольм покачал головой. – Шегон был самовлюбленный спесивый дурак, как и большинство фрээв, но вовсе не чудовище. Он был охотник. Другое дело – инстарья, которые за нами гонятся. Это воины, стоящие на заставах, им поручена охрана внешних границ.

– Я-то думал, что Алон-Рист это дом... – Рэйт умолк, не желая показывать свое невежество.

Малькольм не стал злорадно скалиться или презрительно ухмыляться, он просто понимающе улыбнулся. И Рэйт переменял первое впечатление о нем. Несмотря на вздернутый нос и маленькие глазки, на хорька он ничуть не похож.

– Нет, хотя Алон-Рист впечатляет куда сильнее, чем эта деревенька, по фрэйским меркам он считается маленьким. Родина фрээв – Эриан, – сказал Малькольм. – Великая и красивая страна древних лесов, что лежит на северо-востоке. Туда больше недели пешего пути. Он находится на дальнем берегу огромной реки под названием Нидвальден. Фрэи редко покидают Эриан. Почти никто из его жителей вообще не выезжал за пределы своей столицы – Эстрамнадона. Они считают Эриан центром вселенной, источником всего самого лучшего, поэтому не видят смысла идти в другие места. Алон-Рист – крупнейшая из пяти цитаделей, выстроенных во время Дхергской войны. Тамошние фрэй патрулируют эти земли и следят за тем, чтобы такие люди, как мы с тобой, оставались на безопасном расстоянии. Кстати, не всех это устраивает. Инстарья не хотят быть единственными фрэями, которым приходится жить на заброшенных землях.

Поднялся легкий ветерок. Листья зашелестели, будто шепчась друг с другом. Уходившие в небо столбы дыма теряли очертания по мере того, как их сносило к югу.

– Не понимаю, чем инстарья недовольны. Здесь так красиво, – заметил Малькольм.

Рэйт встал, прихватил ловушку. Он срезал маленькое деревцо, обрубил ветви и приладил на просвет в крошечной тропинке. Судя по размеру, она была кроличьей, да и круглый помет валялся повсюду. Рэйт подвесил петлю, чтобы она не касалась земли. Потом воткнул срезанные веточки так, что кролику придется через них прыгать прямо в силос.

– Пошли мне трех кроликов, Воган, и последнего я принесу тебе в жертву!

– Снова торгуешься с богами? – спросил Малькольм. – Предложить ему первого кролика было бы куда заманчивее.

– Воган – не бог, он просто дух-хранитель леса.

– В чем же разница?

– Знаю, ты долго был рабом, но неужели тебя все время держали в подвале? Как это – в чем разница?! В чем тогда разница между коровой и козой, между солнцем и луной? Тэтлинская ведьма! Клянусь...

– Не смей! – резко оборвал его Малькольм.

– В чем дело? С каких это пор ты против божбы?

– Я вовсе не против. Только выбери другое имя...

– Почему? Разве не хуже поминать имя бога или духа?

– Считаю меня суеверным.

– Тебя? Малькольма из Риста, который насмехается над теми, кто верит в души предков и в леших? Ты боишься Тэтлинской ведьмы?!

Малькольм промолчал. Он подвинул колени к груди и уставился на холм и окруженный стеной даль.

– Знаешь, чем вымаливать кроликов, лучше бы мы наведались в даль. В таверне все вышло как надо.

– Как надо?! Про Донни ты уже забыл?

– А если я пообещаю держать рот на замке? – спросил Малькольм.

– Ты на это вообще способен?

Малькольм насупился.

– Я не стану рассказывать сказок. Разве жители далля не должны быть добры к путникам? Разве так не принято? По крайней мере, они же дадут нам немного поесть?

– Наверно, если только они придерживаются традиций... Для кланов настали трудные времена. И для нас это может быть опасно. Вдруг здесь побывал кто-нибудь из той таверны? Купцам Убийца Богов пришлось по нраву, но жители далля – совсем другое дело. В даллях есть вожди, чей долг – беречь своих людей. Они согласились жить по законам фрэев и остальных заставляют делать то же самое.

– Вряд ли у нас есть выбор. Мы не можем бежать вечно, особенно без еды.

– Наша единственная надежда – двигаться на юг, оставаясь впереди фрэев. Тогда мы выживем.

– От смерти человеку не убежать, – напомнил Малькольм. – Важно, как именно ты бежишь. Разве тебе не...

Малькольм смолк, сощурил глаза и вгляделся в залитый солнцем луг перед даллем.

– Чего там? – шепотом спросил Рэйт, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

– Думаю, женщины. – Малькольм указал на две фигуры, выходящие из далля и направляющиеся в их сторону.

Это действительно были женщины. Та, что выше ростом, в длинном черном платье, пробиралась по некошенной траве с заметным усилием. Вокруг нее облаком вились черные волосы, обрамлявшие красивое лицо. За нею шла девочка с расписанным ритуальными узорами лицом и короткими волосами, в потрепанном плаще цвета красной глины. При них был белый волк.

* * *

«Это всего лишь лес, просто деревья», – убеждала себя Персефона, подходя к краю луга. Но в нем гибнут люди! Ее сын погиб, охотясь на оленя с двумя своими лучшими друзьями – оба крепкие парни. А Рэглана сопровождал целый боевой отряд...

«Надо было позвать с собой хоть кого-нибудь! Я могла попросить Коннигера послать со мной Сэкетта в качестве сопровождения, но что бы я сказала? Я боюсь леса, поэтому хочу прихватить с собой Щит вождя. Кстати, причина, по которой я отправляюсь в пугающий меня лес, – необходимость поговорить с деревом. Разумеется, исключительно ради блага нашего далля... Угу, отличная идея».

С каждым шагом сумрачный лес становился все огромнее. Персефона надеялась, что деревья гораздо меньше, чем ей запомнилось. С возрастом многое мельчает. В детстве ступени чертога казались ей гигантскими, каменный фундамент – настоящей скалой. Но деревья ничуть не уменьшились. Даже наоборот. После смерти сына Персефона не выходила за пределы далля, после смерти Рэглана даже из домика Сары и Дэлвина редко выглядывала. Однако лес – совсем другое дело, она не входила в него с тех пор, как...

Это всего лишь лес! Просто деревья.

Когда Персефоне было семь лет, дети подбивали друг друга зайти подальше в лес и дотронуться до определенных деревьев. До березы добирались все, но до вяза, стоявшего под сенью леса, отваживались добежать только она и ее подруга Ария. Потом кто-то из ребятишек, вероятно Сара, подзадорил их обеих коснуться черного дерева. Никто не знал, что это за дерево. С теплой солнечной опушки его почти не было видно. Сара, если это придумала она, вряд ли говорила всерьез. Это понимали все. То дерево росло слишком далеко, даже дальше той линии, где траву сменял папоротник. Идея была глупая – да что там, сумасшедшая! – и Персефона над ней посмеялась. Дети выбрали то дерево, чтобы отомстить Персефоне и Арии за храбрость, которой сами похвастаться не могли.

Вряд ли это придумала Сара. Ведь они были близкими подругами, девочку же, которая бросила им вызов, Персефона возненавидела.

Она возненавидела ее, потому что Персефона посмеялась, а Ария нет.

Неважно, что Ария была на два года старше. Как лучшие подруги они соглашались друг с другом всегда и во всем, только не в этот раз. Ария взяла ее за руку и сказала: «Мы пойдем вместе». Подруга не шутила. Персефону ее слова потрясли, перспектива забраться в лес так далеко напугала, и она вырвала руку. Она до сих пор помнила и разочарование в глазах подруги, и то, каким маленьким стало ее отражение в них.

«Что ж, пойду одна», – огорченно вздохнула Ария.

Персефона пыталась ее остановить, убеждая, как это глупо и опасно. Ей хотелось верить, что попытки удержать подругу были вызваны страхом за ее жизнь. Правда же заключалась в том, что она не желала быть второй среди лучших. Ей хотелось быть храброй, но она отчаянно трусила, и ей было очень стыдно.

Ария пошла в лес одна.

Никто не верил, что она отважится, однако под их взглядами маленькая девочка забиралась все дальше и дальше, пока ее не поглотил подлесок. Прошли долгие часы, или же им так показалось. Для детей время – как и размеры вещей – величина не постоянная. Наконец Персефона запаниковала и помчалась в даль за помощью.

«Если бы только я побежала в другую сторону... Если бы только я побежала в лес спасать подругу, все могло бы закончиться совсем иначе».

Она успела добраться лишь до середины холма, когда из леса вышла Ария. Персефона услышала за спиной радостные крики. Некоторые называли Арию сумасшедшей, но в их насмешках звучало уважение, и она смеялась вместе с ними. Персефона смотрела издали и не подошла к друзьям. Она не смогла, просто не смогла взглянуть в глаза подруге, не хотела видеть, как ее отражение станет еще меньше. Она поплелась домой. Ария окликнула ее. Персефона сделала вид, что не слышит. Ария закричала, что просит прощения, однако Арии было не за что извиняться.

После этого Персефона избегала Арии. Каждый раз при встрече она вспоминала о своей трусости. Минуло десять лет, прежде чем они заговорили снова. По случаю свадьбы Персефоны жители пришли ее поздравить, и Ария, в тот момент уже беременная, стояла в длинной очереди. Как и все прочие, Ария взяла Персефону за руку, и взгляды их встретились. Она ожидала увидеть злость, может быть, даже ненависть, но обманулась. Персефона увидела лишь безудержное счастье замужней женщины, ожидающей рождения первенца, которая желала такой же благополучной жизни своей подруге детства. Ария простила Персефону, а та себя простить так и не смогла...

Она собиралась пойти к Арии после рождения ребенка, извиниться за годы отчуждения и принести подарок новорожденному. Они снова посмеялись бы, как в детстве, и все прошлые недоразумения оказались бы забыты. Увы, этого не случилось. Ария умерла родами... Вероятно, Гиффорд унаследовал храбрость матери. Проклятый богами, изломанный ужасной трагедией, он выжил, несмотря ни на что. Своими нескладными руками он снова и снова совершал невозможное, создавая шедевры из глины, которым завидовали все мастера-гончары. Гиффорд каждый день касался черного дерева. На свой лад.

Ария умерла прежде, чем Персефона успела извиниться. За то, что избегала ее много лет, за то, что не обернулась на крики, когда шла домой, за то, что не помчалась в лес ее спасать, но больше всего за то, что отвергла руку подруги и не пошла с ней.

Прошло тридцать лет, и наконец Персефона решилась прикоснуться к черному дереву.

– Ты живешь там? – спросила она у Сури.

Бежавшая перед ними Минна то и дело останавливалась, что-нибудь обнюхивала и снова бросалась вперед.

– Да, госпожа. – Сури шла уверенным шагом, помахивая деревянным посохом Туры, который был для нее слегка коротковат и явно намного старше девочки.

– Как ты это делаешь? Я имею в виду, как ты живешь совсем одна? Разве тебе не страшно?

– Жить там, где ты, гораздо страшнее. – Сури оглянулась на даль.

– Я ведь не одна. В dalje живет две сотни семей.

Сури засмеялась.

– Я сказала что-нибудь смешное?

– Знаешь, сколько семей живет в лесу?

– Разве в лесу живут семьи?

– Еще бы! Их там не сосчитать: белки, лисы, барсуки, пауки, кролики, ежи, змеи, олени, еноты, дрозды, дятлы, лоси, куропатки, совы, ласки, кроты, скунсы, голуби, бабочки – не забывай про бабочек!

– Они ведь не люди.

– Вот именно! – подмигнула ей Сури. – Ты начинаешь понимать мою точку зрения, госпожа? Ведь семейство заек, малиновок или енотов в качестве соседей куда приятнее! Только посмотри, где живешь ты! Повсюду гниющая древесина. Дом из мертвых деревьев никуда не годится. Лучший сосед, которого можно пожелать – дерево, причем живое. Они больше слушают, чем говорят, в жаркие дни укрывают от солнца, дают тебе еду и кров, ничего не просят взамен.

– А как же опасности леса? К примеру, медведи?

– О да, – Сури понимающе кивнула. – Нам следовало бы их бояться, будь мы парочкой лилий.

– Почему?

– Медведи обожают лакомиться лилиями, ягодами, муравьями и мышами. Если ты к ним не относишься, то медведи довольно милые. Любят поиграть, хотя могут и сжульничать.

– К Бурой это тоже относится? – спросила Персефона чуть с большей горечью, чем хотела показать.

– Грин другая...

Они подошли к подножию холма, где начиналась рощица широколиственных деревьев, еще недостаточно разросшихся, чтобы заглушить потоки яркого солнечного света. Там стояли светлые березки, которые Персефона помнила с юности. Белые как мел стволы с шелушащейся корой и свежие зеленые листочки.

Посмотрев налево, Сури чуть крутанулась и помахала рукой. Персефона никого не увидела.

– Кому ты машешь?

– Чего? А, там растет куст падуба, с которым я пообщалась по дороге сюда. – Она понизила голос. – Обычно до кустов мне дела нет. Почти все они вредные и необщительные, сплошные шипы и колючки. Думаю, у них есть на то причины. Каждый так и норовит их оборвать. Впрочем, тот падуб вполне себе милый.

С этими словами Сури зашагала вперед.

Они прошли мимо берез, подлесок сменили папоротники. Тот самый вяз рос где-то неподалеку, но после стольких лет Персефона не смогла его узнать. Сама того не замечая, она двигалась все медленнее, пока не остановилась совсем. Через несколько шагов прекратили ходьбу и Сури с Минной. Они оглянулись на Персефону в полном недоумении.

Персефона стояла, стиснув руки, и не отрываясь смотрела на темные деревья впереди. Отсюда было видно, как местность отлого поднимается в гору. Густой подлесок и кроны деревьев почти не давали пробиться солнечным лучам.

– Дальше этого места я никогда не заходила.

Сури прыснула, прикрыв рот ладошкой.

– Извини.

– Смейся на здоровье. Знаю, это глупо. Я добиралась до самого Алон-Риста на севере и Синего моря на юге. Я побывала во всех даллях и видела гору Мэдор, конечно, издалека. И хотя я смотрю на лес каждое утро из окна своей спальни, внутрь я не вхожу никогда. Не испытываю в том ни малейшей нужды. Я не охочусь, не рублю дрова, и для меня там нет ничего интересного.

Татуировки над глазами Сури недоверчиво поднялись, но Персефоне было слишком страшно, чтобы думать о вежливости.

– Это же просто деревья, верно? – спросила Персефона, чтобы себя подбодрить, однако страх никуда не делся. Старый ужас выпустил когти, сжимая живот и мешая дышать. – Даже ребенок... даже семилетняя девочка это знает!

– Да уж. – Сури прошла еще несколько шагов, но Персефона так и не двинулась с места. – Идешь?

– Можно тебя кое о чем попросить? – Персефона потянулась к девочке. – Пожалуйста, возьми меня за руку...

Сури прищурилась, скептически посмотрела на Минну и пожала плечами.

– Э-э... ладно.

Сури вернулась в заросли папоротника. Нежные листочки колыхались и подрагивали, когда она проходила мимо, и ни на один девочка не наступила. Персефона почувствовала крепкое пожатие руки мистика.

– Веди, Ария, – сказала Персефона.

– Кто такая Ария?

– Одна знакомая девочка.

Сури посмотрела на нее снизу вверх.

– Ну ты и странная, госпожа!

Глава 8

Спросить у дуба

«Магда была древним дубом, который рос на поляне, раскинувшейся на вершине холма в глубине леса. Говорят, она могла предсказывать будущее и отвечать на любые вопросы, заданные под ее кроной. Для большинства людей “спросить у дуба” было обычным делом, занимавшим всего полдня. У Персефоны дорога заняла день и ночь и стоила нескольких людских жизней».

«Книга Брин»

В воображении Персефоны лес за пределами черного дерева всегда рисовался зияющей утробой, во тьме которой кишели злобные демоны, призраки и кровожадные рэйю, пожиравшие людей начиная с лица. В этом были виноваты рассказы, что велись зимними ночами у очага в чертоге вождя. Гремя у извечного огня, она слушала их, а ветра снаружи выли и ломились в двери, будто кто-то пытался войти. Большинство историй излагались от лица рассказчика или его близкого друга, если герой погибал, что случалось довольно часто. Веселых историй про лес почти не бывало. Никто не находил ни счастья, ни утраченной любви. Неудивительно, что увиденное под сенью леса привело Персефону в восхищение.

Деревья со стволами в объёме больше, чем хижины далля, достигали умопомрачительной высоты и поддерживали огромную зеленую крышу. Листву пронзали золотистые лучи солнца, отбрасывая на хвойный ковер замысловатые движущиеся узоры. Покрытые мхом камни и слой опавших листьев придавали лесу уют, напоминая Персефоне о набитом шерстью домике Сары. По пути им встретились пара оленей. Прекрасные животные стояли с поднятыми головами, наострив уши. Персефона отвела взгляд, а когда посмотрела опять, оленей как не бывало, они исчезли, словно призраки. Сури оказалась права: это действительно был настоящий дом, и лучшее ожидало их впереди.

Вступив под сень леса, путницы все время шли в гору, и Персефона задавалась вопросом, как они пойдут дальше, если уклон увеличится. Сури привела ее к расщелине, с которой вода струилась на груды камней. Брызги собирались в лужи и переливались через край, вымывая в скале нечто вроде высокой, мокрой лестницы. Снизу поднималась туманная дымка, орошая лишайники и придавая черному камню влажный блеск.

– Как красиво! – воскликнула Персефона, взбираясь вслед за Сури по неровным скользким ступеням.

Хотя карабкаться по камням оказалось проще, чем идти в гору по палой листве сквозь колючий кустарник, подъем был крутым и сложным. Персефоне пришлось несколько раз останавливаться, чтобы отдохнуть. Сури тем временем плюхалась на камень у нее над головой и сидела, нетерпеливо болтая тощими ногами.

Почти у самой вершины Персефона оглянулась и посмотрела вниз. Они забрались довольно высоко, и теперь водопад казался не таким большим и величественным. И все же игра воды на камнях восхищала. Внезапно внимание Персефоны привлекло движение внизу. По скалам взбирались трое мужчин.

Узнать Сэккета было несложно. Короткая борода, длинные темные волосы падают на плечи. Двух других она тоже признала быстро. У одного повязка закрывала отсутствующий глаз, у второго не хватало руки. Повязка Эдлера была достаточно узкой, чтобы виднелся шрам от когтей медведя. Он постоянно вращал головой, компенсируя потерю зрения. Хэгнеру пришлось хуже всех. Весил он немало, и с одной рукой на скалу ему было не взобраться.

– Что вы здесь делаете? – приветливо окликнула их Персефона.

Лес оказался не таким страшным, как она ожидала, и все же компания им совсем бы не помешала. Медведица ведь никуда не делась.

– То же самое я собирался спросить у тебя, – ответил Сэккет.

Сури проворно спустилась к Персефоне и спросила:

– Ты их знаешь?

– Да. Они из нашего далля. Храбрые мужчины, которые были с моим мужем, когда он пошел охотиться на Бурую.

– Минне они не нравятся. – Сури наклонилась погладить волчицу. – Она прекрасно разбирается в людях.

Персефона посмотрела на волчицу.

– Наверно, ей просто не нравятся копы. Сэккет – Щит нового вождя. С ним мы в надежных руках. – Нагнувшись над водопадом, она прокричала: – Вы пришли на охоту?

– О да! – крикнул в ответ Сэккет.

– Даже не знаю, удастся ли мне уговорить вас присоединиться к нам хотя бы ненадолго. Сопровождение было бы очень кстати.

– Беспременно. Сейчас мы вас догоним, – ответил Сэккет.

Персефона подождала, пока они вскарабкаются по мокрым камням, опираясь на древки копий для равновесия. Подъем сильно затрудняли большие деревянные щиты, висевшие на спинах мужчин.

– Деревья говорят, – заметила Сури.

Девочка подняла голову, глядя на листву над ними.

– Неужели? И о чем же они...

Сури предупреждающе подняла палец, потом прищурилась, слушая. Персефона тоже прислушалась, но не разобрала ничего, кроме шума ветра в листве.

– Что вы тут делаете? – спросил Сэккет.

Он уже не пытался обходить лужи и брел по колено в воде, намочив сандалии и похожие на мех волосы на ногах.

«Пожалуй, бывают мужчины слишком волосатые», – подумала Персефона. Несмотря на роскошную черную гриву волос, назвать Сэккета красавцем язык не поворачивался. К волосам прилагались глубоко посаженные глазки под выпирающим лбом, придававшие ему вид опасный и мрачный.

– Знаю, звучит смешно, но мы идем поговорить с деревом, – объяснила Персефона.

Сэккет остановился отдохнуть на два уступа ниже, тяжело отдуваясь.

– С деревом, значит?

– Да. – Персефона указала на девочку. – Это Сури и ее волчица Минна. Она наш новый мистик, ученица Туры. Она и сейчас их слушает.

Татуировки на лице Сури снова придали ей серьезный вид. Она уставилась на Сэккета. Как и Минна, девочка явно не была рада встрече.

– Ну, думаю, будет лучше всего, если Сури с волчицей отправятся своей дорогой, – заявил Сэккет.

– О, беспокоиться не стоит, – заверила его Персефона. – Минна совсем ручная, а Сури – наш проводник.

– Она не из нашего далля. Пусть уходит!

– Деревья сказали, что знают этих мужчин: они убийцы, доверять которым нельзя! – поведала Сури Персефоне.

– Сури, охота на зверей – не убийство. Наши жизни зависят от мяса, которое они приносят. Если бы не они, мы бы голодали.

– Сказал же, убирайся! – рявкнул Сэккет, напугав Персефону так, что она вздрогнула.

Сури словно ничего не заметила. Зато Минна ощерилась, вздыбила шерсть и зарычала.

Сэккет вздохнул.

– Никто не скажет, что я не пытался. – Он снял со спины щит и посмотрел на почти взобравшихся к ним Эдлера и Хэгнера. – Эдлер, обойди слева. Обрубком, ты справа. Волчицу придется убить.

– Не называй меня Обрубком! – возмутился Хэгнер.

– Никого вы не убьете! – воскликнула Персефона. – Минна нервничает, потому что у вас оружие, вот и все! Сури, ты можешь ее успокоить?

Мужчины надвигались все ближе.

– Эдлер, иди ты. Хэгнер, стой где стоишь. Я ее загоню, тогда Эдлер сможет ее убить. С той стороны ему сподручнее, чем нам.

– Я приказываю вам остановиться! – закричала Персефона.

Сэккет и Эдлер засмеялись и понимающе посмотрели друг на друга. Персефона всегда считала смех выражением тепла и дружелюбия, но этот смешок был сухим и холодным, такой звук издал бы рэйо, устраиваясь поспать на ложе из человеческих костей.

– Мне плевать, что вы сделаете с волком или с девчонкой. Тела приберем потом, – заявил Сэккет. – Лишь бы на Персефоне следов не осталось! Когда ее найдут, все должно выглядеть как несчастный случай. Думаю, она сорвется прямо вон на те камни.

– Чего? – Персефона ушам не поверила.

Она пыталась понять, что происходит, и не могла.

Эдлер раскинул руки, тесня Минну.

Наконец Сури оторвала взгляд от лесного полога и посмотрела на Эдлера в упор. Она ткнула в него пальцем и сказала:

– Деревья говорят: ты умрешь первым. Ты оскорбил Вогана. Он не любит, когда убивают в его лесах.

Сури повернулась к Сэккету.

– Деревья говорят: ты умрешь вторым. Не потому, что заслуживаешь прожить дольше, а для того, чтобы у тебя было время осознать. Ты не попадешь ни в Элисин, ни даже в Рэл. Тропы в обитель блаженства для тебя закрыты. Твой дух отправится во тьму Нифрэла.

Сэккет прищурился.

– Мне не нужно быть мистиком, чтобы узнать будущее. Я-то уж точно не умру, девчушка.

– Еще как умрешь, – заверила Сури. Как обычно тон девочки вовсе не соответствовал ситуации. В нем слышалось удовольствие и даже легкомыслие, как в голосе восторженного ребенка, что знает правильный ответ. – А я посмотрю!

– Да она чокнутая! – воскликнул Сэккет. – Шевелись, Эдлер. Убей волка!

– Минна, давай! – шепнула Сури.

Эдлер поднял копье, перенося вес на одну ногу, и тут Минна прыгнула. На одноглазого упала стофунтовая зверюга – оскаленные зубы и когти. Стоявший на краю скользкого обрыва убийца сорвался вниз. Щит и копье застучали по камням, и их тут же смело водой. Эдлер с Минной свалились на один пролет, Эдлер – в аккурат на валун. Он ударился затылком, раздался глухой стук и приглушенный хруст. Неизвестно, то ли он умер, то ли просто потерял сознание, только одноглазый остался лежать там, где упал.

Сэккет поднял копье, чтобы бросить в Минну, но Персефона вцепилась в древко. Хотя она держала его обеими руками, Сэккет вырвал оружие и ударил ее пяткой копья в живот. Персефона рухнула на камни, хватая воздух ртом.

– Сэккет! – заорал Хэгнер.

Однорукий яростно махал обрубком, указывая вниз.

Никак не в силах отдышаться, Персефона заметила на подходе к скалам еще двоих мужчин. Первый был высокий, тощий, без бороды и одет в сияющий балахон, вокруг шеи – серебряный обруч, как носят богатые вожди. Персефона знала каждого предводителя семи рхулин-

ских кланов, этого же прежде не встречала. Второй отличался от первого, как волк от пса. Крепкий и мускулистый, грива черных волос и встопорщенная борода. Одет не менее любопытно, чем его друг. В основном в одежду из кожи и еще в черно-белую ли-мору со знаками клана Дьюрия.

Сэккет глаз не сводил с Минны, но волчица и не думала нападать. Она метнулась поближе к Сури. Обе женщины смотрели на приближающихся незнакомцев.

– Помогите! Они хотят нас убить! – закричала Персефона.

Снова обретя способность дышать, она изо всех сил старалась отползти подальше от Сэккета.

– Это наше дело! – крикнул Сэккет чужакам. – Вас оно не касается. Идите себе мимо!

– Леди сама нас пригласила, – ответил тощий незнакомец, аккуратно обходя Хэгнера.

– Я не знаю тебя, ты не знаешь меня. Оно и к лучшему.

– Сомневаюсь. Разрешите представиться! Меня зовут Малькольм. – Мужчина быстро карабкался вверх, помахивая копьём. Его плечистый спутник едва за ним поспевал. – По какому праву вы собираетесь причинить этим женщинам вред?

Чужаки преодолели последний подъем, миновав озадаченного Хэгнера, и встали на одном уровне с Сэккетом. Теперь их разделяла лишь неглубокая лужа. Тот, что крупнее, держал руку на обнаженном мече, заткнутом за пояс.

Меч!

Персефона ни разу не видела мужчину с мечом. Они считались оружием богов, а этот клинок еще и сиял драгоценными камнями. На спине у чужака она заметила рукоять второго меча.

Два меча! Великая Праматерь, да кто же они такие?

– Ну, Ма-аль-кольм, – протянул Сэккет. – Наверно, у тебя со слухом беда, так что повторяю снова. Это наше дело, и вас оно не касается!

– Сэр, ты – трус, обижающий слабых! Да и красавцем тебя не назовешь. Я бы даже не побоялся назвать тебя уродом! А сейчас я скажу все, что думаю о твоей матери. Так вот, она...

Сэккет ринулся через лужу, вздымая тучи брызг, и ткнул копьём. Малькольм шагнул назад, отбиваясь. Сэккет напирал, с трудом шлепая по воде, но Малькольм не давал ему сократить дистанцию.

Мужчина в ли-море с узорами клана Дьюрия бросился вперед, надевая щит и выхватывая из-за пояса меч. Сэккет поднял щит, ожидая удара. Бить дьюриец не стал. Вместо этого он оттеснил Малькольма назад и крепко встал на обе ноги. Малькольм отошел в сторонку, предпочитая наблюдать за устроенной им дракой с безопасного расстояния.

– Ты кто? – спросил Сэккет, нервно поглядывая на металлический клинок.

Здоровяк не ответил, лишь чуть согнул ноги, поднял щит и меч.

– Тебя это не касается, – снова повторил Сэккет.

– Ну и что? – поинтересовался дьюриец.

– Вали отсюда!

– Чтобы ты убил этих женщин? – спросил Малькольм. – Вряд ли. Пожалуй, уйти лучше тебе.

– Будьте осторожны! – предупредила Персефона, наконец поднявшись на ноги. – Он ловко обращается с копьём.

Сэккет ухмыльнулся и сделал выпад в сторону дьюрийца. Здоровяк блокировал удар и взмахнул мечом. Лезвие задело древко возле наконечника и прошло насквозь. Заточенный камень с грохотом упал на скалы.

Сэккет испуганно отшатнулся.

– Хэгнер, обойди его сзади... – начал он и вдруг заметил то, что остальные увидели уже давно. Хэгнер спустился и почти достиг нижней части водопада.

– Тэтлинская ведьма! Ты – паршивый кул! – заорал Сэккет ему вслед.

Швырнув остаток копья в дьюрийца, Сэккет повернулся и тоже стал отступать. Минна угрожающе зарычала. Наверно, убежавший подумал, что волк сейчас прыгнет или Малькольм бросит ему вслед копьё. Как бы там ни было, Сэккет ускорил спуск по илистым камням.

Персефона поморщилась еще до того, как он упал.

Сэккет поскользнулся и рухнул с высоты футов в пять, ударившись спиной сначала об один уступ, потом об другой. Тело его кубарем катилось по залитым водой ступеням, перекувыркнувшись четыре раза. Сэккет кричал с каждым ударом о камни. На третьем уступе нога его застряла, он перевернулся и упал головой вниз. Череп его не треснул, как у Эдлера, зато шея выгнулась под острым углом.

Сэккет лежал в пенном потоке, стена и дергая головой. Он зажмурился от боли, рот искривился в гримасе, обнажив зубы. Встать он не пытался. Из всего тела двигалась только голова.

– Помогите! – крикнул он, а вода тем временем волокла его к краю уступа. – Я не могу пошевелиться! Помогите!

Персефона шагнула вниз, цепляясь руками и ногами. Там, где вода покрывала камни, они были скользкими, как лед. Она осторожно ползла, понимая, что не успеет, а в глубине души дивилась, как на пути сюда смертельная ловушка водопада могла показаться ей красивой. Она спустилась всего на три пролета, и тут Сэккет завопил. Беспрерывный поток воды столкнул его на следующий уступ. Хотя падать было невысоко, он очутился в довольно глубокой заводи.

Сэккет лежал на спине и не мог поднять лицо над водой, чтобы дышать. На поверхности остались лишь лоб и глаза. Персефона заспешила вниз. Потом она тоже поскользнулась, как и Сэккет. Нога сорвалась с камня, и Персефона упала на спину. Хуже всего пришлось бедру и локтю, тело запульсировало от боли. Стремительный поток потащил ее к краю, Персефона закричала, тщетно цепляясь за скользкие камни в поисках опоры.

Вдруг кто-то схватил ее за запястье. Пальцы держали крепко. Миг спустя она уже висела над водопадом на одной руке. Ее вытягивали вверх. Ноги продолжали искать опоры, но этого уже не требовалось. Поднимавшая женщину рука отпускать ее была не намерена и прекрасно справлялась. Другая рука обхватила Персефону за талию. Наконец спаситель мягко прижал ее к черно-белой клетчатой груди.

Далеко внизу Сэккет таранился на них, как испуганная лягушка из пруда. Голова его дернулась раз, другой. Потом глаза медленно закрылись, и он исчез под водой...

* * *

Персефона сидела в корнях огромного дерева на вершине склона. Мокрое после падения платье липло к телу. Здоровяк предложил свою клетчатую ли-мору, и она набросила ее на плечи. Шерсть была грубая, не сравнить с роскошной материей, что ткала Сара. Зато она оказалась неожиданно теплой, и женщина завернулась поплотнее. Она продолжала смотреть на водопад, искрившийся внизу. Персефона думала о том, что тело Эдлера все еще лежит на камнях – темная фигура, вокруг которой пенится вода. Эдлер был мертв, вероятно, уже с тех пор, как ударился головой о камень. Хэгнер удрал.

Что же случилось? Она сидела и думала об этом без конца. Персефона пыталась разобраться, и не могла найти объяснение всеобщему безумию. Сэккет, Одноглазый Эдлер и Хэгнер, о котором Персефоне больше не надо было думать как об Обрубке, собирались ее убить. Хотя своим другом она не считала ни одного из них, врагами ей они тоже не были. Она считала их семьей – ведь они члены клана и соседи. Если бы так повел себя кто-то один, можно было бы предположить, что он сошел с ума. Но действовали-то они все заодно!

С момента нападения почти все молчали, кроме Сури, убеждавшей продолжать путь. Подталкивать Персефону не было особой нужды. Ей хотелось двигаться, уйти подальше от этих гиблых камней. Когда они добрались до вершины горы, ее трясло так, что пришлось сесть.

«Я чуть не погибла, меня едва не убили!»

Она долго не могла свыкнуться с этой мыслью. Осознание лишило Персефону последних сил. Вся в царапинах, мокрая, сбита с толку и перепуганная женщина сидела, обняв себя за плечи, и дрожала. Наверно, дьюриец решил, что она замерзла, и отдал ей свою ли-мору.

– Ну что, ты в порядке? – спросил здоровяк.

Она кивнула, судорожно стиснув руки.

– Не знаю, почему они это сделали. Они напали без всякой причины. Думаешь, Хэгнер вернется?

– Нет. Вид у него был напуганный. Пожалуй, больше мы его не увидим.

Персефона облегченно вздохнула.

– Ты прав. Судя по всему, он уже на пути в Уоррик. В Рэне он точно не покажется. Иначе Коннигер голову ему оторвет.

– Твой муж?

– Нет, – ответила она. – Коннигер – вождь Далль-Рэна.

– Я думал, вождя зовут Рэглан.

– Рэглан был вождем прежде, и моим мужем, но он погиб. Теперь правит Коннигер.

Здоровяк кивнул, потом опустился на одно колено и почесал Минну за ушами. И тут Персефона заметила у него на шее круглую бронзовую медаль с искусной чеканкой в виде переплетенных лоз или ветвей. Бронза – металл богов, и подобные вещицы большая редкость. До сих пор дьюриец не представился, и все же Персефона почти уверилась, что знает, кто он.

– Спасибо вам! Я... – она оглянулась на мистика. – Мы обязаны вам жизнью! Я – Персефона. Это Сури, а вы кто?..

– Люди, не любящие много говорить, – быстро ответил дьюриец и бросил суровый взгляд на своего спутника. – Мы простые странники, идем на юг.

Наверняка это он!

– Путешествуете налегке? – спросила она.

На двоих у них было лишь одеяло и небольшой мешок, в который вряд ли помещалось так уж много еды. Зато недостаток продовольствия они восполнили оружием. За плечами здоровяка висел еще один клинок – медный.

Точно он!

– Пользуемся дарами земли, – ответил он, отвернувшись.

– Ну, мы идем? – спросила Сури.

Девочка сидела на земле, скрестив ноги, и играла в детскую игру с веревочкой, сплетая узоры между пальцами.

Персефона снова посмотрела на склон, ведущий к водопаду. Она не знала, что делать. Мысль о том, чтобы зайти еще глубже в лес...

– Куда вы направляетесь? – перебил ее размышления Малькольм.

– Ну, мы идем... Знаете, это довольно трудно объяснить.

– Вам еще далеко?

Персефона повернулась к мистика.

– Нам далеко?

Сури покачала головой, продолжая плести узоры между пальцами.

– Что ж, если недалеко, то мы можем вас проводить, – предложил Малькольм.

При этих словах друг его недовольно скривился. Малькольм сделал вид, что не заметил этого.

– Если мы вас проводим, не могли бы вы отблагодарить нас за доброту едой? – с надеждой улыбнулся Малькольм.

– Да, конечно! Когда вернемся в далль, я распоряжусь, чтобы вас обоих как следует накормили и дали ночлег.

– Тогда мы с удовольствием вам поможем! – заверил Малькольм.

Пока инициатива была на ее стороне, Персефона поскорее поднялась. Она продолжала сжимать ворот ли-моры. Холодно уже не было, но она понимала: вряд ли здоровяк кинется бежать, пока не получит свою одежду обратно.

Вспомнились слова Мэйв: герои вроде него давно среди нас не ходят.

Сури убрала веревочку, подняла посох Туры и умчалась в глубь леса, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на цветы или на птичек. Волчица ей подражала, а может, и наоборот. С Сури ни в чем нельзя было быть уверенным.

Если лес позволял, Малькольм с другом и Персефона шли рядом. Сейчас они двигались сквозь участок с густой листвой и редким кустарником. Подъем продолжался. Персефона не скоро поняла, что идут они по едва заметной тропинке. Хотя на открытых местах та пропадала, Сури ни разу не сбилась. Вскоре они достигли гребня, где настил из палой листвы спускался в обе стороны.

– Так куда же мы идем? – спросил Малькольм у Персефоны.

– Сури – мистик и прорицательница. Она ведет меня к одному старому дубу.

– Мистик? – переспросил здоровяк со смесью удивления и почтения в голосе.

– Да. Знаю, она совсем юная, но ее вырастила Тура, очень уважаемая прорицательница. Тура была древней старухой. Когда я видела ее в последний раз, все волосы до единого у нее были седыми. Она все знала или могла найти ответы на все. Недавно она умерла, и Сури говорит, что старый дуб может ответить на некоторые мои вопросы.

– Могу ли я спросить, что у тебя за вопросы, если ради них стоит рисковать своей жизнью и здоровьем? – поинтересовался Малькольм.

Персефоне нравилась его манера выражаться. Даже когда она была женой вождя, никто не обращался к ней со словами «могу ли я спросить». Однако самое удивительное заключалось в том, что он ничуть не считал странным ее желание поговорить с деревом. Персефона была ему благодарна за вопрос. Она и сама гадала, как поднять эту тему, а Малькольм предоставил ей прекрасную возможность.

– Недавно мы узнали, что вероятно боги Алон-Риста собираются напасть на нас – на всех рхунов. – Она помолчала, пытаясь подобрать слова. – Я ищу ответа, точнее, совета, как спасти моих людей. Еще я надеюсь, что дерево приведет меня к человеку по имени Рэйт...

Дьюриец посмотрел на нее пристально.

– Чего ты от него хочешь?

– Ходят слухи, что он убил фрэя. Люди называют его Убийцей Богов.

– И что с того? Хочешь сдать его фрэям? Думаешь, это предотвратит бойню?

– Нет-нет! Совсем нет! – воскликнула она чуть громче, чем намеревалась. Сури с Минной замерли и оглянулись. – Некоторые называют фрэев богами, но будь они боги, их было бы нельзя убить. Мне приходилось иметь с ними дело, и я знаю, что фрэй нас ничуть не уважают. Мы для них как муравьи, а если тебя укусит муравей, неужели ты станешь искать именно его? Или сожжешь всю их колонию, чтобы никто не укусил тебя снова? Я хочу выяснить, правда ли этот Рэйт убил бога, и если да, то как. Если один человек способен убить фрэя, то и другие могут этому научиться. Пожалуй, наша единственная надежда – дать им бой.

Чужаки переглянулись.

– Такого героя встретили бы в Далль-Рэне с распростертыми объятиями.

– Слышал я про этого Рэйта, – кивнул здоровяк. – Только вряд ли это правда.

– Конечно, правда! – Малькольм нахмурился. – Мы сами были в таверне, когда Рэйт рассказывал свою историю.

– Рэйт никаких историй не рассказывал! За него болтал его малоприятный спутник. Наверняка большая часть рассказней – выдумки.

– Да неужели? – откликнулся Малькольм. – Лично мне история показалась красивой. Она меня тронула.

Еще один взгляд, на этот раз более сердитый.

– Давай я скажу тебе то, что знаю наверняка, – обратился здоровяк к Персефоне. – Фрэи – смертельно опасны. Они владеют металлами, их оружие может легко перерубить наше.

– Как ты перерубил копьё Сэккета?

Дьюриец промолчал, идя вдоль гребня и глядя на деревья. Разговор с ним походил на рыбалку. Рыбачить Персефону учил Рэглан. Главное – привести рыбу на крючке к сачку. Если дернешь слишком сильно, рыба начнет бороться, оборвет леску и уплывет. Приходилось то и дело уступать рыбе, прежде чем как следует потянуть. Персефона решила сменить тему и отпустить побольше лески.

– В далеком прошлом, во время Великого наводнения, угрожавшего гибелью нашим предкам, человек по имени Гэф объединил кланы. Он поднял всех на общее дело.

– Ты говоришь про кинига, – кивнул мужчина. – Того, кто носил корону. Вождя вождей.

– Да, и я верю, что надвигается еще один подобный кризис, и если кланы объединятся под руководством кинига... Ну, нас куда больше, чем фрэев.

– Откуда тебе известно? – спросил здоровяк.

– Я же говорила, что была замужем за вождем Рэгланом. Вместе мы посетили все далли. Еще я бывала на ежегодных собраниях в Алон-Ристе. Алон-Рист... – Она помедлила, пытаясь подобрать слова.

– Впечатляет неописуемо, – помог ей Малькольм.

Она улыбнулась и кивнула.

– Да, но я не видела там много фрэев. Думаю, их всего несколько сотен.

– Она права, – подтвердил Малькольм. – Я оценил бы население Риста в три-четыре сотни.

Малькольм нравился Персефоне все больше и больше.

– В одном Далль-Рэне – почти тысяча человек, – сказала Персефона. – И два раза по столько в окрестных деревнях.

– А сколько будет мужчин? – спросил дьюриец. – Без мальчишек и стариков.

– Триста пятьдесят, может, четыреста.

– А сколько из них умеют держать копьё и щит? Я говорю вовсе не про охоту на зверей. Олени дают отпор редко, медведи не планируют сражений и укрепления не строят. Сколько из ваших мужчин имеют больше опыта в сражениях, чем в земледелии? Пятьдесят? Сто? Один? Чтобы победить фрэев, человеку нужно тренироваться годами! А где они возьмут оружие? – Он забрал у Малькольма копьё. – Такие игрушки против них бесполезны. То, о чем ты говоришь, немыслимо!

– Возможно, – кивнула Персефона с видом ветерана тысячи битв. Все, что она хотела сказать, в теории звучало неплохо, однако этот мужчина предпочитал практику. – И все же никто не говорит, что охотиться на крупных зверей вроде медведей или больших кошек немыслимо. Медведь гораздо быстрее и сильнее человека. Мы выигрываем потому, что охотимся группами. Что будет, если на фрэя пойдут десять человек? Да, возможно, в Далль-Рэне всего пара сотен хороших вояк, но в клан Рэн входит две сотни деревень. Кто знает, сколько найдется воинов в Мэнахане, Мэлене, Тирре и Уоррике? Речь идет о тысячах! Наши женщины тоже способны сражаться! Я знаю, что в случае необходимости смогу научиться держать копьё. Нам придется сражаться за свои жизни, а это неплохой стимул, не находишь?

Здоровяк нахмурился.

– Женщины не способны сражаться.

Персефона пожала плечами.

– Ладно, но в Алон-Ристе есть и фрэй-женщины. Если наши сражаться неспособны, то и их женщины тоже не воины. Разве нельзя вообразить, что тысяча человек убьет сотню фрэев? Сколько людей у гулов? Если мы все сплотимся, то подавим их численностью.

– Наверяд ли... – Мужчина покачал заросшей головой. – Клань никогда не объединятся. Они скорее пойдут войной друг на друга.

Персефона выпустила еще немного лески.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Понадобится человек вроде Гэфа. Человек выдающийся, которого все признают самым отважным, самым сильным воином. Человек, перед которым остальные вожди преклонят колена и не потеряют при этом уважения своих людей. Понадобится герой!

Теперь пора подсекать.

– Понадобится тот, кто уже заявил о себе, убив фрэя, – сказала она.

Персефона и Малькольм продолжали идти, но дьюриец остановился.

– Ты хочешь, чтобы этот Рэйт стал кинигом? – спросил он.

Персефона кивнула.

– Думаю, он наша единственная надежда.

– Это безумие!

– А по мне – так звучит очень даже здраво! – заявил Малькольм.

«Малькольм, я тебя обожаю!» Он буквально держал сачок для ее рыбы.

– Молчи уже! – рявкнул здоровяк.

– Ведь ты же Рэйт, правда? – спросила Персефона. – Рэйт из Дьюрии, Убийца Богов, владеец Медного меча?

Рэйт покосился на торчавшую из-за спины рукоять, вздохнул и яростно ожег взглядом Малькольма.

– Это ты во всем виноват! – заявил он и скрипнул зубами.

* * *

Выяснив личность Рэйта, Персефона отступила, довольная своим достижением. Все трое шли почти молча. Вдруг идущая впереди Сури остановилась, Минна держалась подле нее. Девочка замерла на месте, глядя сквозь просвет в деревьях. Приблизившись, Персефона поняла, что они взобрались гораздо выше, чем она ожидала. Вид открывался потрясающий: на многие мили вокруг тянулись покрытые лесом горы. Длинные тени свидетельствовали о том, что времени прошло изрядно.

– Там живет Грин, – сказала Сури, ткнув пальцем в скалу, где в лучах солнца виднелась пещера.

– Мы же туда не пойдем? – спросила Персефона.

– Нет, госпожа, – ответила девочка. – Магда прямо впереди.

– Какая Магда? – спросил Малькольм.

– Старый дуб, – ответила Персефона. – Сури говорит, что она самое старое дерево в лесу.

– Кто или что такое Грин? – спросил Рэйт.

– Медведь или демон, или же и то и другое. Она убила моего сына, мужа и еще несколько человек из нашей деревни.

– Тогда ее стоит поостеречься, – заметил Малькольм.

Они продолжили путь. Сури провела их вниз к небольшой котловине. Более спокойного места и представить было невозможно: на всю долину раскинулся цветущий луг. В центре

его стояло огромное дерево. Нижние ветки, в толщину достигавшие ствола обычного дуба, опустили локти на землю и простерлись на сотни футов. Гигантский корявый ствол Магды частично покрывал зеленый мох. Пара больших наростов придавала дереву вид добродушного морщинистого лица, смотревшего на них сверху вниз печальными глазами.

Теперь стало ясно, почему Сури сказала, что Магда владеет. Возле нее не росло ничего, кроме цветов. Луг принадлежал Магде целиком, и ее ветви раскинулись во все стороны, как полы нарядного платья.

Сури остановилась под деревом и преклонила колени. Минна легла рядом. Остальные замешкались, не зная, что им делать. Сури медленно подняла голову.

– Поздоровайтесь с Магдой, самым старым деревом.

Малькольм подошел к Магде как в трансе и положил руку на ствол.

– Действительно, очень старое.

– В свое время Магда сказала мне, что прожила три тысячи лет, – объявила Сури. Малькольм продолжал поглаживать толстую и исчерченную глубокими морщинами времени кору. – Чего она только не повидала.

– Что мне делать? – спросила Персефона у Сури.

– Просто задавай вопросы.

Персефона шагнула вперед и посмотрела на узлы, будто они и в самом деле были глазами.

– Придут ли фрэй? Нападут ли они на Далль-Рэн?

Персефона ждала и прислушивалась, надеясь услышать гулкий голос дерева. Ничего не произошло, и она посмотрела на Сури.

Мистик пожала плечами.

– Спроси еще что-нибудь.

Персефона покосилась на Рэйта.

– Как мне спасти свой народ?

Они глядели на листву, Рэйт заметно нервничал. Потом все, включая Минну, по очереди посмотрели на Сури. Девочка скривилась.

– Что не так? – спросила Персефона.

Сури сердито помотала головой.

– Магда стала букой.

– Чем-чем? – спросил Рэйт.

– Молчит, как бук.

– Вероятно, задумалась, – сказал Малькольм. – Или не знает, что ответить. Для дерева, которое особо никуда не путешествует, вопросы довольно затруднительные.

– Магда разговаривает с другими деревьями. Они рассказывают ей обо всем, что слышали, – объяснила Сури. – Вот почему она знает так много. Она получает новости со всех сторон света.

– Откуда дереву знать, что на уме у богов? – спросил Рэйт. – Как она может предсказывать грядущие события?

– Чем больше знаешь о прошлом, тем легче предвидеть будущее.

Сури поднялась с колен.

– Магда! – крикнула она, напугав Минну. – Проснись! У тебя гости! Эта женщина очень важная госпожа. Ей нужно знать, что делать. Ей нужно знать... – Сури посмотрела на Персефону.

– Как спасти нашу расу от гибели, которую несут фрэй? – подсказала Персефона.

Сури облизнула губы и снова повернулась к дереву.

– Ну да, это мы и хотим узнать.

Они снова подождали. Сури сдвинула брови и насупилась.

– Ничего не понимаю! Обычно...

Легкий ветерок зашуршал в листве, Сури резко подняла голову. Глаза ее расширились, лицо просияло улыбкой.

– Встречай богов радушно, – торжественно проговорила Сури.

– Чего? – не поняла Персефона, но Сури жестом попросила ее замолчать.

– Исцеляй раненых, – продолжила мистик.

– Я не понимаю...

Сури снова махнула рукой.

– Следуй за волком.

Ветерок стих. Они все ждали. Наконец Сури довольно кивнула.

– Пожалуйста! Вот и ответ на твои вопросы!

Персефона моргнула.

– И это все? Встречай богов радушно, исцеляй раненых, следуй за волком. Что это значит?

Сури пожала плечами.

– Понятия не имею.

Глава 9

На волосок от гибели

«Жизнь в далле была полна опасностей. Мы боялись всего: духов, болезней, голода, волков и медведей. Той весной болезней и голода было меньше, зато волков и медведей больше».
«Книга Брин».

Едва познакомившись, Рэйт и Минна стали друзьями. Впрочем, со зверями он всегда ладил куда лучше, чем с людьми. В Дьюрии некоторые волки жили вблизи деревень и питались объедками. Зверей терпели, потому что их твяканье предупреждало о приближении опасности. Мальчишкой Рэйт водился со многими волками, но таких дружелюбных и крупных, как Минна, прежде не встречал. В Дьюрии звери не вырастали большими по той же причине, по которой люди не улыбались, – лишения во всем. Схожим образом Рэйт относился и к Сури, напомнившей ему младшую сестренку – единственную, кого он любил. Его поразило, что девочка стала мистиком, несмотря на юный возраст. Мистиков ему попадалось в жизни не больше, чем двухголовых единорогов. Мистиков было совсем мало, и они жили вне мира людей, сторонясь его разлагающего влияния. Лучшим другом Сури была волчица, что свидетельствовало именно о той мудрости, которую Рэйт высоко ценил.

Иное дело Персефона.

В ней он пока не разобрался. Для своего возраста она была довольно привлекательна. Рэйт предположил, что она лет на десять его старше. Но она была женой вождя – хуже не придумаешь! Рэйту не нравилось, как она пытается им манипулировать. Те, кто живут в чертогах, используют других людей. Они постоянно распоряжаются их жизнями. К тому же та троица хотела ее убить. Вряд ли это случайно. Если люди хотят видеть тебя мертвым, на то всегда есть причина. Также она повела себя глупо на водопаде, рискуя жизнью ради того, кто пытался лишить ее жизни. В то же время Персефона проявила куда больше порядочности, чем он от нее ожидал, и Рэйт призадумался. В ее пользу также говорило и то, что она обращалась с ним, дьюрийцем, уважительно. Будь она женой крестьянина и то странно, а ведь она когда-то была женой вождя и жила в богатом далле! Нетрудно предположить, что за всеми ее действиями скрывалась некая подоплека, однако в ней чувствовалась искренность. Красноречием Рэйт не отличался и влиятельных женщин прежде не встречал, зато всегда мог отличить волка, способного укусить, от волка неопасного.

– Минна! – Увидев, что волчица села рядом с Рэйтом и потерлась носом о его ногу, Сури удивленно подняла брови. – Как ты себя ведешь! Вы ведь едва знакомы.

– Она хочет приласкаться. – Рэйт склонился и погладил зверя.

– Что за глупости, Минна? – Сури хмыкнула, потом пожала плечами. – В общем, отсюда идите по хребту обратно, откуда пришли.

Персефона, все еще глядевшая на старый дуб, резко обернулась.

– погоди! Разве ты не пойдешь с нами?

Мистик покачала головой.

– Нет, госпожа. Я живу в той стороне. – Она указала на чащу.

– Но... – Персефона смутилась. – Я думала, ты вернешься в далль.

– Минна, ты только ее послушай! Она и правда странная! Мы пришли сообщить новость. Потом потребовалось ждать, пока деревья проснутся. Свой ответ ты получила, так что мы можем идти домой.

Сури порывисто зашагала прочь, Минна отпрыгнула от Рэйта и помчалась следом. Девочка усмехнулась.

– Меня она любит больше! – Сури сделала еще несколько шагов и остановилась, посмотрев на небо. – Лучше поспеши, госпожа. Ночь того и гляди нагрянет.

Даже не махнув на прощание, девочка убежала. Волчица ринулась за ней.

– Ну, прощай... – крикнула ей вслед Персефона. – И спасибо тебе!

Она продолжала смотреть, пока мистик не исчезла в зелени леса. Персефона оглянулась на огромный дуб.

– И это все? Я чуть не погибла, а получила одни загадки! Причем загадки так себе.

Рэйт не понял, то ли она говорила с ним, то ли с деревом, то ли сама с собой. Женщина вздохнула. Развернув ли-мору Рэйта, она накинула ее на голову как капюшон и подошла к нему.

– Думаю, нам туда.

Рэйт последовал за ней. Малькольм не спешил присоединиться к ним, стоя в раздумьях.

– Если поторопимся, получим горячий ужин, – сказала Персефона, идя по едва заметной тропинке, которую они протоптали в траве по пути к дубу. – Любите баранину? Сара разделяет ягненка, что зарезал Дэлвин. Я живу у них с тех пор, как погиб мой муж, и уверена, что вам они тоже дадут приют. Сейчас она наверняка добралась до рульки. Не самый лучший кусок, и все же...

– Судя по всему, нас ждет настоящий пир! – воскликнул Малькольм, догоняя их.

– Вижу, ты проголодался.

– Я прямо-таки изголодался, моя добрая госпожа! Мы сидели на скудной диете из орехов, грибов и изредка лакомились белкой или кроликом, что на двоих совсем не много – по кусочку или по два на каждого.

Взойдя на гребень, они пошли по прямой, громко шурша сухими листьями. Лучи проникали в просветы в кронах под острым углом. Стволы и листва купались в золоте, от основания каждого дерева тянулась длинная тень.

– Слыхал я о твоём муже, – сказал Рэйт, идя за Персефой. – Говорят, он был стар.

Она кивнула.

– Ему было за шестьдесят.

– Но тебе гораздо меньше!

– Спасибо. – Персефона с любопытством оглянулась.

– Я только хотел сказать, что ему повезло. Мало того что прожил долгую жизнь, еще и жена досталась молодая.

Она рассмеялась – какой приятный звук!

– Не знала, что дьюрийцы столь обаятельны.

– Ха! – хмыкнул Малькольм.

Персефона обернулась к тощему спутнику, шагавшему сбоку.

– Почему ты смеешься?

– Мало кто назвал бы Рэйта обаятельным!

– А ты почему знаешь? – вскинулся Рэйт.

– Я с тобой дневал и ночевал бог знает сколько времени, и ни разу ты не показался мне обаятельным!

– Малькольм, ну ты ведь не красивая женщина, – ответил Рэйт.

– Красивая?! – воскликнула Персефона. – Не знаю, обаятелен ты или нет, но уж точно очень добр! Либо в Дьюрии совсем не хватает девушек... – Она застыла на месте, в ужасе прикрыв рот рукой. – Прости меня, пожалуйста! Я не хотела...

Персефона до боли закусила нижнюю губу. Малькольм недоуменно посмотрел на Рэйта, и все молча стояли, слушая шум ветра в листьях. Не дождавшись продолжения, Рэйт спросил у Персефоны:

– Чего?

Она не сводила с него глаз. Смущение сменилось удивлением.

– Ты не знаешь?

– Не знаю чего?

– Дьюрия... Фрэй. – Она покачала головой, все еще касаясь рукой губ. – Они разрушили Дьюрию и, как мы думаем, Нэдак тоже.

Рэйт смотрел на нее оторопело. Люди часто говорят то, что не имеет смысла. Как правило, этим отличаются те, кто говорит слишком много. Слова льются у них изо рта, не неся никаких мыслей. Вероятно, Персефона одна из них. На лгунью она не похожа, да и выдумывать такое совсем ни к чему.

– Что ты такое говоришь?

Персефона посмотрела на Малькольма в поисках поддержки, но он хранил молчание, опершись на копье.

– Люди из Нэдака приходили в Рэн. Говорят, что видели своими глазами. Фрэй убили всех. – Понизив голос, она добавила: – Сожгли и деревни, и даль.

– Это сделали фрэй? – спросил Рэйт, пытаясь представить нечто настолько несусветное. Хотя... Раньше боги никогда не нападали на Дьюрию, но сама идея вовсе не казалась немислимой. И всё же он повернулся к Малькольму. – Не может быть! Разве бы они так поступили?

– Я... я думал, они бросятся за нами, а не за твоим народом. И все же это вполне возможно.

– Сколько деревень? Какие именно? – спросил Рэйт у Персефоны.

От его вопроса она съежилась.

– Все. Судя по рассказам очевидцев... – Она нахмурилась.

– Что?

– Выживших нет. Ни одного. Похоже, ты последний дьюриец...

Персефона говорила что-то еще, однако Рэйт перестал ее слушать. Малькольм тоже говорил, но Рэйт и на него не обращал внимания. Он смутно осознавал, что бредет вниз по склону, они шли следом.

В свое время, когда Херкимер учил его драться, Рэиту крепко досталось деревянным молотом по голове. Он рухнул, но сознания не потерял. Отец маячил над ним, что-то крича, только Рэйт его не слышал. Слова звучали приглушенно, будто Рэйт заблудился в тумане. Сейчас он чувствовал себя точно так же. Весь мир замер, а когда снова ожил, первой мыслью Рэйта было: Персефона ошиблась! Дьюрийцы не могли погибнуть все до единого. Жили они бедно, и все же счет шел на тысячи. Сотни поселений от Форкса до долины Длинного Копья. Все погибнуть не могли! Да и зачем кому-то разрушать маленькую деревушку вроде Клэмтона?

– Рэйт, ты знаешь, куда идешь? – спросил Малькольм.

Рэйт остановился. Они все еще шли вдоль хребта. Широколиственные деревья сменялись елями и кедрами, начался подъем в гору.

– Ну, как ты? – спросила Персефона.

– В порядке.

Она долго смотрела на Рэйта, словно собиралась возразить.

– Мы ведь возвращаемся в Даль-Рэн? – уточнил Малькольм. – Не помню, чтобы мы спускались на пути к дубу.

Персефона замерла и поглядела по сторонам.

– Ты прав, мы шли только вверх.

Они стояли посреди бесчисленных деревьев, сильно отличавшихся от тех, мимо которых проходили ранее.

– Думаю, мы забыли свернуть с хребта в нужный момент, – предположил Малькольм.

Под кронами темно. Хвойные деревья блокировали свет больше, чем широколиственные, но дело было не только в этом. Косые лучи солнца пропали, на землю ложилась ночь, и уже с трудом удавалось различить, где кончается одно дерево и начинается другое.

– Полагаю, следует вернуться туда, где начался подъем, и тогда уже... – Персефону оборвал вой, раздавшийся неподалеку.

– Думаете, это Минна? – В голосе Малькольма звучали и тревога, и надежда.

– Минна в другой стороне, – ответила Персефона. – А это там.

Она кивнула влево. Чуть правее раздался новый вой.

– Наверно, нам лучше пойти сюда. – Персефона быстро пошла в противоположную сторону, следом за ней Рэйт и Малькольм.

Вскоре они скользили по крутому склону, взрывая настил из коричневых игл, все еще влажных после недавнего дождя. Чем ниже они спускались, тем становилось темнее. У подножия горы воздух стал заметно прохладнее, под ногами зазеленели папоротники. Они брели по колено в зарослях и вдруг наткнулись на ручей.

– Не ведет ли он к водопаду? – спросила Персефона.

– Возможно, – ответил Малькольм напряженным голосом.

Персефона пошла по вниз руслу. Они едва брели, и ничто не казалось им знакомым.

Вой возобновился, теперь уже ближе. Жуткие звуки доносились с вершины хребта, отражались от стволов деревьев и эхом неслись обратно. Рэйт не смог определить, откуда они раздавались, но точно знал: был не один зверь.

Персефона ускорила темп, продираясь вместе с Рэйтом и Малькольмом через кусты и камни. С каждым шагом становилось все темнее, лес менялся на глазах. Хвойные деревья превратились в черные шторы, отдельно стоящие березы обернулись стройными призраками. Скалы и валуны, прячущиеся в тени, приняли обличья зверей, изготовившихся к прыжку. В подступившей тьме люди почувствовали себя в ловушке.

– Не уверена, что знаю, где мы находимся, – призналась Персефона, останавливаясь у ручья.

– Этого никто из нас не знает, – сказал Малькольм.

Персефона потеряла руки.

– Что ж, в данный момент я... – Она осеклась.

Из подлеска одна за другой появлялись темные тени. Три волка – черные, с острыми белыми клыками в ощеренных пастьях. Все трое выходили медленно, слишком медленно.

– Становитесь за меня! – приказал Рэйт, вытаскивая меч фрэя и пятясь.

Малькольм выставил вперед копьё.

– Просто направлять и тыкать, верно?

Не успел Рэйт ответить, как Персефона закричала. Он вовремя обернулся и увидел еще одного волка, выскочившего позади них. Ее крик испугал зверя, и он остановился.

– Бери мой щит! – Рэйт стянул со спины деревянную доску и передал Персефоне.

Показались еще волки. Папоротники вокруг людей трепыхались. Стая была большая, не меньше дюжины хищников.

– Спинами друг к другу! – крикнул Рэйт. – Держимся вместе. Не бегите!

Волки сомкнули круг, подходя все ближе. Они вывалили языки, на землю капала слюна. Самый бесстрашный, большой черный волк с проблесками седины на шкуре, медленно продвигался вперед. Рэйт взмахнул мечом, вожак щелкнул зубами и отпрянул. Раздался громкий скулеж.

– Проклятье! – завопил Малькольм, промахнувшись по другому волку, кинувшемуся одновременно с первым.

Первый успешный удар нанесла Персефона. Орудя краем щита, она изо всех сил стукнула волка по носу. Тот взвизгнул и удрал. На Рэйта бросился третий. Дюриец был наготове и задел его мечом по шерсти, а может и по шкуре. Зверь взвыл.

Стая описывала вокруг них круги. Время от времени какой-нибудь волк бросался вперед, рыча и щелкая зубами. Прыжки и ложные выпады вынуждали их крохотный треугольник

перемещаться. Неровная почва, укрытая папоротниками, не раз заставляла Рэйта спотыкаться. Если бы он или любой из них упал... Один укус и запах крови приведет стаю в неистовство. Жажда крови пересилит страх, и звери накинутся все разом. Тут им и конец. Рэйт знал, что убьет двух или трех, но победа будет за волками.

– Оу-роу! Оу-роу! – эхом разнесся крик.

Сквозь деревья неслась пара огней. Они появлялись, исчезали и снова появлялись уже ближе.

– Оу-роу! Оу-роу!

Волки дрогнули и отпрянули, повернувшись к источнику шума – вою, не похожему на волчий. Из-за деревьев выбежала Сури с факелом в каждой руке. Девочка мчалась на волков, перепрыгивая поваленные деревья и огибая стволы. Она перемахнула через заросли папоротника и кинулась прямо в самую гущу волков, воя, лая и размахивая факелами. Стая в ужасе бросилась врассыпную.

– За мной! – крикнула Сури, пробегая мимо.

Никто из людей не раздумывал. Они дружно развернулись и помчались за мистиком. Стая кинулась вдогонку, вожак возглавил преследование.

– Бежим-бежим! Вдоль ручья! – кричала Сури, замедляя бег и перемещаясь назад.

Рэйт присоединился к ней, Персефона и Малькольм помчались дальше.

Большой черный волк с проблесками седины бросился вперед. Проигнорировав Рэйта, он кинулся прямо к Сури. Факелы вожака не остановили, и он едва не рухнул на девочку всем весом.

И тут из темноты вылетел белый вихрь. Минна поймала вожака стаи в полете и повалила на землю, где они раскатились в разные стороны. Не успел волк подняться, как Сури кинулась к нему, тыча горящим факелом.

Черный волк взвизгнул и удрал, дымя опаленной шкурой.

– Ха-ха! – крикнула Сури и помчалась прочь.

Рэйт последовал за ней, пытаясь не отставать от проворной девчонки. Сури и Минна неслись по ручью, вздымая брызги.

Персефона с Малькольмом стояли в пятне лунного света, глядя назад.

– Тут обрыв! – крикнула Персефона, указывая на край скалы, на которой они стояли. – О, Великая Праматерь всего сущего! Это же водопад!

– Прыгай! – велела Сури.

– Что?!

– Прыгай!

Поравнявшись с водопадом, Рэйт замедлил бег. А вот Сури нет. Мистик и волк спрыгнули вниз вместе. Исчезая за краем скалы, Сури испустила торжествующий вопль.

Волки никуда не делись. Лес наполнял лай, вой и тьяканье. Персефона с Малькольмом посмотрели на Рэйта расширенными от ужаса глазами.

– Лучше спрыгнуть, чем быть съеденным, – вздохнул Малькольм и, как ни странно, сиганул первым.

– О, Великая Праматерь, не покинь меня! – взмолилась Персефона и тоже прыгнула.

Рэйт заглянул за край, но в надвигающейся тьме увидел лишь пронизанную лунным светом туманную дымку. Волки с рычанием окружали его. Они знали, что рядом обрыв, и не спешили. Шестеро зверей встали полукругом – пасти ощерены, с клыков капает слюна.

– Эх, Тэтлинская Ведьма! – Рэйт повернулся и последовал за остальными.

* * *

При падении Персефона едва не погибла. Ударилась она всего лишь о воду – ни острых камней, ни полусгнивших деревьев. Оттолкнувшись от дна, она с легкостью всплыла на поверхность, однако падение перенесла очень тяжело – полет в кромешной темноте напугал ее до полусмерти.

Двадцать лет она провела, разнося официальные сообщения по другим далям, и была одной из немногих, кому довелось посетить Алон-Рист. Рассказы о ее путешествиях поражали всех. И все же опыт двадцати лет мерк по сравнению с тем, что ей пришлось вынести в последние несколько часов. Персефона победила свой страх перед лесом, пережила покушение на убийство, получила загадочное послание от древнего дерева, сражалась с волками одним лишь щитом и прыгнула в темноту с вершины водопада. За один день ее собственная жизнь сорвалась со скалы, и что-то ей подсказывало: до дна еще далеко.

Когда все вынырнули, Сури приказала им плыть за завесу падающей воды, где обнаружилась глубокая впадина, явно свидетельствующая о том, что некогда мелкий ручеек был куда больше. Снег растаял не очень давно, и вода обжигала холодом. Впрочем, Персефона этого почти не замечала. Бухающее в груди сердце вырабатывало достаточно тепла.

Взяв плавающий на поверхности щит, Рэйт вышел из воды последним.

– Ух ты! – крикнула Сури, оттряхивая мокрые волосы. Волчица проделала то же самое, только без восторженного возгласа. – Вот это мы показали старому Огарку, правда, Минна? Оставили отметину, которую он не забудет. Теперь имя вполне ему подходит! Ха! – Девочка усмехнулась, сияя от удовольствия. Она обняла волчицу обеими руками. – Минна, ты просто умница! Отлично приложила! На этот раз ты как следует ему показала. Минна, ты мой герой!

– Вам уже приходилось с ними драться? – спросил Рэйт.

Мокрые волосы липли к его лбу. С бороды капало на камни.

– Постоянно. Огарок – неприятный сосед. Они с Минной не ладят. Он ревнует, потому что меня Минна любит больше!

Шум водопада заглушал большую часть звуков ночного леса, но Персефона расслышала волчий вой.

– Они могут до нас добраться?

Сури кивнула.

– Будут здесь совсем скоро, – добавила она с радостной улыбкой. – Вечно они мешкают, пока обходят водопад. Я жду, когда они осмелятся прыгнуть, и все никак. Огарок не слишком-то умен.

Персефона с тревогой посмотрела на погасшие факелы.

– Что будем делать?

– Исчезнем, – подмигнула Сури.

– Что?!

Девочка рассмеялась высоким, заливистым смехом. Персефону он отнюдь не утешил. Ведь на них надвигалась опасность в виде стаи волков, спешащих к ловушке позади водопада! Персефона посмотрела на Рэйта, однако настроения ей он тоже не поднял. Дьюриец напряженно оглядывался.

– Нам сюда, – сказала девочка-мистик, шагнув в трещину в скале.

Оказалось, что это не просто трещина, а широкая и невысокая расщелина. Пригнуться пришлось всем, кроме Минны.

Вой позади стал громче.

– Куда мы идем? – спросила Персефона, ковыляя между каменных стен.

Отрывистое твяканье волков больше не смягчали горы и деревья, теперь оно слышалось отчетливее. Потом раздался всплеск. Они рядом!

– Вон туда, – указала Сури.

В скале открылась дверь, и тьму пронзило призрачное зеленое свечение. Мистик махнула рукой, призывая последовать за собой, и снова шагнула вперед первой.

Плеск воды послышался совсем рядом, и никто уже не колебался. Не думая об опасностях, которые могли ее подстергать, Персефона бросилась навстречу новому, полному зеленого света миру. Сури захлопнула дверь.

Четыре человека плюс Минна очутились в зале, ненамного больше круглых хижин вдалеке. Но вырубленное в скале помещение впечатляло куда сильнее, чем зал в чертоге вождя. Потолок надежно поддерживали массивные колонны, высеченные из камня. Тяжелые глыбы образовывали укрепленную залу, воплощавшую собой силу, точность и единообразие. Продуманное использование пространства, сходящие на конус квадратные колонны и сводчатые проходы обладали завораживающей грацией и красотой. Вокруг потолка, вниз по краям стен и вдоль пола были высечены узоры, образующие непрерывную цепочку. Все поверхности покрывали странные рисунки, изображавшие сражения коротышек с людьми повыше. В центре пола – там, где в хижинах дала устроивали очаг, – находился большой зеленый камень, светившийся ровным светом. Ярким он не был, зато его вполне хватало, чтобы заполнить помещение призрачным сиянием.

– Что это за мир? – спросил Рэйт, вертя головой по сторонам и сжимая меч.

– Очень старый, – ответил Малькольм.

– Ты здесь живешь? – спросила Персефона у Сури.

Лицо девочки отразило нелепость вопроса.

– Не-ет, – протянула она. – Каменные стены почти так же ужасны, как и деревянные. Я живу в Долине Боярышника, самом прелестном месте из всех, что только существуют.

– Значит, это дверь кримбалов, про которых ты рассказывала? Та, что ведет в Ногг?

Мистик снова покачала головой.

Вой и скрежет когтей по камню напугали всех, кроме Сури с Минной. Рэйт выхватил меч и набросил щит. Сури хихикнула.

– Внутри им не попасть.

Рэйт подошел к декоративной рамке, обрамлявшей место, где они вошли. Кроме резьбы ничего не указывало, что здесь есть вход – в скале не было ни единой трещинки.

– Как ты ее открыла? – спросил Рэйт, возвращая меч за пояс. – И как она закрывается?

– Надо нажать на ромбовидную выемку в узоре. Снаружи узора нет, только камешек слегка выдается. Нужно потрудиться, чтобы его нащупать, а для стаи он слишком высоко.

Персефона огляделась по сторонам в поисках другого выхода.

– Значит, мы в ловушке.

Сури сдернула плащ и развесила его на горизонтальном шесте, вмонтированном в стену словно специально для этого. Минна спокойно обнюхивала зал. Ни та, ни другая ничуть не беспокоились.

– Рано или поздно стая потеряет терпение и уйдет. Но придется подождать. Огарок упрям. До утра мы точно останемся здесь.

Хотя царапанье и лай возле двери продолжались, стая вряд ли могла попасть внутрь. Персефона расслабилась и распрямила плечи. Ей стало холодно. Она сняла ли-мору, выжала ее и намокшие волосы. Потом женщина снова завернулась в одежду Рэйта, как в одеяло.

– Почему ты за нами вернулась? – спросила Персефона, придвигаясь к светящемуся камню в надежде, что он согреет ее как костер. Тщетно.

Сури развязала пояс с зубами оленя.

– Получила ваше послание.

Трое беглецов изумленно переглянулись.

– Мы ничего тебе не посылали! – воскликнул Рэйт, вытряхивая воду из волос и бороды.

Сури расстегнула рубашку и юбку, затем повесила их рядом с плащом, оставшись голышом. Персефона покосилась на Малькольма и Рэйта. Они благоразумно устали на знаки, очерчивающие залу. Персефона жест оценила, хотя Сури было явно все равно.

Татуировки покрывали не только лицо мистика – похожие символы украшали все тело. Два завитка обвивали ключицы, еще два встречались в центре груди и уходили за спину. Руки от локтей до плеч обхватывали закрученные полосы, толстые как корни деревьев.

– Если вы никакого послания не отправляли, то наверно Воган проявил великодушие, – ответила Сури. – Я даже до сосен еще не дошла, как увидела белку. Она уронила желудь и кинулась вниз по стволу, чтобы его поднять. Поэтому мы с Минной помчались обратно так быстро, как могли.

Девочка оказалась вовсе не такой тощей, как ожидала Персефона. Тазовые кости выдавались вперед, ребра было легко сосчитать, зато мускулатура была развита отлично.

– Нашли мы вас не сразу, – продолжала Сури. – Кстати, куда это вас понесло? Я думала, вы хотели вернуться в даль.

– Хотели, – кивнула Персефона. – Только мы пропустили поворот.

– Да уж! Вы пошли совсем в другую сторону. Поскольку вы чутка тронуты из-за того, что живете в стенах, я подумала, что вы решили поохотиться на Грин. Пошла по вашим следам и увидела, что вы направились прямо в пещеру.

– Ничего такого мы не намеревались делать. Мы заблудились, – сказала Персефона.

– Надо было бросить соли на свой след. Тогда бы лешие держались от вас подальше.

Рэйт бросил взгляд на Малькольма. Тот лишь пожал плечами.

– Как ты нашла это место? – спросил Малькольм, разглядывая высеченные повсюду знаки.

– Тура показала. – Сури принялась выжимать воду из одежды. – Не так-то много в этом лесу тайн, неизвестных старой Туре. Каменных залов в Серповидном лесу пять. Остальные получше, чем наш. Внутри некоторых есть недурные металлические рубахи. Я их мерила, но они слишком тяжелые и маленькие. В других есть дудки, рожки и ящик со струнами – чудные звуки издают, если их дернуть!

Закончив отжимать одежду, Сури зашла за колонну и вернулась с охапкой толстых мягких одеял. Их она раздала всем присутствующим. Персефона замоталась в одно, Сури набросила другое себе на плечи и прилегла возле зеленого камня. Минна прижалась к мистика.

– Это рол – убежище дхергов. – Малькольм соорудил из одеяла нечто вроде плаща с капюшоном. – Остался со времен Бэлгрийской войны.

– Какой-какой? – спросил Рэйт.

– Войны между фрэями и дхергами, которые использовали тайные убежища вроде этого, чтобы отступать или организовывать наступления. Отсюда и слово «дхерг» произошло. На языке фрэев означает «поганый крот».

– Откуда ты знаешь? – спросила Персефона.

Малькольм пожал плечами.

– Я жил с фрэями.

– Ты сражался на их стороне? – спросила Персефона, глядя больше на копье, чем на Малькольма.

– Что ты, ничего подобного! Я был рабом. – Малькольм коснулся обруча на шее.

Персефона охнула, не зная, что еще сказать.

– Мне жилось неплохо. Алон-Рист – красивое место. Полагаю, жизнь у меня была куда лучше, чем если бы я жил в деревне рхунов. Тепло, безопасно, много еды и новых знаний.

– Ты сбежал?

– Да. – Малькольм помолчал. Судя по взгляду, мыслями он был где-то далеко. – Как странно, что хороший уход ценишь так мало. Труд мой тяжелым не был, и поскольку я справлялся со своими обязанностями, обращались со мной сносно. Я бы даже сказал, что жилось мне великолепно, но... – Он поплотнее запахнул одеяло. – Мы с Рэйтом голодали, мокли под дождем, мерзли, недоедали и выпачкались неимоверно. И все же я предпочитаю эту новую жизнь всем дням, проведенным в Алон-Ристе!

Он присел возле светящегося камня.

– Полноту жизни ощущаешь, лишь достигая новых высот, выживая благодаря своему собственному уму и силе. Именно это и делает нас теми, кто мы есть. – Он вытер мокрые волосы одеялом. – В неволе ты это утрачиваешь, теряешь себя и лишаешься умения радоваться. Благоустроенность может обернуться проклятием, зависимостью, которая подрывает надежду без малейшего предупреждения, совершенно неожиданно для тебя. Понимаете, о чем я? – Он оглядел присутствующих. Никто не ответил. – Поживи в тюрьме достаточное время, и она перестает быть просто стенами или стражами. Вместо этого появляется страх, что в одиночку ты не выживешь, и убеждение, что ты не настолько способный или достойный, как остальные... Думаю, совершать великие дела и подниматься над буднями способен любой. Нужно лишь слегка подталкивать его время от времени.

Минна подняла голову. Уши повернулись к двери.

Вой снаружи усилился, хотя скрестись перестали. Волк взвизгнул и затих. От последовавшего громового рыка люди так и подпрыгнули.

Заскулил второй волк, третий.

Сури изрядно всех удивила, крикнув:

– Не будь упрямым дураком, Огарок! Беги!

– Что происходит? – спросила Персефона.

Сури целиком сосредоточилась на звуках из-за стены и не ответила. Взвизгнул еще один волк, и Сури вскочила. Минна тоже. Обе остались у зеленого камня, испуганно глядя на закрытую дверь.

Тишина. Ни снаружи, ни изнутри не доносилось ни звука.

Благодаря татуировкам, выражения лица Сури было почти не понять, но по щекам девочки потекли слезы.

– Тебе надо было бежать, глупый ты дурак! – прошептала она.

Все замерли в ожидании.

– Сури, что там...

БУМ!

Дверь содрогнулась, и все подпрыгнули от неожиданности. Рэйт снова вытащил меч. Он сверкнул зеленым, отражая сияние камня. Малькольм схватился за копьё, уронив одеяло.

БУМ!

Полетела пыль и каменная крошка. Теперь уже все вскочили на ноги.

– Что там? – спросил Рэйт.

– Грин... – ответила Сури.

Впервые Персефона увидела на лице девочки нескрываемый ужас.

– Она сможет войти сюда?

Сури замялась, и все поняли, каким будет ответ.

– Если встанет на задние ноги, то ростом будет раза в два выше меня.

– А мы можем как-нибудь заклинить дверь? – спросила Персефона.

Сури покачала головой.

БУМ!

– Дверь выдержит такие удары? – спросил Малькольм при виде очередного облака пыли и осколков камня, отлетевших от стены.

– Ну, это же просто медведь, верно? – спросила Персефона. – Зачем ей сюда ломиться?

– Похоже, она решила нами закусить, – ответил Рэйт.

– Но почему? Наверняка она убила не одного волка. Еды у нее теперь предостаточно. Даже больше, чем она может съесть.

БУМ!

От мощного удара зала содрогнулась. Маленький металлический щит, висевший на стене, свалился вниз. Он покатился, закачался из стороны в сторону и с грохотом остановился.

БУМ!

– С чего бы медведь стал пренебрегать целым пиршеством и бросаться на каменную стену? – спросил Малькольм.

Они сжались в ожидании следующего удара. Вместо него раздался рев.

Они замерли. Тишина.

Сури подошла к двери, приложила руки к камню. На щеках ее блестели слезы. Все ждали. Сури обернулась.

– Ушла...

Глава 10

Галанты

«У нас в клане есть старая пословица: если в дверь стучит странник, будь щедр – вдруг это надевший личину бог. По моему опыту боги личинами не утруждаются. Для этого они слишком надменны».
«Книга Брин»

На следующее утро они обнаружили за дверью шесть мертвых волков. Бурая Грин исчезла, оставив после себя трупы и кровь, разбрызганную по каменным стенам расселины. Сури некоторое время постояла над зверем с обожженной шкурой.

Мужчины оставили одеяла себе, Персефона и Сури положили свои на место. Еще Рэйт прихватил металлический щит, свалившийся на пол во время нападения Грин. Он был удивительно легкий, расписанный теми же замысловатыми кругами и узорами, что и стены рола. Рэйт предложил Малькольму тянуть соломинки, но бывший раб отказался. Он предпочитал копье, и для того, чтобы с ним управляться, ему были нужны обе руки.

Утро выдалось туманное. За неделю, проведенную в Серповидном лесу, Рэиту доводилось видеть туман не раз, и все же белая муть действовала ему на нервы. В Дьюрии лесов нет, редкие деревца вырастают низкорослыми и чахлыми. Рэйт был родом с горных просторов, где растет лишь трава да лишайник на камнях, и теперь чувствовал себя крайне неуютно среди деревьев, окутанных туманом. Ему казалось, что вокруг полно опасностей и мрачных тайн. Деревья возникали и исчезали в тумане словно по собственному желанию – безмолвные часовые, стражи духов и богов. Люди появились в пробуждающемся лесу слишком рано поутру, и он не успел накинуть на себя личину пообыденней. Здесь творились чары и могло произойти все, что угодно.

Сури вела их обратно через водопады к гребню, подробно объясняя, где они сбились с дороги. Девочка-мистик указывала на деревья, словно люди могли отличить одно от другого. Все трое кивали, хотя Рэйт по-прежнему понятия не имел, где они находятся. Когда наконец вышли к каскаду, дымка почти развеялась, задержавшись только в отдельных низинах.

Тела людей исчезли. Персефона осмотрела скалы с опаской. Рэйт перебирал в уме, кто мог их забрать: духи, волки, Бурая Грин, Воган или жители далля. Последние его изрядно тревожили, однако пустой желудок занимал куда больше. Ему хотелось спросить у Персефоны, выполнит ли она свое обещание насчет еды, но он сдержался. В то утро молчали много. Лесная тишь разговорам не способствовала.

Выйдя на открытое пространство, все, кроме Сури, ускорили шаг. Над ними снова раскинулось безоблачное синее небо, лик солнца уже ничто не скрывало. Поросший весенними цветами холм венчала высокая деревянная стена Далль-Рэна. Взбираясь по травянистому склону, они промочили ноги росой. Рэйт унюхал запах готовящейся еды. При их приближении часовой затрубил в рог.

– Путь свободен, верно? – спросил Рэйт у Персефоны.

Она кивнула, подняла подол и посмотрела на промокшие сандалии с застрявшими в них травинками.

– В случае тревоги трубят дважды, три сигнала означает «к оружию».

– В Дьюрии точно так же, – сказал он.

Персефона с улыбкой кивнула.

– Как я рада вернуться! Не думала, что буду так скучать. Словно я отсутствовала целый год, а не один день. Долгий и очень страшный год. Сегодня засну как убитая.

Сури остановилась.

– Надеюсь, отсюда ты найдешь дорогу, госпожа?

– Да, Сури. – Персефона закатила глаза. – Вряд ли я заблужусь рядом с домом. Разве ты не зайдешь? По крайней мере, поешь с нами. Ты спасла мне жизнь! Дай хоть как-то тебя отблагодарить.

Девочка заколебалась, потом посмотрела на Минну.

– Что думаешь? Еда у них очень даже неплохая.

– Пойдем! Поешь, переночуешь, – предложила Персефона. – Отдохнешь и уйдешь утром.

– Еще одна ночь нас не убьет, Минна, – шепнула девочка волчице. – Если увидишь, что я надела обувь, укуси меня!

Рэйт обнаружил, что Далль-Рэн вовсе не похож на Далль-Дьюрию. Внутри деревня оказалась огромной и буквально забитой хижинами, построенными из роскошных бревен, скрепленных глиной. Плотные соломенные крыши были сделаны в форме высоких конусов. Вокруг домов змеились посыпанные гравием дорожки, вдоль которых стояли факелы. По центру деревни проходила широкая улица, ведущая к чертогу вождя и общему колодцу. Повсюду были садики с темной почвой, между ними костровища и поленницы.

Поленницы!

В Дьюрии древесина ценилась гораздо выше металла, а здесь жители жгли дрова не только ночью или зимой. Большой частокол из бревен был необходим для защиты деревни, внутри же огороды окружали деревянные заборчики. Наверно, чтобы не забирались козы и свиньи, бродившие на воле вместе с цыплятами. Рэйт покосился на Минну, но волчица не выказывала к живности ни малейшего интереса, оставаясь возле мистика.

Надо всем возвышался чертог вождя. Огромное сооружение стояло в центре далля на противоположном конце покрытой гравием улицы. Оно покоилось на каменном фундаменте и превышало размерами дьюрийский чертог раза в четыре. Крышу подпирали квадратные бревна, они же обрамляли большие двери. По обе стороны крыльца стояли колонны из связанных вместе стволов шести гигантских сосен.

Слева от дорожки, ведущей к чертогу, перед каменной статуей бога горели две жаровни. Скульптура достигала всего трех футов в высоту, черты лица были едва различимы, зато отчетливо выделялись огромные груди и широкие бедра. Дьюрийцы поклонялись своим богам, Миноганам, числом три – богам войны. Бог Далль-Рэна выглядел куда дружелюбнее.

Столько людей в одном месте Рэйт в жизни не видал. Не меньше сотни ходили по дорожкам, брали воду из колодца или работали на огородах. По большей части женщины и дети. Один из немногих мужчин был гончар – калека, скрючившийся над мокрой глиной за странным крутящимся столиком.

Калека?! Рэйт задумался. Насколько же далль богат, если может позволить себе кормить калеку?

Ответ был виден на здоровых лицах жителей. В Дьюрии пережившие зиму напоминали скелеты. Эти мужчины и женщины выглядели откровенно упитанными. И одеты хорошо. При полном параде: аккуратно пошитые туники, толстые шерстяные ли-моры и брек-моры достаточно большие, чтобы обернуться в них дважды. Почти вся одежда была выкрашена в тот или иной цвет и расшита узорами, и Рэйт устыдился своей грубо выделанной кожи и тонкой клетчатой материи. Стыд усугублялся обращенными на чужаков пристальными взглядами.

Рэйт другого и не ожидал. Где бы они с Малькольмом ни появлялись, их разглядывали все кому не лень. Жители Далль-Рэна побросали наполненные водой бутылки из тыкв и вязанки дров. Один так зазевался, что врезался в забор и чуть не упал. Работавшие на крышах спустились вниз, махавшие мотыгами в огородах отложили инструменты. Все смотрели на них изумленно, словно у вновь прибывших было по три головы и хвосту. Рэйта особенно удивило, что внимание привлекали не только Малькольм и он сам. Больше всего люди глазели на возглавлявшую процессию Персефону. И перешептывались, повторяя ее имя.

Они почти добрались до ступеней чертога, когда на порог одной из хижин вышла женщина и окликнула их.

– Сеф! – Она замахала руками, подзывая к себе. – Где ты была?

Персефона указала на женщину:

– Рэйт, Малькольм, Сури, это Сара. Я вам о ней рассказывала. Она лучшая ткачиха Рэна. Ее муж, Дэлвин...

Сара схватила Персефону за руку и втащила в дом. Мужчины и Сури последовали за ней. Стены хижины покрывали рисунки, в комнате было полно дорогой шерсти. Почти все место занимали прялка и большой ткацкий станок. Внутри сидели еще двое: молодая женщина у прялки и девочка, чесавшая шерсть. При их появлении обе прервали работу.

– Что же случилось на самом деле? Я ни на миг не поверила в эту чушь! – Сара сжала руки, будто душила невидимого цыпленка.

– О чем ты говоришь? – спросила Персефона. – В чем дело?

Сара, чье встревоженное лицо обрамляли аккуратно заплетенные косы, нервно покосилась на Рэйта и Малькольма. Она взяла Персефону за руки.

– Хэгнер обвинил тебя в убийстве Сэкетта и Эдлера!

– Что?! – Голос Персефоны едва не сорвался на визг. – Хэгнер? Хэгнер здесь! Я думала, он удрал.

– Он сказал, что его ты тоже пыталась убить, – заметила Сара. Снова бросив взгляд на Рэйта и Малькольма, она добавила: – И что тебе помогали.

Персефона слишком оторопела, чтобы говорить. Она потрясенно оглядывала присутствующих.

– Почему, во имя Великой Праматери, ты не убила и Обрубка заодно со всеми? – спросила женщина за прялкой.

Длинные черные волосы обрамляли лицо с высокими скулами, чувственным ртом и изящным носом, однако все меркло рядом с ее глазами – огромными, темными, глубокими и внимательными. Смотреть в них было все равно, что глядеть вниз с края пропасти. Женщина носила простое, тонкое платье, и на изгибах ее фигурки оно словно оживало. Хотя дьюрийские женщины ценились за сильные спины, а не за внешность, так не выглядели даже самые красивые из них. В легендах женщины, подобные ей, приводили мужчин либо к гибели, либо к славе. Проблема заключалась в том, что герой никогда не знал, каков будет исход.

– Коннигер заставляет меня выйти замуж за этого болвана! – объявила она, скривившись.

– Мойя, хватит! – рявкнула Сара.

За порогом собрались люди. Они тихо переговаривались, указывая на гостей в домике Сары.

Наконец к Персефоне вернулось самообладание.

– Никого я не убивала. Хэгнер сам на меня напал! Они накнулись втроем.

– Он рассказывает совсем другое.

– К чему мне?.. Я должна немедленно все выяснить! – Персефона вышла.

Рэйт последовал за ней, хотя в толпе он чувствовал себя не менее неуютно, чем в лесу. Слишком много людей – все равно, что слишком много деревьев. В Дьюрии деревни состояли всего из нескольких семей. Здесь же перед ступенями чертога собралось почти две сотни человек, остальные продолжали высыпать из домиков.

У всех были одинаково розовощекие откормленные лица. Ни следов оспы, ни глубоких морщин, прочерченных ледяными ветрами. Еще не было ни шрамов, ни сломанных зубов или покалеченных пальцев, которые оставляет военная жизнь. И ни у кого не было оружия. Вместо него они держали мотыги, стамески и молотки. Один парень прибежал с корзинкой яиц.

Рэйт решил, что Персефона обратится к тем, кто собрался перед домиком Сары, но она протиснулась сквозь толпу и направилась прямо по широкой дорожке мимо колодца. Поднявшись на крыльцо чертога, она замерла, повернулась и стала лицом к жителям далля.

Она подождала, пока толпа соберется, потом громко объявила:

– Вчера Сэккет, Эдлер и Хэгнер пытались убить меня в лесу. – Она помолчала, чтобы до всех дошло как следует. – Они загнали меня на водопад, и Сэккет с Эдлером оба погибли, поскользнувшись на камнях и рухнув на скалы. Не знаю, почему они на меня напали. Они ничего не...

– Хэгнер рассказывает другое. – Из дверей чертога к Персефоне вышел коренастый мужчина с серебряным торком вождя на шее.

Рэйт первым делом подумал, что для вождя он ростом не вышел, да и глаза мужчины ему не понравились. Они казались разными, левый чуть шире правого. Единственный видимый шрам был недавним – ярко-розовый, еще незаживший – явно отметина воина малоопытного. Вэлон, вождь Дьюрии, носил бороду до груди, зубов имел мало, лицо его словно выковали из меди. Так выглядит воин опытный, способный уцелеть везде. У вождя Рэна все эти признаки отсутствовали. Зато он вышел с топором.

При виде него Рэйт протиснулся к подножию лестницы. Это не его клан и не его вождь. О чем бы ни пошла речь, никакого интереса, кроме обещанной кормежки, он не имел. Однако Персефона начинала ему нравиться. Хотя еще вчера он колебался, сегодня же твердо знал, что, если начнется драка, он ее прикроет.

Персефона повернулась к вождю.

– Коннигер, тогда Хэгнер – лжец!

– Да неужели? Если Сэккет, Эдлер и Хэгнер хотели тебя убить, то почему ты не мертва? – Коннигер сложил руки на груди и посмотрел на нее свирепо. – Кто поверит, что два опытных охотника поскользнулись и упали? Ты утверждаешь, что к их смерти непричастна?

Персефона открыла рот, чтобы ответить.

– Хэгнер! – крикнул Коннигер в темноту чертога. – Она тебя обвиняет – расскажи всем, что видел.

Однорукий мужчина выступил из тени и вышел на крыльцо.

– Мы охотились и нашли ее на водопадах с теми двумя парнями. – Он указал здоровой рукой на Рэйта с Малькольмом. Все подняли на них глаза, а те, кто стоял рядом, отшатнулись, что Рэйта ничуть не заботило. – Мы решили, что Персефоне нужна помощь. Ведь он дьюриец, и все такое. Думали, она попала в беду. Наверно, она нас не заметила потому, что целовалась со здоровяком.

Из чертога появилась женщина с венком на заплетенных в косы волосах и встала рядом с Коннигером, держась чуть позади. Услышав слова Хэгнера, она посмотрела на Персефону и покачала головой.

– Рэглан мертв меньше месяца, а ты уже крутишь с другим! Или ты сошлась с любовником еще до смерти нашего вождя? Бегала к нему в лес, пока твой муж мстил за твоего сына?

– Ты – мерзкий лживый кул! – выпалила Мойя и ринулась вперед.

Если бы ее не схватили, она добралась бы до ступенек.

– Придержи язык! – рявкнул Коннигер.

– Именно из-за таких выходов мы и распорядились насчет твоего брака, – заметила женщина с венком, судя по всему – жена Коннигера. – Мойя, ты – дикое животное! Хэгнер вобьет в тебя хоть какое-то уважение к людям.

Мойя дернулась, ее удержали.

– Продолжай, Хэгнер, – велел Коннигер.

– Ну, как я уже сказал, они целовались, но я решил узнать, что и как. Она явно была не против, обнимала его и все такое, однако мало ли что. Может, он ее принуждал. Мы взобрались

на водопад, Персефона нас увидела и заявила, что нас нельзя отпускать обратно в даль. Якобы если люди узнают, то все пропало. И вот тогда те двое на нас и набросились. У здоровяка был меч, даже два. Нам не дали ни единого шанса! Он убил Сэккета и Эдлера. И меня бы тоже убил, если бы я не побежал.

– Почему ты так говоришь? – спросила Персефона. Она ничуть не разозлилась. Пожалуй, в ее словах чувствовалась боль, а тон и покачивание головы выражали полное недоумение. – Ты ведь знаешь, что это неправда.

Толпа увеличивалась, люди толпились уже за колодцем и каменным богом. Большая часть клана Рэн заполнила широкую дорожку, ведущую от ступеней чертога к центральным воротам. Они стояли плечом к плечу. У ближайших хижин дети взобрались на грубо обструганные скамьи возле кострищ, чтобы лучше видеть над головами своих родителей. Люди в толпе переговаривались между собой.

Коннигер поднял руки, чтобы унять шум.

– Твой черед, Персефона. Объясни-ка, почему трое наших самых уважаемых мужчин напали на тебя без всякого повода?

Персефона покачала головой.

– Не знаю. Я пыталась разобраться во всем с тех самых пор, как это случилось. Но эти трое были со мной и могут выступить свидетелями с моей стороны.

Настала очередь Коннигера качать головой.

– Ясное дело, они на твоей стороне. Нам нужен беспристрастный свидетель. Там был еще кто-нибудь?

Персефона сжала кулаки.

– Нет. Разве нельзя то же самое сказать про Хэгнера? Есть ли у него беспристрастные свидетели?

Вождь почесал бороду.

– Верно подмечено. Однако убиты два человека, и с этим не поспоришь. Мне трудно поверить, что два опытных охотника просто упали и разбились насмерть. – Он посмотрел на Рэйта. – А дьюрийцы известны своей кровожадностью.

Рэйт отпихнул стоявших перед ним людей в сторону, поднялся на крыльцо и встал рядом с Хэгнером.

– Он назвал меня убийцей! – прорычал Рэйт. – В Дьюрии обличитель доказывает свою правоту оружием. Думаю, такая традиция есть во всех даллях. – Он бросил взгляд на Коннигера. – Я требую, чтобы он взял свои слова обратно, как и ложь, которой покрыл эту женщину! Либо пусть нас рассудят боги. Давайте решим это прямо сейчас.

Он положил руку на меч.

– Бросаешь вызов однорукому? – воскликнула жена вождя. – Типично для дьюрийца!

– Какая разница? Если он говорит правду, боги даруют ему победу, даже не будь у него рук, а только один поганный рот. Или вы не верите в богов? – Рэйт презрительно покачал головой. – Типично для южан!

– Ты жестокий, дерзкий и несомненно лжец! – объявила жена вождя, трясая головой. – Разве сам не видишь, что ты подтверждаешь рассказ Хэгнера? Неужели думаешь, мы ничего не понимаем? – Она заговорила громче, чтобы было слышно толпе. – Какие еще доказательства нужны? Убийца, который помог Персефоне – дьюриец!

– Боги откроют правду! – рявкнул Рэйт и двинулся к Хэгнеру.

Коннигер шагнул между Рэйтом и одноруким. Яростный шум толпы нарастал.

Рэйт надеялся поест горячего, выспаться как следует и, может быть, захватить немного припасов в дорогу. Вместо этого он получил обвинение в убийстве и стычку с вождем клана у дверей его чертога перед толпой изнеженных обитателей далля. Пожалуй, Шегон не был богом,

но они наверняка его почитали. С тех пор, как Рэйт убил фрэя, на него будто легло проклятие. Утешало лишь то, что хуже быть уже не могло.

И тут прозвучал рог. Один, два, три сигнала.

Все внимание обратилось на дальний конец широкой дорожки. Мужчины кинулись запираť ворота толстым деревянным брусом.

Со стены раздался вопль:

– Пришли боги!

* * *

Персефона наблюдала, как собравшихся объял страх. Все взгляды обратились к вождю, однако Коннигер отнюдь не излучал уверенность. Он уставился на ворота и с трудом сглотнул.

– Поворачивают на перекрестке! – завопил Кобб со своего поста на стене возле ворот. – Они точно идут сюда!

– Что же нам делать? – спросил Бергин-пивовар, крутя в руках грязное полотенце.

Даже Тресса смотрела на мужа выжидающе, но Коннигер был не в силах ни пошевелиться, ни заговорить.

– Сколько их там? – крикнула Персефона через весь даль.

– Девять! – проорал в ответ Кобб. – Ну, то есть богов семь и двое... иных.

– Что же нам делать? – шепотом спросила Тресса у мужа.

Вождь прикрыл рот рукой. Тяжело дыша, он посмотрел налево, потом направо.

– Коннигер, тебе нужно выйти, – сказала Персефона. – Встреть их на дороге, пока они не дошли до далля. Поговори с ними. Я выйду с тобой, чтобы переводить.

И тогда Коннигер посмотрел на нее. Персефона ожидала, что он разозлится, яростно сверкнет глазами, может быть, даже ударит. Растерянному, затравленному взгляду она предпочла бы пощечину.

«Он думает, мы уже мертвы».

– Ну уж нет! – Коннигер покачал головой. – Это же равносильно самоубийству! Наши стены толстые, ворота надежные. Здесь нам ничего не грозит.

Персефона оглядела толпу и нашла Малькольма. Она спустилась с крыльца и схватила его за руку.

– Разве стены их удержат?

Малькольм покачал головой.

– Стены ваши из дерева. Их даже камень не остановит, лишь слегка замедлит.

Персефона всмотрелась в лица жителей. Матери взяли детей за руки, оглядываясь то на ворота, то на Коннигера. Мужья прижали жен к себе, на глазах у многих выступили слезы. Надежда таяла. Они начали понимать, что вождь их не спасет.

Есть вещи людям неподвластные, к примеру, воля богов.

– Они уже у границы выпаса! – крикнул Кобб дрожащим голосом.

Персефона отвернулась от Малькольма и сосредоточилась на Рэйте. Он стоял на ступенях, рука на мече. Он был высокий, плечи широкие, лицо суровое.

Убийца Богов.

– Слушайте все! – крикнула она, взбираясь обратно на крыльцо. – Послушайте меня! Это Рэйт из Дьюрии. Убийца Богов!

Она посмотрела на него, пытаясь оценить шансы по выражению его лица. Он явно разозлился, может быть, даже впал в ярость, но точно не испугался.

– Кобб говорит, что их девять. Со сколькими ты сражался в прошлый раз? – спросила Персефона у Рэита.

Он промолчал.

– С тринадцатью, – ответила Брин. – По рассказам, он сошелся с Шегоном и тринадцатью его людьми. После того, как он убил главного, остальные разбежались.

– На этот раз их меньше. Сможешь сделать это снова? – спросила Персефона.

Рэйт обменялся взглядами с Малькольмом.

– Есть разница между тем, что рассказывают, и тем, что было на самом деле.

– Конечно, однако если они решили устроить то же, что в Дьюрии, ты умрешь с нами, – проговорила она.

– Ты уверен, что ворота их не удержат? – спросил Рэйт у Малькольма.

– Не больше, чем садовая изгородь.

– Значит, выбора нет? – обреченно вздохнул Рэйт. – Ладно, пусть откроют ворота.

– Нет! – оживился Коннигер. – Нельзя их впускать!

– Фазве ты не слышал? – выпрыгнул вперед Гиффорд, опираясь на костыль, сделанный Роан. – Они фазобьют вофота в щепки! – Он посмотрел на Малькольма прищуренным глазом. – Если они боги, то могут просто велеть вофотам откфиться, и те подчинятся.

– С нами Убийца Богов! – воскликнула Брин. На ее лице расцвела улыбка. Пожалуй, единственная сейчас. – Узнав, что он здесь, они наверно побегут прочь!

– Брин, ради любви Мари, помолчи! – взмолилась Сара.

Рэйт спустился на две ступеньки. Толпа расступилась, давая ему дорогу.

– Откройте ворота! – крикнула Персефона и вернулась к Малькольму. – Он ведь сможет, правда?

– Думаю, мы скоро увидим...

– Они же боги! – вскричал Коннигер. – Люди не могут сражаться с богами!

Вместе со всеми Персефона смотрела, как Убийца Богов идет к воротам один.

– Лучше бы ты ошибался!

* * *

Рэйт не сводил глаз с ворот.

Смерть – худшее, что может с тобой случиться. Любимая поговорка отца. Он слышал ее много раз. Во время Долгой Зимы, когда мать проявляла недюжинную изобретательность в приготовлении пищи, даже она сама так говаривала: «Попробуй. Смерть – худшее, что может с тобой случиться». Для дьюрийца, живущего на выжженной каменистой равнине, засыпанной снегом, смерть не страшна. Так говорил отец. Пожалуй, оно и к лучшему. Рано или поздно умирают все, а в Дьюрии многие умирают молодыми.

Смерти Рэйт не боялся, но когда-нибудь он собирался жениться и стать лучшим родителем, чем был его отец. Он-то не провел бы всю жизнь в войнах, бросив семью на произвол судьбы.

Глупо было подходить к Далль-Рэну так близко. Если бы он держался края леса и пошел на юг, как задумал, то обогнул бы его и находился уже далеко. Остаться с Малькольмом было еще большей ошибкой. Он мог бы, то есть должен был, бросить его в той таверне. С младенцем путешествовать и то проще.

Самой худшей ошибкой было связываться с Персефой. И как это вдруг ее проблемы стали его проблемами?

Отец Рэйта не угодил бы в ловушку с такой легкостью. Он понимал, что нельзя позволять эмоциям туманить взгляд. Рэйт урока не усвоил, хотя слышал его не раз. Многие годы он пытался избегать ошибок отца, однако, как ни смешно, погибнуть ему суждено так же глупо, как и Херкимеру. Еще один дурной дьюриец падет от руки фрэя. Впрочем, нет, разница тут огромная – ведь он последний дьюриец.

Несмотря на приказ Коннигера, при приближении Рэйта мужчины у ворот подняли брус с крючков и отбросили в сторону. Открывать ворота они не стали, а бросились удирать, как кролики.

Рэйт оглянулся. Персефона стояла рядом с Малькольмом, вцепившись в его руку и шепча на ухо. Кивки бывшего раба и выражение его лица подтверждали то, что Рэйт и так знал – у него нет ни единого шанса.

Вздохнув, он толкнул ворота и покинул даль. Отряд фрэев приближался двумя стройными рядами. Рэйт ожидал увидеть копии Шегона, но эти фрэйи были другими.

Что ж, он не против разнообразия.

Желтые доспехи, сверкающие золотом в полуденных лучах. У многих светлые волосы, как у Шегона, и синие в складках капюшоны на сияющих плащах, только у этих фрэев продубленная на солнце кожа, тела крепкие и поджарые. Они не фрэйи, но и не люди.

Одного из них Рэйт смело мог бы назвать самым огромным существом из виденных им в жизни. Двенадцать футов или даже выше, лысый, черты лица свирепые. На великане была лишь кожаная юбка из полосок шкур, в руках гигантский меч. Другой, хотя и ходил на двух ногах, больше смахивал на зверя, чем на человека или фрэя. Блеклые желтые глазища казались слишком велики для его головы, передвигался он вприпрыжку на коротеньких ножках. Кожа темная и жесткая, уши остроконечные, причем гораздо длиннее и острее, чем у любого фрэя. Страшнее всего выглядела его пасть с рядами тонких, как иглы, зубов, которые едва в ней помещались. Они торчали под разными углами, и Рэйт задумался, как это существо умудряется есть, не разрывая себе губы в клочья.

– Какой же ты услужливый парень! Спасибо, что открыл нам дверь, – с улыбкой заметил ближайший фрэй.

Его светлые волосы были подстрижены короче, чем у Шегона, и острые уши виднелись во всей красе. В отличие от Шегона этот фрэй был широкоплеч и мускулист. Агрессивные небесно-голубые глаза следили за каждым движением Рэйта.

– Извини, но вам туда нельзя, – сказал Рэйт, стоя в центре прохода и понимая, как глупо это звучит.

Улыбка коротко стриженного фрэя превратилась в усмешку.

– Это еще почему?

Усмешка Рэйту не понравилась. Лицо фрэя выражало радостное нетерпение: он предвкушал потасовку.

– Потому что я так сказал. – Рэйт положил руку на меч Шегона, глаза фрэя проследили за ним и прищурились.

Прочие члены отряда подошли и остановились чуть позади первого фрэя, там, где обзор был лучше.

– И что тут у нас? – спросил другой фрэй. Не считая великана, он был самым высоким в отряде. Волосы его достигали плеч, бороду, как и все фрэйи, он не носил. – Комитет по встрече в лице одного?

– Наоборот, – ответил первый, – он утверждает, что мы не войдем.

– Это еще почему? Даже для рхуна как-то слишком грубо.

– И у него меч Шегона.

Это открытие привлекло всеобщее внимание. На лицах вспыхнуло удивление, сменившееся восторгом.

– Так вот он каков, знаменитый Убийца Богов, о котором мы столько слышали! – воскликнул высокий.

Как и у всех фрэев, у него были тонкие, красивые черты: безупречная кожа, ровные зубы и ярко-голубые глаза.

Весь отряд расслабился, фрэй приняли непринужденные позы, позабыв об оружии. Рэйт не знал, радоваться ему или расстраиваться. Наверно, они не собирались нападать. Или же, как и Шегон, понимали, что он для них не опасен.

– Скажи мне правду. Это ты убил Шегона? – спросил высокий.

– Да, – ответил Рэйт. – И так же поступлю с любым фрэем, который попытается войти в этот даль.

– Ну и ну! Разве не храбрец? – высокий фрэй шагнул ближе, и Рэйт понял, что они одного роста. Рэйт сверкнул взглядом, стараясь не моргнуть. – Значит, ты великий воин? Думаешь, можешь убить и меня?

Рэйт промолчал. Фрэй пытался его просчитать, а Рэйт этого не хотел.

– По всем дорогам о тебе рассказывают истории. Я немного разочарован. Признаться, я ожидал, что ты окажешься покруче, как и слухи про тебя.

Остальные рассмеялись.

– Знаешь, кто я? – высокий, длинноволосый фрэй вытянул руки ладонями вверх и медленно повернулся, давая Рэйту себя разглядеть. Солнце сверкало на его сияющих доспехах, ветер развеивал золотистые волосы. – Я Нифрон, сын Зефирона, глава Инстарья и капитан галантов, вот этих милых ребят. Они – элита инстарья, а поскольку нет воинов лучше фрэев, то эти галанты – лучшие из лучших.

– А поскольку ты их глава, надо думать, это делает тебя лучшим из лучших из лучших? – непринужденно уточнил Рэйт.

Он притворился, что ничуть не впечатлен, хотя это было непросто – фрэй явно сказал правду.

Нифрон покачал головой.

– Нет, вообще-то. – Он хлопнул по плечу коротко стриженного фрэя. – Лучше всех у нас Сэбек.

Фрэй из отряда недовольно заворчали.

– Ладно, ладно, каждый из нас – знаток в своей области. Но... – Он помолчал, подняв палец и глядя на остальных. – Сэбек – лучший воин по совокупности навыков. Кто-нибудь хочет с этим поспорить?

Сэбек ухмыльнулся. Никто не сказал ни слова.

Нифрон снова повернулся к Рэйту.

– Полагаю, убив одного из нас, ты чувствуешь себя особенным? Прежде, чем ты слишком много о себе возомнишь, взгляни-ка на свой меч. Видишь все эти изысканные завитушки и драгоценные камни на эфесе? Красиво, да? Асендвэйр снабжают нас пищей. Хотя они искусные следопыты и превосходно знают леса и поля, им ничего не известно о настоящей схватке. Этот меч просто для украшения. Красивая игрушка. Он получил ее в дар от поклонника. Его изготовил какой-нибудь идиот в Эстрамнадоне, который понятия не имеет, что такое битва.

Нифрон вытащил свой меч. Он сделал это нарочито медленно, чтобы никого не спровоцировать. Тем не менее, Рэйт отступил на шаг и крепче сжал рукоять своего меча.

– Это... – Фрэй показал свой клинок, – это Понтифекс, одно из имен ветра на нашем языке. Кривой клив, мастерски изготовлен по моему собственному рисунку. Простой, короткий и быстрый. Не так грозен, как более классические мечи-близнецы Сэбека, но видишь сам – точно не игрушка. Так скажи мне, рхун, неужели ты думаешь, что можешь меня убить?

– Я тебе не рхун. Я – человек!

Нифрон улыбнулся. Жизнерадостный взгляд беспокоил Рэйта куда больше, чем все, что происходило до сих пор. Он понятия не имел, что это значит.

– Давай посмотрим, что ты из себя представляешь. Ну же, доставай свой красивенький меч.

Нифрон подождал, пока Рэйт вынет клинок из ножен.

– И щит тоже надень. Нужно все сделать как положено.

Рэйт заподозрил неладное. Фрэй увидел его нерешительность и чуть отошел, давая противнику довольно места, чтобы спокойно вооружиться.

– Странный щит, – заметил Сэбек и бросил взгляд на Нифрона. – Разве у Шегона был маленький щит дхергов?

Нифрон пожал плечами.

– Кто его знает!

У лидера Галантов тоже был щит, который он и выхватил из-за спины в мгновение ока. Быстрота его не просто впечатляла – она казалась магией. Рэйт поневоле содрогнулся, хотя понимал, что именно на это Нифрон и рассчитывает.

Остальные фрэй отступили назад, и когда оба воина были готовы, Нифрон поклонился, коснувшись лба рукоятью меча. Рэйт ответил кивком.

Он ожидал той же смертоносной скорости, и Нифрон не разочаровал. Он был быстрее Шегона, но не особо. Если бы Рэиту не доводилось сталкиваться с фрэем прежде и видеть быстрые как молния удары меча, он пал бы в тот же миг. Однако на сей раз Рэйт был готов. Он доверился инстинкту и подставил под удар свой новый щит. Он понятия не имел, чего ожидать и обмер, когда раздался звон, щит выпал из его руки и упал на траву. Без крепежного ремня Рэйт не смог его удержать.

– Защита так себе, – пробормотал Сэбек. – Зато красивый.

Следующего удара ему не избежать. Рэйт решил действовать на опережение, на свою реакцию особо не полагаясь. Нифрон махнул мечом, пытаясь обезглавить противника. Будь Рэйт немного медлительней, голову он бы точно потерял. Его клинок встретился с клинком Нифрона, и Рэйт испугался, что меч не выдержит, как отцовский медный, однако при ударе меч Шегона – игрушка или нет – устоял.

Нифрон не стал медлить. Он взял неплохой разгон и продолжал напирать, замахиваясь снова и снова – сперва низко, потом выше. Рэйт отбил удары за миг до того, как они перерубили бы ему ногу и руку. Нанести ответный удар он не смог, потому что фрэй продолжал насаждать.

Он был быстр, невероятно быстр.

Братья Рэйта подобной скоростью не отличались. Эти скоты были большими и тяжелыми. Рэйт среди них был самым шустрым, чем и пользовался. Если им удавалось его поймать, то Рэйт бывал бит, поэтому он научился уворачиваться. В прошлом исход драки решала скорость. Скорость и устойчивость. Нифрон же превосходил Рэйта и в том, и в другом.

Рэйт слишком сильно отклонился назад и упал, держась за жизнь лишь кончиками пальцев: он едва успел подставить свой меч под сокрушительные удары Нифрона. Звон клинков не смолкал.

Поражение казалось неизбежным. Стоило Рэиту допустить промах, и все было бы кончено.

Клинок фрэя сверкнул в ослепительном развороте, и Рэйт отбил его в сторону. Однако приложил слишком большое усилие и потерял драгоценное время, пытаясь восстановить равновесие. Следующий удар он явно пропустил бы.

Позади Рэйта раздался испуганный возглас. Не он один понял, что случится дальше. Рэйт скрипнул зубами в ожидании смертоносного удара.

Чудесным образом Нифрон промедлил. Фрэй поднял голову, отвлекшись на что-то возле ворот далля. На что-то позади Рэйта. Он отвлекся всего на миг, но этого хватило. Зная, что атаку Нифрона ему не отбить, Рэйт не стал и пытаться. Вместо этого он рискнул. Рэйт пошел в наступление впервые с начала поединка. Он пригнулся, а не отскочил вбок. Противники обменяются ударами, кровь за кровь.

Могло и получиться, и тут фрэй поднял щит – тоже впервые за поединок.

Едва завершив удар, Рэйт взмахнул мечом снова. Теперь превосходство было на его стороне, и он не собирался его отдавать. Крутанувшись, Рэйт рубанул снизу вверх. Нифрону пришлось уворачиваться. Рэйт продолжал наседавать, зная: если он позволит фрэю восстановить самообладание, тот возобновит атаку. Рэйт насккивал на противника, отчаянно пытаясь ослабить руку Нифрона.

Лоб фрэя покрылся испариной, сверкавшие прежде глаза потускнели. Вспомнив тактику своих братьев, Рэйт придвинулся ближе, чтобы помешать фрэю отклоняться от его атак. Едва представилась возможность, Рэйт наступил противнику на ногу. На лице Нифрона вспыхнуло удивление, Рэйт воспользовался моментом и хорошенько ударил его в челюсть рукояткой меча Шегона.

Потрясенный галант отшатнулся и потерял равновесие. С подбородка текла кровь, щит он опустил. Увидев свой единственный шанс на победу, Рэйт замахнулся и... Дзинь!

Атаку Рэйта отразили. Второй удар пришелся в эфес меча Шегона, пальцы Рэйта разжались, и меч упал на землю.

Перед ним стоял Сэбек, в каждой руке держа по кривому мечу, в глазах – ярость. Мощный, уверенный, сильный. Несмотря на заверения Малькольма, Рэйт верил, что перед ним – настоящий бог. Он подождал, но Сэбек не двинулся с места. Он просто стоял, наступив на меч Шегона.

Нифрон согнулся пополам, пытаясь восстановить дыхание, утер кровь и пот. Рэйт тоже никак не мог отдышаться. Он сделал шаг назад и достал отцовский охотничий нож. Защита так себе, хотя и получше, чем сломанный меч Херкимера.

«До чего удачно, что я умру с тем же самым ножом в руках. Боги настроены лирично как никогда».

Нифрон махнул рукой.

– Мы закончили.

Что значит – закончили? Теперь они его убьют?

Рэйт был не против перерыва, отдых бы ему не помешал. Давно пора прочистить глаза и наконец отдышаться. Ожидая, что будет дальше, Рэйт оглянулся в поисках того, что отвлекло Нифрона. В открытых воротах стояли Персефона и Малькольм, глядя на него во все глаза. Персефона прикрывала рот руками. Малькольм выглядел не менее напуганным, однако смог одобрительно улыбнуться.

– Где ты научился так драться? – спросил Нифрон.

– У отца.

– У отца? – Нифрон бросил взгляд на Сэбека. – Ты видел?

Сэбек кивнул.

– Трудно было не заметить.

– Отец участвовал в компаниях Высокого Копья, – пояснил Рэйт. – Его учил твой народ.

– Его учил вовсе не мой народ, – сказал Нифрон. – Его учил мой отец. Это его техника.

Рэйт не знал, что на это ответить. Он решил, что лучше всего будет промолчать, и продолжил дышать. Что бы там ни последовало дальше, воздух ему точно понадобится.

– Почему ты это сделал? – спросил Нифрон, сплюнув кровью. – Почему ты убил Шегона? Для забавы? Хотел убедиться, что сможешь? Или испытывал свое мастерство?

Рэйт покачал головой.

– Я думал, ты слышал, что говорят. Он убил моего отца.

– Неужели? – удивился Нифрон.

– Убил прямо на моих глазах.

Нифрон пристально посмотрел на Рэйта, и долгое время все молчали и не двигались. Потом фрэй кивнул, будто что-то для себя уяснил.

– Дело в том, что Шегон был бридиит эйн мер.

– Мне доводилось это слышать, – кивнул Рэйт.

– Если бы не запрет, я убил бы его сотни лет назад. – Нифрон рассеянно провел рукой по длинным волосам и посмотрел на клинок под ногой Сэбека. – Верни меч. Он его заслужил.

– Значит, все по новой? – спросил Рэйт.

– Нет. – Нифрон поднял руку, другой убирая свой клинок в ножны. – Я выяснил то, что хотел узнать.

– И что же?

– Может.

– Ты о чем?

– Рхун может убить фрэя.

– Рад был помочь.

– Теперь мы можем войти? – спросил Нифрон.

– Увы. – Рэйт покачал головой.

– Не очень-то любезно с твоей стороны.

– А с твоей – убивать тысячи людей и сжигать Дьюрию с Нэдаком.

Нифрон кивнул.

– Верно подмечено. Изменится ли что-нибудь, если я скажу, что мы, – он обвел рукой свой отряд, – не имеем к этому никакого отношения? По правде говоря, мы – вне закона, мятежники... Потому что отказались принимать участие в той карательной вылазке. Мы пошли против приказа нашего правителя и отказались безжалостно убивать беззащитных рхунов. Мы в бегах, как и ты, причем преследователи у нас одни и те же. Если предложили кров тебе, то нельзя ли и нам его получить?

Рэйт был ошеломлен. Он ожидал, что разговор повернется иначе.

– Я... Э-э, это не мне решать.

Он снова обернулся к Персефоне. Она захлопала глазами, потом кивнула.

– Похоже, госпожа не против, – сказал Рэйт. – Добро пожаловать в Далль-Рэн.

– Чудно! – Нифрон улыбнулся. – Где Маккус?

– Маккус?

– Он же здесь вождь?

На этот раз заговорила Персефона, стоявшая под прикрытием ворот.

– Вождь Маккус был... Дело в том, что он умер. Кажется, лет семьдесят тому как. Он был пра-пра-прадедом моего мужа.

– Вот как, – вздохнул Нифрон. – Ну, а то чудное вино у вас осталось? Бледно-красное, с привкусом орехов? Я нахваливал его бойцам всю дорогу.

– Когда-то у нас был виноградник, на склоне хребта, – вспомнила Персефона. – Но мы потеряли его в засуху много десятилетий назад.

Нифрон насупился.

– Хоть что-нибудь тут осталось?

– Нужда, – ответила Персефона. – Ее у нас всегда в избытке.

Бог посмотрел прямо на нее. Их взгляды встретились, он улыбнулся и кивнул.

– Ну, хотя бы это у вас есть.

Глава 11

Наставница

«У рхулин-рхунов было семь кланов, у гула-рхунов – три. Каждым кланом правил свой возждь. В случае необходимости кланы объединялись и выбирали единого возжда, которого мы называли кинигом, позже от него произошло слово король. У фрэев не было ни кланов, ни возждей. Ими правил один фрэй, которого называли фэйном».
«Книга Брин»

Три камешка упали на мраморный пол. Один покатился к Арион, она подняла гладкий голыш размером с яйцо и протянула Мовиндюле. Сын фэйна вел себя так, будто камешек весил целую тонну – каждое движение свидетельствовало о неимоверных усилиях. Он даже дышал с трудом, вздыхая так, словно ему не хватает воздуха. Юноша стоял с хмурым видом, склонив голову и сгорбившись так сильно, что рукава его ассики соскользнули вниз и прикрыли кисти.

- Не могу.
- Попробуй еще раз, – настаивала Арион.
- Не хочу.

Приемную дворца Арион выбрала из-за высокого потолка. Она выгнала слуг, чтобы им никто не мешал заниматься, и именно здесь, у подножья главной лестницы, между роскошными фресками, гобеленами, полированным камнем и вазами с цветами они сошлись в поединке характеров.

– Меня это не волнует. Делай! – Арион сложила руки на груди, желая прекратить спор, однако перед ней стоял не обычный ученик. Мовиндюле был принцем, двадцатипятилетним сыном фэйна Лотиана, и всю свою жизнь он провел в уединении дворца Тэлвара. Окруженный слугами и льстецами принц обладал явно завышенной самооценкой.

Он посмотрел на Арион с вызовом, в глазах сверкнула ярость.

Мало кто рискнул бы давать отпор сыну единственного фрэя, которому бог Феррол пожаловал силу убивать или приговаривать к смерти себе подобных. Однако мягкость не поможет ни Мовиндюле, ни будущему его народа. Проведя с принцем некоторое время, Арион поняла: фэйн Фенелия хотела, чтобы она обучала ее внука не только Искусству. Именно этим она и занималась сейчас.

«Может, ты и принц, – думала Арион, – только я прожила на свете больше двух тысячелетий. Угадай, какой из двух колодцев глубже?»

Если она хочет его чему-нибудь научить, сперва придется заставить себя уважать. Насколько Арион знала, единственным, кого Мовиндюле хоть немного уважал, кроме своего отца, был Первый министр Гриндал. Неудивительно, ведь Гриндал – живая легенда, обожаемая почти всеми миралиитами.

Отступать Арион не собиралась. Она стояла со сложенными на груди руками и смотрела прямо в глаза Мовиндюле. Через несколько минут гнев принца сменился недоумением. Вряд ли слуги, прислуживавшие ему с рождения, отваживались встречаться с ним взглядом...

Сегодня они виделись в третий раз, шел второй урок, и принц проверял границы дозволенного. Века медитаций и тренировки не прошли даром. Арион даже не мигнула. Принц пытался подражать ее твердости. По крайней мере, упрямства ему не занимать. Это хорошо. Говорит о силе характера. С таким материалом можно работать.

В тишине их безмолвной войны Арион слышала шорох листьев и пение птиц, доносившиеся в открытое окно вместе с приятным весенним ветерком. В глубине дворца раздавалась

приглушенная музыка эстраднадонского хора, репетирующего представление для фэйна. Она приготовилась к длительной схватке и сосредоточилась на дыхании, ровно отмеряя каждый вдох и выдох. Едва Арион обрела спокойствие, как взгляд Мовиндюле дрогнул.

Принц вздохнул и с угрюмым видом поднял камни – два одной рукой, один другой. Он подбросил первый камешек, но переусердствовал. Арион порадовалась, что настояла на занятиях под высокими сводами. Мовиндюле подкинул второй камень. Быстро, слишком быстро. Высота и расчет времени никуда не годились. Неужели он и правда настолько бездарен или же изображает бездарность ей назло?

Камни рухнули вниз, словно метательные снаряды, и Мовиндюле счел за лучшее вернуться. Арион ничуть его не винила. Падающие с такой высоты предметы ловить больно.

Камни снова с громким стуком упали на пол.

– Видишь! – крикнул Мовиндюле, подбоченившись.

Он сжал губы так плотно, что они побелели.

– Да-да, я вижу. Ты доказал, что я не права. Чудесно. А теперь пожонглируй камнями, и я буду тебе еще больше признательна.

– Это глупо, и я не понимаю, при чем здесь Искусство! – Он принялся напевать с закрытым ртом, с натугой щелкнул пальцами, и камешки взлетели, завертевшись по кругу. – Зачем использовать руки, если я могу сделать так с помощью Искусства? Твои уроки – полная чушь!

– Да, ты умный мальчик, только сегодняшний урок не в этом, – сказала Арион.

Наставница взяла со столика бокал. В ожидании принца она с удовольствием угощалась легкой, изысканной амброзией. Бокал был пуст, не считая красной капли на дне.

– Лови! – приказала она и бросила его Мовиндюле.

– Что? – в глазах принца вспыхнула паника.

Он потянулся к бокалу рукой, которой управлял камешками, и хрусталь сорвался с кончиков пальцев. Он попытался схватить его другой рукой, почти поймал, но бокал выскользнул, как и камни. Все упало на мраморный пол. Раздался грохот и звон.

– Хм, – задумчиво сказала Арион, постукивая пальцем по верхней губе. – Видимо, что-то пошло не так.

– Еще бы, ты швырнула в меня бокал!

– Представь на его месте нож, дротик или огненный шар. А вместо камней пусть будут людские жизни. – Она оглядела беспорядок под ногами. – Наверно, если бы ты научился сосредоточивать внимание сразу на нескольких предметах одновременно, они бы остались живы.

– Арион! – воскликнул мальчик, поглядев вниз. – Это же не люди, а камни!

– Тебе повезло. Или надо было сказать, что повезло им? Теперь подними этих мертвых бедняг и попробуй снова.

– А как же бокал?..

Арион кашлянула, и восемь больших осколков, семнадцать фрагментов поменьше и две тысячи триста семьдесят четыре мелкие хрустальные пылинки подскочили и стали целым бокалом, стоявшим на столе как прежде. Даже красная капля внутри была на месте.

– Ого! – Мовиндюле устоял на бокал. – Как ты это сделала?

– Сосредоточила свое внимание, в то время как некоторые учили меня, ничуть не сомневаясь в собственной правоте.

Принц задумался. Его взгляд метался между бокалом и камнями, пока он потирал щетину. Как и все миралииты, Мовиндюле брил голову наголо, однако прошло уже несколько дней, и на ней пробивались темные волосы. Арион не понимала, как он мог такое допустить. Она и двух дней не обходилась без бритвы, иначе не чувствовала себя опрятной.

Пока Мовиндюле поднимал камни, двери парадного входа распахнулись и громко стукнули о стены. Арион не глядя поняла, кто пришел. Отвращение Гриндала к дверям граничило с манией. Он избегал касаться почти любых предметов, предпочитая отрачивать ногти

настолько длинные, что они чуть ли не закручивались. Двери он открывал с помощью Искусства и всегда слишком усердствовал. Чрезмерное усилие вовсе не свидетельствовало об отсутствии опыта или потере контроля, это был лишь один из его закидонов. Проблема с дверями принадлежала к числу наименее странных из них.

Шагая через приемную, Гриндал не соизволил даже взглянуть в их сторону. Его сопровождал звон тонких цепочек, продетых сквозь проколы в ушах, щеках и носу. За ним вился длинный золотой плащ. Арион закатила глаза. Гриндал использовал Искусство для создания ветерка, колыхавшего полы его мантии. Еще одно заклинание он использовал для того, чтобы сделать цвет одежд более насыщенным – гораздо ярче, чем любой краситель. Реакция Мовиндьюле была совсем иной. Он уставился на Первого министра широко распахнутыми глазами.

Проносясь мимо, Гриндал рывкнул, не сбавляя хода:

– За мной!

– Как думаешь, он имел в виду тебя или меня? – спросил Мовиндьюле у Арион, не в силах сдержать волнения.

– Пожалуй, нам следует это выяснить. Пошли. Все равно теперь ты вряд ли сможешь сосредоточиться.

Мальчик бросился за Первым министром, следовавшим в тронную залу. Арион нагнулась, подобрала камни и положила их в сумку. Хотя камешки были самые обычные, на них когда-то училась она сама. Арион почти не хранила памятных сувениров, однако этими очень дорожила. Она надеялась, что старые камни помогут принцу испытать то же ощущение чуда, которое вызывали у нее. Впрочем, пока ее надеждам не суждено было сбыться...

Выпрямившись, она обнаружила, что Мовиндьюле уже убежал. Арион вздохнула. Конкурировать с Гриндалом нелегко. Он был неизменным победителем ежегодного Грэнтейского Турнира Искусств и кумиром почти всех миралиитов поголовно. Арион относилась к меньшинству, ей не было до него никакого дела. Хотя Фенелия хранила молчание, Арион подозревала, что старая фэйн разделяла ее мнение.

Интересно, что бы она сказала о Трилосе?

Кто он или что оставалось загадкой. Со времени той встречи Арион его не видела, и хотя она расспрашивала всех и вся, о нем не слышал никто. Неудачные попытки разоблачить незнакомца довели до того, что она стала сомневаться в его существовании...

* * *

Арион догнала их около тронного зала. Распахнуть эти двери не отважился даже Гриндал, но ее удивило другое: они ее подождали.

– Ваше безупречное великолепие, у меня новости, – сказал Гриндал дверям, и они тут же открылись.

Гриндал вошел, плащ вился, словно хвост у кота, который боится, что его вот-вот поймают. Арион и Мовиндьюле последовали за Первым министром.

В тронном зале стоял только трон. Помещение было огромным, потому что Лесной Трон составляли шесть невероятно старых и переплетенных между собой деревьев разных видов, каждое из которых представляло один из шести изначальных родов фрээв. Пол образовывали сплетенные корни, потолок – непролазная крона из ветвей и листьев. Трон фэйна возник раньше всего, кроме Двери. Он был второй самой старой реликвией фрээв в Эриане, да, пожалуй, и во всем мире. Зала и дворец появились позже.

– Ваше величество, из Алон-Риста прилетела птица, новость про Нифрона и его галантов подтвердилась, – сказал Гриндал. Он и Мовиндьюле стояли у подножия трона, с которого им внимал фэйн Лотиан. – Они и в самом деле отказались повиноваться вашему указу и напали на Петрагара перед тем, как бежать в глухомань Рхулина.

– Как там Петрагар? Они его убили? – спросил фэйн.

Верховный правитель фрэев, назначенный свыше голос Феррола, сидел, свесив ногу с подлокотника величественного трона, и рассеянно наигрывал на семиструнной велоре. Большой зал не предназначался для музыки, и мелодичные аккорды терялись, превращаясь в слабые, тоскливые звуки. На фэйне Лотиане были зеленые одежды и знакомый венок из золотых листьев, украшавший голову Фенелии столько, сколько Арион себя помнил. Увидев венок на лысой голове, она признала, что насчет красоты волос Фенелия была права.

– Нет, – доложил Гриндал. – Петрагар жив, хотя и серьезно пострадал.

– И где они теперь?

– Неизвестно. Вряд ли они вернутся в Алон-Рист. Я имею в виду, по своей воле. Их нужно привлечь к ответственности!

Лотиан вздохнул.

– Я не хотел, чтобы так вышло...

– Прошу прощения, мой фэйн, но я в недоумении, – проговорила Арион. – О чем именно идет речь?

– Пограничной заставой в Алон-Ристе командовал Нифрон, сын Зефирона.

– Сын Зефирона? Того самого инстарья, который вызвал вас на поединок за трон?

Лотиан кивнул.

– Я сомневался, что его сын будет мне абсолютно предан, поэтому заменил Петрагаром. Нифрон воспринял его назначение хуже, чем я предполагал.

– Более того, избив нового командующего в кровь, он сбежал, – добавил Гриндал.

– Ужасно! – воскликнула Арион. – Понятия не имела, что положение на границе настолько чудовищное.

– Об этом мало кто знает, – признался Гриндал. – Пускай так и остается. За долгие века службы на границе и жизни среди дикарей некоторые инстарья стали отступниками. Они одичали и забыли о дисциплине, а галанты – худший тому пример. Они теперь больше рхуны, чем фрэйи.

Арион нахмурилась, заметив, что Мовиндьюле стоит с сомкнутыми за спиной руками, копируя позу Гриндала.

– Грубые дикари! – Обычно голос Гриндала звучал так, что и пожелание доброго утра воспринималось как смертный приговор, но сейчас он превзошел сам себя.

Судя по всему, Первый министр считал себя воплощением культуры. Подведенные черным глаза, лицо проколото в полудюжине мест и безудержная страсть к золотым украшениям – вот и все его попытки продемонстрировать свою цивилизованность. Несмотря на педантичное отношение к своей внешности, истинным его пристрастием было Искусство. Фенелия предостерегала от искушения, которое оно несет. Могущество способно вскружить голову, и ты будешь слышать лишь то, что хочешь услышать. Легче поверить в диковинную ложь, подтверждающую твои подозрения, чем в очевидную правду, которая их опровергает, говорила старая фэйн.

– На подобное неповиновение опасно смотреть сквозь пальцы, мой фэйн. Я настаиваю на наказании! – заявил Гриндал.

Лотиан задумался и покачал головой.

– Не согласен. Петрагара они всего лишь побили, а не убили. Вот если бы они пересекли эту черту...

– Пока не пересекли... Неужели вы готовы пойти на риск?

– Хотя я и фэйн, мне нужно надлежащее обоснование. Закон Феррола дает мне силу, однако я обязан применять ее разумно.

Гриндал разъярился как никогда. Впрочем, за кольцами и цепочками выражение его лица читалось с трудом. Арион предположила, что по зарослям Сада ему приходится пробираться

особенно осторожно, чтобы не зацепиться за ветви. Может, в этом все и дело. Так он показывает, что стоит выше любых земных забот. При такой длине ногтей он вряд ли смог бы жонглировать ее камешками или – она улыбнулась – открывать двери.

– Закон Феррола создан для обычных фрэев, не для миралиитов, – объявил Гриндал. – Искусство вознесло нас над прочими, и мы не обязаны подчиняться закону бога, поскольку и сами стали богами.

Мовиндьюле кивнул, в глазах его светились удивление и восхищение. Он будет следующим фэйном, и именно Арион обязана проследить за тем, чтобы принц стал хорошим правителем.

Она шагнула вперед.

– Какая прелесть! Я и не знала, что мы обрели божественность! Когда именно это произошло?

Ее тон застал их врасплох.

– Раз уж мы теперь тоже боги, – продолжила она, – скажите мне, когда братец Феррол пригласит нас на чай? Моя мать с удовольствием разжила бы его рецептом овощного супчика. Что касается меня, то мне не помешала бы пара советов о том, как создать собственную расу людей, а то почему-то у меня пока не выходит.

Цепочки Гриндала звякнули, он повернулся к Арион и ожег ее таким яростным взглядом, что она приготовилась создать магический щит. Первому министру случалось злоупотреблять своей силой. Некоторые обвиняли Гриндала в чрезмерной жестокости на турнирах, другие рассказывали, что он использует Искусство во время романтических встреч. Одна из его бывших любовниц заявила, что их свидание закончилось ее смертью и воскрешением, что доказывало: не всем слухам стоит верить. И все же Арион довелось видеть, как Гриндал мучил фрэя, простого крестьянина из сословия гвидрай. Похоже, делал он это забавы ради, желая узнать, насколько далеко можно зайти, не убивая жертву. Весьма похоже на то, как держишь руку над пламенем, испытывая себя.

– Гриндал имел в виду другое... – сказал Лотиан. Судя по беззаботному взмаху руки, фэйн не подозревал, что Первый министр едва не лопается от злости. – Но он приводит убедительный довод. Миралииты стали на голову выше прочих фрэев. Думать иначе – глупо и старомодно. Может, мы и не боги, однако по сравнению с другими фрэями...

– Тогда мы должны быть богами милосердными, – заметила Арион. – И относиться к другим так, как хотим, чтобы Феррол обращался с нами.

– Именно, – кивнул Лотиан. – У нас есть ответственность перед фрэями, а инстарья превратились в чудовищ, которых взрастили мы сами. Они хотят вернуться. Ты не знала?

– Вы не можете этого позволить! – заявил Гриндал, с неохотой отворачиваясь от Арион. – Надеяться войти в общество фрэев они вправе не больше, чем рхуны. Они же подорвут самые его основы!

Арион заметила, что Первый министр говорит о фрэях так, будто сам к ним уже не принадлежит.

– Ладно тебе, Гриндал. Все не так уж мрачно, – сказал фэйн. – Рхуны – поганые, отвратительные существа, обитающие в самодельных хижинах среди грязи и камней. Они валяются в собственных испражнениях.

– Ты их видел? – взволнованно спросил Мовиндьюле. – Неужели ты пересекал реку Нидвальден?

– Было дело. Много веков назад.

– Вы покидали Эриан? – удивилась Арион. – Зачем же?

– Мать настояла. Во время войны с дхергами она велела мне увидеть все своими глазами.

– И ты видел рхуна? – снова спросил Мовиндьюле.

Фэйн усмехнулся.

– И не одного. Рхуны размножаются с удивительной скоростью. Каждая самка способна принести целый выводок. Некоторые рожают не меньше двенадцати, а то и четырнадцати отпрысков.

– Четырнадцать?! – воскликнула ошеломленная Арион.

– Да, но не за один раз... По крайней мере, я так думаю, – пояснил Лотиан. – Впрочем, известно, что они приносят по два-три детеныша за раз или даже больше.

– Наверно, их тысячи, – предположила Арион.

– Десятки тысяч, – поправил Лотиан. – Мы и сами точно не знаем, сколько именно.

– Они опасны? – спросил Мовиндюле.

– Не опаснее других животных, – ответил Лотиан. – Вообще-то медведь или большая кошка куда хуже. Рхуны боятся нас до ужаса. При нашем приближении они разбегаются во все стороны.

– Тут вы правы, мой фэйн, – заверил Гриндал. – Мне не следовало смешивать инстарья с рхунами, но это ничуть не меняет того, что сотни лет, проведенные среди дикарей, сделали инстарья негодными для общества фрээв. Именно поэтому я не считаю, что инстарья в Алон-Ристе способны разобраться с Нифроном и его галантами.

– Значит, ты не уверен в Петрагаре? – спросил фэйн.

Гриндал посмотрел на Лотиана так, словно тот неудачно пошутил.

– Нифрон опасен, мой фэйн, и он один из лучших ваших воинов. Думаю, разумнее послать миралиита. Инстарья глубоко уважают Нифрона и его галантов. Чем дольше они избегают правосудия, тем больше риск того, что они устроят мятеж, как было с Зефиром.

– Но ведь то был не мятеж! – вмешалась Арион. – Зефирон действовал по закону и попросил у Аквилы дозволения протрубить в Рог Гилиндоры и сразиться с вами за трон.

– Это было по закону, – заверил Лотиан. – Однако выявило определенный настрой, склонность к неподчинению власти миралиитов, чего я не потерплю!

– Поеду я! – воскликнул Мовиндюле, поглядывая то на отца, то на Гриндала. – Я при-тащу вам этого Нифрона на поводке!

– Граница – не место для ребенка, – заявил Лотиан.

– Я не ребенок!

Все за исключением принца дружно улыбнулись.

– Кстати, поэтому я и пригласил на нашу встречу Арион. Думаю, следует поручить именно ей усмирить этот простенький мятеж, – сказал Гриндал.

Арион изумилась и совсем не обрадовалась.

– У меня свои обязанности. Мне нужно продолжать занятия с Мовиндюле. К сожалению, он сильно отстаёт.

– Я могу тебя подменить, – предложил Гриндал.

Восторг на лице Мовиндюле было трудно не заметить.

– К тому же, как наставница будущего фэйна, ты не станешь спорить, что возможность переправиться через Нидвальден и повидать мир расширит твои горизонты и поспособствует лучшему обучению принца.

Хороший аргумент. Даже слишком. Отвечать не было нужды.

– Вряд ли это займет много времени, – заверил Гриндал, упреждая ее возражения. – Особенно у такой, как ты.

– Не вижу причин, почему я гоюсь больше любого другого миралиита, – заявила Арион.

– Не скромничай. Разве не тебя великая Фенелия выбрала в качестве наставницы для Мовиндюле? И разве не тебе даровала она почетное прозвище Цензлиор? Наверняка ты обладаешь талантами, столь ее поразившими. Иначе почему она предпочла тебя, а не меня? Вот и шанс продемонстрировать свои навыки.

«Он пытается устранить меня с дороги».

Арион не знала, сколько времени Гриндал планировал свой маневр. Ее беспокоило замечание о том, что Фенелия предпочла именно ее. Раньше Гриндал не проявлял к обучению принца ни малейшего интереса, но это вовсе не значит, что Первый министр не вынашивал обиду. Арион понимала, что предложение следует отклонить, однако Лотиан с улыбкой кивнул ей. Решение уже принято, и ее мнение никого не интересует...

Глава 12

Боги среди нас

«Хотя дни юности до сих пор представляются мне теплыми и солнечными, сейчас я понимаю, что до прихода богов жизнь в далле была однообразной и скучной. Потом все изменилось».

«Книга Брин»

– Что они делают сейчас? – спросила Мойя у Брин, глядевшей в открытую дверь хижины. – Где они?

– Все там же, перед крыльцом чертога. Устраивают лагерь, готовят постели на ночь. Знаешь, я вижу всего восьмерых. Один куда-то подевался.

Все расположились в домике Роан. Он был ничуть не меньше жилища Сары, но казался тесным из-за хлама, его загромождали груды рогов, веревки, ветки, камни, ящики, бивни, кости, палки, сушеные травы и пустой улей. Вернувшись из леса, Персефона не решилась и дальше злоупотреблять радушием Сары. Ее муж Дэлвин был вовсе не в восторге от перспективы превращения одного гостя в пятерых. Вдобавок один из них был дыюрийцем, другой волком, третий мистиком, четвертый бывшим рабом из Алон-Риста, а Персефона обвинялась в убийстве. В то же время Роан и Мойя приютили их с радостью. Роан даже помчалась за Падерой и позвала ее помогать с ужином. Роан впервые принимала гостей и понятия не имела, что в таких случаях делать. Ей хотелось, чтобы все было как надо.

– Наверно, девятый где-нибудь на стене, – предположил Малькольм. – Галанты – боевой отряд, поэтому всегда выставляют часовых.

– Боги готовят постели? – не поверила Мойя.

– Да, – ответила Брин, бывшая их глазами и ушами. – Один занимается костром. Двое других точат оружие.

– Разве боги спят? – удивилась Мойя.

– Они не боги, – сказал Малькольм. – Вообще-то, они не сильно от нас отличаются. Некоторые считают, что фрэй, дхерги и рхуны сродни.

– Произошли от общего предка? – спросила Персефона.

– Да.

Сидевший на полу позади Малькольма, Сури, Минны и козлиного черепа Рэйт мрачно фыркнул:

– Нет у нас ничего общего!

Малькольм ухмыльнулся.

– Ты куда более умудрен жизнью, чем я думал. Ты довольно их повстречал, так ведь?

Рэйт насупился и поднял череп козла, чтобы освободить еще немного места на полу.

– Я встречала, – сказала Персефона. – И хотя насчет общего предка ты, может, и преувеличиваешь, я понимаю, о чем ты. Схожего у нас много.

Персефона сидела в сетке, подвешенной к основной балке. Всяких кресел, как называла их Роан, было несколько. Она любила мастерить необычные вещи, и весь дом помимо забитого хламом беличьего гнезда напоминал еще и выставку дикувинок.

Дом строил Ивер-резчик, который вдобавок приторговывал всякой мелочевкой. В результате в жилище постоянно хранились всевозможные безделушки. Роан была его рабыней с рождения, и выросла среди этого хлама. Зимой Ивер умер, и теперь Роан пыталась научиться жить как свободная женщина. Через несколько недель к ней переселилась Мойя. Учитывая ее легкий характер, все надеялись, что она хорошо повлияет на бывшую рабыню, и Роан понемногу стала отходить. Однако изменения в лучшую сторону на дом пока не распространялись.

Как выяснилось, ни Роан, ни Мойю нельзя было назвать чистюлями. Свободное место имелось лишь на полу.

– Чем же мы сходны? – спросил Рэйт.

Персефона пожала плечами.

– Ну, мы спим. Не думаю, что боги нуждаются в отдыхе.

– Кролики тоже спят.

– Да, но кролики не носят одежду, не разговаривают и не используют орудия труда.

Мойя согласно кивнула. Она тоже сидела в висячем кресле и обеими руками держала чашку – маленький глиняный шедевр Гиффорда. Его изящная посуда высоко ценилась всеми жителями далля.

– Брин, как насчет Коннигера? Из чертога никто не выходил?

– Обе двери закрыты, – привычно отрапортовала Брин.

– Пойду-ка я схожу туда, – объявила Персефона.

– Зачем? – одновременно воскликнули Мойя с Рэйтом.

– Нужно рассказать Коннигеру, что происходит. Он вождь и должен знать. Представляю, что он подумал, обнаружив у порога девятерых фрээв.

– Семерых, – поправила Брин. – Семь фрээв, один великан и... Не знаю, что это за существо.

– Кто девятый? – спросил Рэйт у Малькольма. – Ты знаешь?

– Гоблин, – ответила Падера.

Старая жена пахаря проворно ворочала угли в очаге. Она кипятила воду в висящем над огнем кожаном мешке и показывала Роан, как запекать хлеб, обернув его в мокрые листья.

– Гоблин? – Мойя подалась вперед, опасно перевесившись в сетке и пытаясь выглянуть за дверь, которую придерживала Брин. – Как ты умудряешься видеть своими старыми, усталыми гляделками?

Персефоне тоже хотелось бы это знать. Глаза старухи буквально терялись в складках кожи и морщинах, лицо смахивало на смятую дыню. Когда Падера говорила, один глаз – всегда один – распахивался и пристально смотрел, второй крепко сжимался, будто она прицеливалась.

Старуха обратила внимание на Мойю:

– Мои старые гляделки до сих пор способны вдеть нитку в иголку быстрее, чем ты объяснишь, почему ты там висишь и трясешь своими персями перед двумя мужчинами!

Мойя насупилась и села обратно.

– Не думаю, что тебе следует подходить к чертогу, – сказал Рэйт Персефоне. – Пока не появились фрэй, ваш вождь был настроен против тебя. Да и потом он не казался таким уж счастливым.

– Коннигер вовсе не проблема, – заявила Персефона. – Хэгнер лжет!

– Может и так, – кивнула Мойя. – Только если Коннигеру хочется знать, что тут происходит, пускай выйдет и поговорит с фрэями сам.

– Дело не в Коннигере и не в том, как ему следует или не следует поступать, – ответила Персефона. – Ради блага далля вождь должен знать, что происходит!

Роан принесла еще одну чашечку Гиффорда и подала чай Персефоне.

– Спасибо, Роан.

Роан молча кивнула и отправилась сквозь завалы туда, где Падера занималась костром.

– Лучше бы фрэй приняли твое предложение и остановились в чертоге, – озорно усмехнулась Мойя над чашкой чая. – Ты только представь: Коннигеру придется вернуться обратно в семейный дом! Своих родичей он терпеть не может. Тресса перед всем даллем похвалялась, как рада выбраться из теснотищи. Расположившись в чертоге, Тресса обозвала Осень и ее мужа свиньями и сказала, что понятия не имеет, как умудрялась жить там раньше.

– Он тебе настолько противен? – спросила Персефона.

– Какую часть фразы «Коннигер заставляет меня выйти замуж за Обрубка» ты не поняла?
– Самое время выйти замуж и не прельщать всех мужчин подряд отсюда и до Синего моря, – прошамкала Падера беззубым ртом. – Из-за таких женщин, как ты, начинались войны. Моя насупилась.

– Хватит нести ахинею, старуха!

– Брин? – окликнула Падера.

Брин с трудом оторвала взгляд от происходящего за дверью.

– Из-за Августы Мэлен, дочери вождя Эйсола, началась Битва у Красной реки. Она отказалась выйти за Тео Уоррика. Когда отец Тео погиб в схватке, тот поклялся отомстить и призвал под свое знамя весь клан Уоррика. В результате случилась Десятилетняя война, забравшая жизни тысячи мужчин, и голод, продлившийся два года.

– Вот видишь, – сказала Падера и отдала Роан цыпленка, которого принесла. – Общипай.

– Увы, тут я согласна с Мойей. – Персефона встала, и сетка закачалась. – Коннигер заставляет ее выйти замуж за человека, который пытался меня убить.

– Зачем? – спросила Падера, уставившись на нее одним глазом.

– Если бы я только знала! – воскликнула Персефона. – Другими мы не были, однако я и понятия не имела, что у него ко мне неприязнь. До вчерашнего дня между нами не было никаких трений.

Роан стояла рядом с Падерой и пыталась дергать перья из цыпленка, которого держала за ноги. Старуха вздохнула. Она забрала птицу и сунула в емкость с закипевшей водой. Падера энергично макала ее и вынимала, ждала пару секунд и снова погружала в кипяток. Прodelав это несколько раз, она выдернула перо из хвоста и улыбнулась.

– Ну вот, – довольно сказала Падера. – Попробуй-ка теперь.

Роан дернула за перо, и оно вышло без усилий.

– Ты умница! – всплеснула руками Роан.

Падера усмехнулась, точнее, ее беззубый рот растянулся еще шире.

– Сама ты умница. Я просто стара. Вырастив шестерых детей, мужа, дюжину коров, свиней, овец и бог знает сколько цыплят, кое-чему непременно научишься. Запомни: всегда есть лучший способ.

Роан энергично закивала, не сводя с Падеры глаз, будто та поручила ей сверхважное задание.

– Всегда есть лучший способ. Всегда есть лучший способ...

– Если ты должна идти, то я с тобой, – заявил Рэйт Персефоне.

Здоровяк вытянул ноги, занявшие треть комнаты.

– Спасибо, конечно, только вряд ли это хорошая идея. Если я приведу тебя в чертог, начнется драка. – Она отпила чаю.

– Ты не можешь идти туда одна!

– Я и не собираюсь. Возьму с собой Дэлвина и еще кого-нибудь, кому доверяю, например, одного из пахарей.

– И что они смогут сделать, если вождь сочтет тебя виновной и решит казнить прямо в чертоге? Тебе понадобится кто-нибудь, умеющий драться.

– Может, у вас в Дьюрии так принято, только у нас по-другому. Хранитель потребует суда.

– Ваш Хранитель – мужчина крупный?

– Вообще-то это тщедушная старуха, но наш вождь традиции уважает и к ней прислушается. Никого не казнят без открытого разбирательства.

– Ну да, разумеется... На всякий случай подожду тебя снаружи. Понадоблюсь – кричи.

Персефоне его забота польстила. Она отпила чаю, чтобы скрыть довольную улыбку.

– Итак, Брин, – Мойя перегнулась через край сетки, – чем же все закончилось? Что стало с женщиной, устроившей войну?

Брин ненадолго задумалась.

– После того, как Тео Уоррик захватил Далль-Мэлен, он сжег далль и убил всех, кого она знала, а также большую часть скота. И тогда Августа из Мэлена покончила с собой.

– Ох! – огорченно воскликнула Мойя.

– Рэйт, Малькольм! – гаркнула Падера. – Принесите-ка нам воды. Налейте в пустые тыквы, что возле двери.

Мужчины поднялись без единого слова. Рэйт согнулся, чтобы не задеть головой свисавшие с балок сухие травы, тыквы и рыбу. Они взяли емкости для воды и вышли.

– Ты послала Рэйта за водой?! – хором спросили Персефона и Брин, едва мужчины ушли.

– Чтобы без дела не сидели, – кивнула Падера.

– Но... но... он спас нас... и это он убил бога! – объявила Брин, подползая к огню и поднимаясь на колени в знак протеста.

– Тогда и с водой управиться сможет. – Старуха пристально посмотрела на нее одним глазом, растянув беззубый рот в гримасе, означавшей у нее улыбку.

– Поверить не могу, как нам повезло, что ты наткнулась на него в лесу! – сказала Мойя Персефоне. Девушка прижала чашку к груди. На губах ее появилась озорная улыбка. – А он красавчик.

– О чем мы только что говорили? – напомнила Брин.

– А ну, цыц! – Мойя посмотрела на нее сердито, фыркнула и откинулась головой на сетку, заставив ту загудеть от напряжения. – Пусть Обрубок пойдет да и удавится! Роан, у тебя нет лишней веревки?

Роан замерла над недощипанным цыпленком.

– Конечно есть. Я всегда держу на всякий случай...

Мойя вздохнула.

– Роан, я шучу.

– Ах, извини!..

– Роан, не надо извиняться.

– Прости.

Мойя снова вздохнула.

– Не бери в голову...

Персефона любила Мойю за искреннюю, честную и откровенную прямогу. Среди ее знакомых та была самой храброй и самой отзывчивой. Впрочем, в глубине души Персефона задавалась вопросом, не правы ли Коннигер, Тресса и Падера насчет того, что Мойе пора найти мужа? Не то чтобы ее следовало силой выдать за Обрубка, однако яркая внешность девушки и решительные отказы всем подряд вносили немалый раздор между соперниками. Боги одарили ее неземной красотой. Они же в свое время послали людям огонь с небес. Оба дара способны сеять за собой хаос и разрушение, но ведь никто не станет подносить факел к каждому дереву. В отличие от огня Мойя безудержно заигрывала с мужчинами и совершенно не замечала, какую разруху она несет.

Брин возобновила дежурство у двери, пристально глядя наружу.

– Рэйт и Малькольм уже у колодца.

– А что делают фрэй? – заинтересовалась Мойя.

– Двое оглянулись, остальные сидят, как ни в чем не бывало.

– Приглядывай за ними, – велела Мойя и обернулась к Персефоне. Побарабанив пальцами по чашке, она спросила: – Так что вы делали в лесу? Ты так и не рассказала.

Персефона смутилась.

– Ты ведь не встречалась тайком с Рэйтом? – Мойя выпрямилась, удивленно подняв брови. – Ты ведь не... не занималась тем, что сказал Обрубок?

– Нет!

Мойя нахмурилась и разочарованно откинулась назад.

– Тогда что?

Персефона вздохнула.

– Я отправилась поговорить с деревом.

Мойя, Роан, Брин и Падера переглянулись.

– Что-что? – спросила Мойя.

Персефона кивнула в сторону девочки-мистика, сидевшей, скрестив ноги между стопкой плоских камней и старой корзиной с пыльными сосновыми шишками. Минна лежала, положив голову Сури на колени, а та не обращала ни малейшего внимания на происходящее, увлеченно играя с веревочкой и плетя между пальцами похожий на паутину узор.

– Некоторое время назад ко мне пришла Сури и сообщила, что видела знаки страшного бедствия, намного худшего, чем голод. Тогда я не придавала ее словам особого значения.

– Но потом фрэй сожгли Дьюрию и Нэдак, – поняла Мойя.

Персефона кивнула.

– Сури предложила попросить помощи у древнего дерева. Оно самое огромное и старое в лесу и могло бы ответить на мои вопросы.

– Как поживает Магда? – спросила Падера, разжигая огонь под мехом с водой.

– Ты знаешь про дуб? – спросила Персефона.

Старуха кивнула.

– Мэлвин и я впервые... Хм. Мы поженились под его кроной. В один прекрасный весенний день. На ветвях было полно певчих птиц, они нам пели. Хороший знак.

– Наверно, тогда дуб был как хворостинка, а, Падера? – усмехнулась Мойя.

– Сложно сказать, – ответила старуха. – Солнца ведь еще не было и в помине.

Все засмеялись, кроме Роан, которая уставилась на старуху с новым интересом.

Рэйт и Малькольм вернулись, неся на шесте несколько кувшинов из тыкв.

– Перелейте вон в тот большой мех, – указала Падера.

– Значит, ты и в самом деле разговаривала с деревом? – спросила Мойя.

– Я задавала вопросы, – уточнила Персефона. – Сури передала мне, что ответило дерево.

Роан, складывавшая выщипанные перья в кучку, замерла и уставилась на Сури.

– Ты понимаешь язык деревьев?

Сури кивнула, не отрываясь от натянутой между пальцами веревочки. От усердия она даже язык высунула.

– И что оно ответило? – спросила Мойя.

– Да так, всякую околесицу, – отмахнулась Персефона.

– Никакую не околесицу! – впервые заговорила Сури. – Ты задала Магде вопросы, она дала тебе ответы. Проблема решена.

– Ее ответы не имеют никакого смысла! – воскликнула Персефона.

Сури пожала плечами.

– Не вина Магды, что ты ничего не поняла. Она ответила просто, как могла. И она была права, впрочем, как всегда.

– Права? – удивилась Персефона.

Сури кивнула.

– Что именно она ответила? – спросила Падера.

Персефона пожала плечами.

– Что-то про... – Она посмотрела на девочку-мистика. – Сури, ты запомнила?

– Встречай богов радушно. Исцеляй раненых. Следуй за волком, – повторила Сури, не поднимая глаз. – Куда уж проще!

Персефона пролила чай.

– Именно! Ради любви Мари! Встречай богов радушно!

Все посмотрели в сторону дверного проема, откуда вечернее солнце отбрасывало косые лучи на коврик Роан. Персефоне свет показался чуть более золотистым и волшебным, чем минуту назад.

– У меня мурашки по коже! – воскликнула Мойя.

Падера посмотрела на девушку.

– Одевайся теплее. Хотя погоди-ка, я забыла, с кем разговариваю. Попробуем кое-что получше. Поменьше болтай, побольше работай и сразу согреешься. Слезай с кресла, начисти миску картофеля и поставь вариться. – Потом старуха повернулась к Сури. – Ужинать останешься?

– Я ее пригласила, – сказала Персефона.

– Ну и хорошо, только придется обождать, – пояснила Падера. – Случаем не сможешь Персефоне узнать, почему Сэккет, Эдлер и Хэгнер вчера пытались ее убить?

Персефона посмотрела на Сури.

– Неужели сумеешь?

– Понадобятся кости, – ответила мистик.

– У нас есть мертвый цыпленок. – Падера указала на птицу в руках Роан. – Или тебе непременно нужно ритуальное убийство?

– Птичка умерла сегодня?

– Сама свернула ей шею пару часов назад.

– Тогда сойдет. – Мистик вытащила петлю двумя пальцами и усмехнулась.

Рэйт закончил переливать воду, поставил тыквы у двери, потом повернулся и оглядел домик, раздумывая, куда бы сесть.

– Вы точно уверены, что нам можно остаться на ночь? – спросил он. – У вас тут довольно тесно.

– Место найдем, – заверила Персефона, потом приложила руку ко лбу. – Ох, извини, Роан!

Роан, ощипавшая курицу лишь наполовину, замерла.

– За что ты извиняешься?

– Невежливо приглашать гостей туда, где хозяйка – ты. Я не должна решать за тебя.

Роан подняла голову и посмотрела на Мойю.

– Ладно тебе, Сеф! – сочувственно покачала головой Мойя. – Я все еще пытаюсь ее убедить, что спать в кровати можно. Каждую ночь она сворачивается калачиком на коврике.

– На коврике? – Персефона оглянулась на тонкую циновку из тростника, которую днем скатывали и убирали. – Почему?

Мойя посмотрела на Роан.

Роан втянула голову в плечи.

– Это кровать Ивера.

– Ивер умер, – напомнила Персефона. – Ты ведь это понимаешь? Теперь кровать твоя.

Роан ответила лишь смущенной гримасой.

– Сами видите... – обреченно вздохнула Мойя.

Роан опустила недоощипанного цыпленка так, что птичья шея коснулась пола.

– Я всегда спала на полу.

– Теперь дом твой, и все, включая кровать, тоже твое... – проговорила Персефона. – По крайней мере, ты можешь спать в одном из висячих кресел. Кстати, они очень удобные.

Роан устала на нее, задышала чаще, в глазах появился испуг, руки крепко стиснули цыплячьи лапы.

– Остынь! – велела Падера. – Успокойся и отдай мне птицу, пока ты ее не испортила.

Падера забрала у Роан цыпленка. Старуха ощипала оставшуюся половину за пару минут. Закончив, она отрубила обе ноги и вытащила потроха через горло.

– Роан, – сказала старуха. – Ступай ко мне домой и принеси мешок, чтобы сложить перья. Со временем наберешь себе на хорошую подушку. Поищи возле ящика с вещами старины Мэлвина.

Роан энергично покивала, забыв свою панику в свете нового задания. Она направилась к двери и вдруг резко остановилась.

– Ух ты!

Все бросились смотреть и увидели, что Роан едва не столкнулась с великаном, который пришел с фрэями. Согнувшись в три погибели, он стоял перед домиком, загораживая выход, и заглядывал внутрь.

Персефона вскочила на ноги, Рэйт встал подле нее. Великан не сказал ни слова. Он не смотрел ни на кого, кроме Падеры, которая невозмутимо потрошила птицу.

Старуха покосилась на него левым глазом, скривив беззубый рот.

– Ты мне свет загораживаешь.

Великан посмотрел на свою тень и перешагнул через порог.

– Тебе-то легко. – Голос великана удивил Персефону. Она ожидала услышать зычный рев, но слова прозвучали мягко. – Руки у тебя маленькие. Нет такой большой птицы, чтобы я смог ее разделать, как ты.

Падера снова подняла взгляд, на этот раз на руки великана.

– Тебе нужен крючок. – Она посмотрела на Роан. – Руки моего Мэлвина тоже были слишком велики для таких дел. Роан может сделать крючок, с которым даже твои лапы справятся. Верно, Роан?

Роан, глядевшая на великана с не меньшим изумлением, чем остальные, прищурилась и сдвинула брови. Она сунула в рот прядь волос и задумчиво пожевала. Потом удивила всех, подойдя к высоченному великану и схватив его за правую кисть. Роан поднесла ее к свету, падавшему через проем, осмотрела и приложила к ней свою ладонь. Разница оказалась поразительная: рука Роан была как у куклы. Великан молчал. Роан пробормотала себе под нос, кивнула и метнулась в заднюю часть дома, где под грудой хлама стоял верстак Ивера.

Великан посмотрел ей вслед, потом перевел взгляд на Падеру и цыпленка.

– Фаршируешь? – спросил он, пытаясь рассмотреть.

Падера кивнула и подняла цыпленка повыше.

– Начиняю хлебом и тимьяном.

– А чеснок?

– Само собой.

– А масло? – Падера скривилась. – Ясно, глупый вопрос. У меня не всегда бывает масло. Как насчет перца?

Падера уставилась на него одним глазом, на этот раз втянув обе губы.

– Я тебе что – королева дхергов? Думаешь, Дроум одарил меня несметными сокровищами? Упреждая дальнейшие расспросы скажу, что не стану добавлять ни шафран, ни золото, ни изумруды.

Великан задрал рубаху. Под ней на длинной веревке висело несколько мешочков. Он развязал один, высыпал немного содержимого на руку и протянул старухе.

Падера приковывалась к нему, и великан высыпал ей щепотку на ладонь. Старуха изумленно подняла бровь. Великан усмехнулся.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась Падера.

– Григор.

– Григор, не хочешь ли остаться на ужин? – спросила Падера. Оглянувшись, она добавила: – Думаю, нам понадобится больше цыплят.

* * *

Стена Далль-Рэна достигала двадцати футов в ширину, внутри была земля, по бокам бревна. На вершине росла трава, и постоянные патрули вытоптали в ней тропу, идущую вокруг всего далля. После ужина Рэйт прошелся от одного края ворот до другого, глядя на закат. С высоты был хороший обзор на окрестности. На западе простирался лес – черный контур с зубчатыми краями. На востоке виднелись отлогие зеленые холмы. С севера на юг поля прорезала дорога, которая просматривалась даже в гаснущем свете дня.

Рэйт гулял, завязав ли-мору на одном плече. Вечер был приятный. Весна отпустила зиму на покой и стремилась к лету. Особо явным этот переход делали сверчки и вибрирующий гомон древесных лягушек, очень громкий со стороны леса.

Теперь дорога станет легче.

Услышав скрип лестницы, Рэйт обернулся и увидел взбирающуюся на стену Персефону. Он поспешил навстречу и протянул руку. Рэйт действовал непроизвольно, однако коснувшись ее пальцев, ощутил их близость особенно остро. Руки человека могут сказать о многом. Ее ладонь была очень теплой.

– Малькольм сказал, что ты здесь. Он подумал, я должна тебе сообщить, что иду поговорить с Коннигером, – пояснила Персефона, поднявшись наверх. – Право слово, я не жду неприятностей.

Женщина смотрела на него, сложив руки на груди, все еще в черном траурном платье. Подбородок опущен, глаза подняты на Рэйта. Это решило дело.

– Ночью здесь приятно, – проговорила она. – Сколько сотен раз я ходила по этому кругу!

– Мало откуда открывается такой удачный обзор.

– Тебе не приходилось бывать на башне Алон-Риста? – Он покачал головой. – Но саму-то башню ты видел?

Он кивнул.

– Далль-Дьюрия находится рядом с Грэндфордом. Башню не заметить трудно, вот только фрэи не устраивают обзорных экскурсий.

Она посмотрела на север, словно пытаясь разглядеть высокий выступ башни.

– В Дьюрии у тебя семья?

– Нет, – ответил он, – семьи больше нет. У меня было трое братьев и сестра. Хайм и Хегель погибли в долине Высокое Копье, сражаясь с гула-рхунами. Там и похоронены в братской могиле.

– Мне жаль...

– Не надо. Я не любил братьев. Даже Дидана, который был лучшим из них и почти мой ровесник. Даже он был сволочью. Однажды пырнул меня в руку за то, что я вздумал поиграть с его новым ножиком. Прижал меня к земле, воткнул острие в ладонь и спросил: «Значит, хочешь испробовать лезвие?»

Персефона поморщилась, будто все происходило на ее глазах.

– Сколько тебе тогда было?

– Шесть, – ответил Рэйт. – Так что да, братцы у меня были те еще гады, зато мама и сестренка замечательные! К счастью, отец с братьями редко бывали дома. Когда они уезжали, мы не ложились допоздна, пели песни и рассказывали сказки. Кайлин, моя сестра, была невероятной выдумщицей. Почти в каждой сказке – призрак, дракон или герой, спасающий прекрасную девушку. Мы собирались у очага, зимние шторма сотрясали стены, и она все рассказывала и рассказывала. Она помогала нам забыть, как мало осталось кизяка для растопки и как холодна ночь. Кайлин умела сделать так, что с ее сказками мы попадали в другой мир, теплый и чудесный. Лучшие времена бывали, когда все отправлялись на войну, и мы оставались втроем.

Рэйт замолчал и скрипнул зубами, чувствуя в горле ком. Он сжал в кулак левую руку, которую проткнул Дидан.

– Мы тоже рассказываем сказки, но почти все они не такие уж приятные. Герои обычно пропадают в лесу: их съедают звери или духи утаскивают в свой мир навсегда. Мы рассказываем их, чтобы отвести детей от леса, и зимние ночи становятся совсем безрадостными. Думаю, сказки твоей сестры мне понравились бы куда больше. – Персефона пригладила волосы и всмотрелась в гаснущий свет дня. – Малькольм говорит, что утром вы с ним уходите.

– Ну да, – ответил Рэйт. – По крайней мере, я. За Малькольма решать не стану.

– Почему ты уходишь?

Рэйт снова посмотрел на север.

– Не думаю, что Убийце Богов стоит оставаться здесь или в любой другой деревне. Лучше мне никого не подвергать опасности и найти какое-нибудь укромное местечко.

– Я так надеялась, что ты...

– Ну да, я помню, на что ты надеялась, только киника из меня не выйдет.

– Ты великий воин, храбрость твоя безмерна!

– Нет уж. Я просто упрямый дьюриец, иными словами, дурак. Книнг-дурак тебе не нужен.

– Не думаю, что ты дурак. Ты смелый, добрый и порядочный.

– Ты меня не знаешь.

– Я знаю, что ты дрался за меня на водопаде и с людьми, и с волками. Ты выстоял перед Коннигером и вышел к богам, когда все остальные испугались.

– Что ты пытаешься доказать? – Он улыбнулся.

Персефона улыбнулась в ответ и сразу похорошела, даже помолодела.

– Послушай, – проговорил Рэйт. – Я вроде как дал себе обещание. В моей семье все были воинами. Отец и братья только и делали, что воевали – одна битва за другой. Больше они ничего не знали в жизни, лишь убивали и жгли. В этом они преуспели – отлично умели разрушать. Так и погибли в бою. Ни один из них ни разу не создал ничего хорошего или долговечного... Никогда не строили, не сделали мир лучше. Не хочу, чтобы и моя жизнь свелась к долгим годам бессмысленного кровопролития.

– Если ты станешь киником...

– Будет еще больше крови. Разве ты не понимаешь? Ты хочешь, чтобы я стал, как мой отец. Ты хочешь, чтобы я повел людей на битву, убивать и разрушать. Я хочу другого.

– Что ты имеешь в виду под другим?

– Что-нибудь получше.

– Получше? – Персефона усмехнулась. – Что может быть лучше, чем стать во главе всей своей расы?

– Жить в безопасности и завести семью. Научить тому же своих сыновей. Это будет хорошо и надолго. – Рэйт осмелился посмотреть ей прямо в глаза. Мужчинам он всегда смотрел в глаза, иное поведение считалось неуважением или даже трусостью. Однако встречаться взглядом с этой женщиной было неловко. Вероятно, потому, что ему это слишком нравилось. Он не смог сказать, что хотел, не отводя взгляда, поэтому снова обернулся к холмам.

– Я подумал... Я надеялся, что ты могла бы пойти со мной.

– С тобой?

Он продолжал смотреть поверх стены.

– Оставаться нельзя. Твой вождь занял сторону Хэгнера, и ему надо вершить суд. Если останешься, он тебя накажет. Что у вас делают с убийцами? – Ответ Рэиту был не нужен. Он хотел высказаться сам. – Неважно, что именно, но если тебя тут не будет, они ничего с тобой не сделают. К тому же ты теперь, как и я: осталась совсем одна, без семьи. У тебя даже дома своего нет. – Он повернулся и снова посмотрел ей в глаза. – Твое общество мне приятно, ты

много путешествовала и знаешь, что к чему. Хорошо бы уйти вдвоем. Думаю, мы нашли бы какое-нибудь место, где смогли бы начать все с начала.

Брови Персефоны взмыли вверх, рот изумленно открылся.

– Ты предлагаешь мне бежать с тобой? – Она едва не расхохоталась.

Сердце Рэйта упало, он втянул воздух сквозь зубы.

– Насколько я понимаю, это отказ.

Глаза Персефоны больше не сияли, и Рэйт перевел взгляд на траву под ногами. Ему отчаянно захотелось очутиться где-нибудь совершенно в другом месте. Лицо горело, кожу словно обдало жаром. Он отошел на пару шагов.

– погоди. – Она коснулась его руки. – Прости. Я польщена, правда, но... Ты не думаешь, что я для тебя старовата?

– Разумеется, нет, иначе я не стал бы тебе ничего предлагать! – Рэйту не понравился звук своего голоса. В нем слышалась горечь. Ему не хотелось заканчивать на такой ноте... Лучше убраться подальше, пока не наговорил лишнего!

Вместо этого он выпалил:

– Дело в Нифроне?

Персефона пришла в недоумение.

– Нифрон? При чем тут Нифрон?

– Ты ему нравишься, да?

– Нравлюсь? Я ведь рхун! – Персефона крайне удивилась.

– Увидев тебя в воротах, он тут же отвлекся. И из-за этого чуть не погиб. Кажется, теперь я понял, как тебе удалось...

Она закатила глаза.

– Да ну тебя!

– Есть куча историй, в которых боги теряют голову от смертных женщин.

Персефона оглянулась через плечо и хмыкнула.

– Они не боги! Да и навряд ли с этим возникнут проблемы. Если на кого и будут смотреть во все глаза, так это на Мойю. – Она с тревогой коснулась лба и вздохнула. – Я только теперь поняла, что надо велеть ей держаться подальше от фрэев.

Рэйт снова отстранился.

– Рэйт! – Персефона шагнула к нему, лицо ее исказилось от боли. – И месяца не прошло, как погиб мой муж... Мы прожили вместе двадцать лет. Я его любила. И все еще люблю. Ты меня понимаешь?

Рэйт хотел объяснить, что преданность и верность встречаются нечасто, а он хотел бы, чтоб ему повезло так же, как и Рэгланду. Мысленно он извинился за то, что разбередил ее горе и посмел предположить, что у такого, как он, есть хоть малейший шанс. В конце концов, он ведь дьюриец... Он представлял, как говорит ей все это, но когда наконец открыл рот, то выдал лишь одно слово:

– Ладно...

Слово повисло между ними – тяжелое и грустное. Наверно, Персефоне не хотелось, чтобы оно стало последним, и она снова заговорила:

– Ты не прав насчет того, что семьи у меня не осталось. Падера мне как мать, ведь после смерти своих детей она стала обращаться так со всеми. Брин мне как дочь или по крайней мере племянница, потому что Сару я считаю сестрой. Мойя мне как беспокойная, но нежно любимая кузина, а Гиффорд... – Она вытерла глаза. – Понимаешь? Есть у меня семья, и сейчас у нее неприятности, причем серьезные. Не могу я уйти. Я докажу Коннигеру мою невиновность. Ведь я знаю его уже много лет.

Персефона как следует утерла слезы, подошла и крепко обняла Рэйта.

– Я благодарна тебе за все, что ты делал для меня и всех нас! Ты не раз спасал мне жизнь. Жаль, что ты не можешь остаться. Ты не обязан становиться кинигом, если не хочешь. Твоя помощь нам очень нужна. Ты и так помог лишь тем, что ты здесь. Как знать, вдруг ты построишь новую, счастливую жизнь в Далль-Рэне? Что скажешь?

Она отпустила его и отошла назад, сжав руки за спиной.

Рэйт уже не чувствовал себя неловко. Хотя до счастья было еще далеко, обниматься ему понравилось. Большого пока и не требовалось. Дьюрийцам мечтать несвойственно. Главное для них – еда и тепло. Сперва Рэйт собирался жить в глуши один, теперь же понял, как ему будет тоскливо. Он кивнул в ответ.

– Что касается фрэев... – Персефона посмотрела через плечо на лагерь возле колодца. – Кто знает, надолго ли они задержатся. Честно говоря, они меня пугают. Они пугают всех, кроме тебя...

Она ошибалась. Рэйта фрэи тоже изрядно пугали. Он не знал наверняка, почему они его не убили. Судя по всему, галантов впечатлил рхун, который не сдался, рхун, который полез в драку. Стоило уйти, пока не стерлось впечатление новизны, но при мысли о том, что придется уйти без Персефоны, у Рэйта защемило сердце.

«Надеюсь, по прошествии времени я смогу ее убедить».

Персефона вздохнула и посмотрела на чертог вождя.

– Думаю, откладывать дальше не имеет смысла. Пора приступать.

– Будь там поосторожней, – велел он. – Персефона, я не шучу! Возникнут проблемы – кричи. Кричи громко-громко и мигом в сторону. С остальным разберусь я.

– Спасибо, только нападать на вождя – идея не из лучших. Вряд ли это поможет в моем случае.

– В Дьюрии помогает. – Он улыбнулся.

Персефона стала спускаться с лестницы и вдруг помедлила.

– Все обойдется, вот увидишь. Я знаю Коннигера много лет. В конце концов, он был Щитом моего мужа. Просто нужно объяснить ему мою точку зрения... Кстати, можешь звать меня Сеф. Ты заслужил.

* * *

– Галанты обещали нам помочь! – объявила Персефона, стоя перед тронами в центре Большого зала чертога вождя. С ней пришли Дэлвин и Тоуп Хайлэнд. Мужчины держались чуть позади. Обувь Тоупа покрывала грязь, налипшая за день работы в поле. Драк он особо не любил, но годы за плугом в высокогорьях не прошли для него даром. Дэлвин держал в одной руке пастуший посох, в другой большую широкополую шляпу, сделанную Сарой. Он тоже был не боец, но Персефона считала его за брата. Обоим хотелось поскорее попасть домой после трудного дня, и все же они согласились сходить с ней к вождю.

– И как они нам помогут? – Тон Коннигера был более чем скептичен, однако язвить в открытую он не осмеливался.

Коннигер и Тресса сидели на тронах с каменными лицами. Мэйв и Крир стояли по бокам, как и подобает истинным Хранителю и Щиту. Церемонии Персефону раздражали. С ней обращались так, будто она чужая. Хуже того, она учуяла запах жареного мяса и хлеба, но еду унесли до того, как она вошла. Даже чужака пригласили бы поесть.

Персефона намеренно не смотрела на Хэгнера, стоявшего сзади. Также она избегала встречаться глазами с Мэйв и Трессой, сосредоточившись исключительно на Коннигере.

– Если другие фрэи придут, чтобы разрушить Далль-Рэн, галанты выступят в нашу поддержку. Они надеются, что смогут предотвратить здесь случившееся в Дьюрии и Нэдаке.

В зале находились и прочие жители далля, включая Риглза, возделывавшего плодородные южные поля, и Дэвона-охотника, ближайшего друга Сэккета. У всех них было нечто общее – Персефона их почти не знала, а некоторых, вроде Криа и Обрубка, и не любила. Присутствовали и иные, новые лица, толпившиеся в тени позади трона вождя.

Никто не встретил это известие улыбкой.

– С чего бы? – спросил Коннигер.

– Эти фрэй против того, что делают остальные фрэй. Они отказались подчиняться своим предводителям и сжигать Дьюрию и Нэдак и...

– И все же Нэдак сожжен дотла, – проговорил один из чужаков, стоявший позади трона – мужчина с серым лицом и обвиняющим взглядом.

Персефона не понимала, откуда такая враждебность, пока не заметила на его плече брошь в форме молотка. Он был из Нэдака.

– Да, но они этого не делали, – объяснила она. – Они пытались предотвратить резню. Эти девять фрэев – изменники. Вернуться в Алон-Рист они не могут, поэтому ищут приют. Если придут остальные, эти фрэй за нас заступятся, убедят своих пощадить нас. Неужели вы не понимаете, что если...

– Если галанты изменники, то кто их слушает? – спросил Коннигер. – Поскольку они преступники, разве их присутствие не подвергнет нас еще большей опасности? Укрывательство беглецов убедит Алон-Рист в том, что мы бунтари. Позволим изменникам остаться – еще больше ухудшим свое положение.

Персефона хлопнула себя по бокам.

– Если фрэй намерены сжечь Далль-Рэн дотла и убить всех мужчин, женщин и детей до последнего, то как положение может ухудшиться еще сильнее? Разве с галантами в качестве союзников у нас будет не больше шансов?

– Ключевое слово здесь – «если». Вдруг фрэй уже совершили свое возмездие сполна? Если они не собираются на нас нападать, мы сами дадим им повод изменить свои намерения, – заявил Коннигер с суровым видом.

– Самое разумное решение – умиловить их, – заметила Тресса. – Пожалуй, стоит передать изменников прямо им в руки. У нас это получится? Можем ведь мы известить Алон-Рист о том, что они здесь? Разве это не докажет, что мы не такие, как дьюрийцы? – Глаза Трессы возбужденно расширились. – И Убийцу Богов тоже сдадим! Наверняка они впечатлятся. Фрэй увидят, что с нами проблем не будет. Может, нас даже наградят!

– По словам Нифрона, предводителя галантов, фрэям Алон-Риста приказали уничтожить всех рхунов. Это намного превышает возмездие за жизнь одного фрэя. Они намерены убить нас всех!..

– Нифрон? – перебил ее Коннигер. – Ты и имя этого фрэя знаешь?

– Да, он сказал мне, как его зовут.

– Почему именно тебе? – спросила Тресса. – Почему этот Нифрон не познакомился с Коннигером? Почему он не предстал перед вождем?

– Не знаю. Вероятно, фрэй ждали, что из чертога к ним кто-нибудь выйдет, чтобы поговорить.

– А мне интересно, почему эти преступники так жаждут нам помочь? Почему они пошли против своих? – спросила Тресса. – Какая им выгода?

– Точно не знаю. Именно поэтому вам стоит пойти и поговорить с ними. – Персефона начала терять терпение. – Думаю, вам это должно быть интересно.

– А я думаю, что ты не можешь не лезть не в свое дело! Никак не смиришься, что это я сижу на Втором троне вместо тебя. Ты забыла, кто теперь правит Далль-Рэном! – Лицо Трессы покраснелось.

– Тресса, – тихо сказала Персефона. – Истинному лидеру нет нужды напоминать, кто главный. Я всего лишь хочу, чтобы ты исполняла свой долг.

– Все, что ты хочешь? Да как ты смеешь стоять тут и требовать?!.

Коннигер похлопал жену по руке, пытаясь ее успокоить.

– Думаю, есть более важное дело, о котором мы забыли. – Он пристально посмотрел на Персефону. – До недавнего времени все шло гладко. Теперь же два самых достойных охотника дали мертвы, и на нас свалился не только знаменитый Убийца Богов, но и группа воинов-фрэев, которых ты пригласила, несмотря на запрет. На мой вкус, ситуация складывается не слишком удачная для тебя, Персефона.

Остальные в чертоге закивали и обменялись понимающими взглядами. Что-то происходило, точнее, начало происходить еще до ее появления. Пока Персефона говорила, мужчины бросали на нее сердитые взгляды. Она ожидала увидеть облегчение или благодарность, хотя поняла бы и тревогу, беспокойство или страх. Вместо этого на лицах собравшихся в Большом зале она прочла сговоренность.

«Что же Хэгнер про меня наговорил?»

– Думаешь, не вижу, что ты делаешь? – укорил ее Коннигер. – Если хотела возглавить даль, надо было действовать по правилам и бросить мне вызов, как Холлиман. Ах да, ведь ты не можешь... У тебя нет никого достаточно сильного, чтобы выставить против меня! Поэтому пришлось плести заговор и ждать, пока придут чужаки. И вот теперь у тебя своя собственная армия фрэев.

– Коннигер, мы знакомы с детства, ты защищал мою семью десять лет. Ты меня знаешь. Вряд ли ты веришь, будто я убила сама или наняла убийц для Эдлера и Сэккета. Ты делаешь поспешные выводы. Понимаю, положение у тебя трудное: слово Хэгнера против моего. Однако взгляни как следует! Я – уважаемая вдова вождя, помогавшая нашему клану пережить Великий голод и Долгую зиму, в то время как предмет гордости Хэгнера – кража любимого телка Уэдона. Так кто же заслуживает твоего доверия?

– Не крал я телка! – завопил Хэгнер.

– Еще ты утверждал, что не крал кувшин пива у Бергина, а тебя с ним поймали.

– Ладно, было дело... Пиво я взял, но телка не крал!

– Ну вот, – сказала Персефона. – Смотри, к кому ты прислушиваешься! Неужели ты думаешь, что я бегала на свидания в лес? Тебе прекрасно известно, что за все те годы, что ты охранял меня и мою семью, ноги моей в лесу не было. После смерти Рэглана я покинула дом Сары один-единственный раз. Меня не было один день, всего один день! Что касается фрэев, то они мне никто. Будь иначе, разве стояла бы я тут и пыталась убедить тебя выйти к ним поговорить? Единственная причина, по которой я вообще разговаривала с Нифроном – больше не пошел никто.

– И что ты рассказала этому Нифрону? – спросил Коннигер, складывая руки на груди.

– Если придут еще фрэи, то он может говорить с ними от имени Далль-Рэна.

Тресса расплылась в улыбке, Коннигер закивал вместе с остальными присутствующими. Довольными казались все, кроме Хэгнера, отступившего обратно в тень.

– Ты не подумала, что стоит спросить мнение своего вождя, прежде чем заключать союзы? – поинтересовался Крир.

До сих пор он стоял, прислонившись к опорному столбу, и вдруг шагнул к Персефоне. Уродливый мужчина впервые обратил на себя внимание Персефоны тем, что избил Гиффорда. Этот задира часто дразнил гончара и бросался в него гнилыми овощами. Вскоре потребовалось вмешательство Рэглана, и Крир в свою защиту сообщил, что калека накинулся на него с костью, однако свидетели показали, что Гиффорд просто споткнулся и упал на него. Крир часто говорил, что Гиффорд проклят богами и притягивает несчастья. Кто-то пытался поджечь дом Гиффорда, и хотя виновного так и не нашли, многие подозревали именно Крира...

Тоуп, изрядно его недолюбливавший, расправил плечи и плюнул в сторону.

– Есть что сказать мне, Тоуп? – спросил Крир.

– Найдется, – ответил Тоуп. – Только подойди поближе.

Персефона коснулась руки фермера, пытаясь его успокоить.

– Ты ответил бы иначе? – обратилась она к Коннигеру. – Разве ты отказался бы от помощи и прогнал их из Далль-Рэна?

– Не в этом дело! – почти прокричала Тресса и хлопнула по подлокотнику. – Ты не имела права! Рэглан мертв, он давно лежит в земле. Ты больше тут не главная!

– Довольно! – Коннигер поднял руки. – Вождь клана я, и мне нужно время, чтобы во всем разобраться. Одно я знаю точно: галанты представляют для нас угрозу. Не исключено, что они в сговоре с Персефой, либо их родичи нападут на нас потому, что мы дали приют изменникам. В любом случае, мы будем в большей безопасности, если они уйдут. Мой указ таков... – Он посмотрел прямо на женщину. – Персефона, пойд и скажи фрэям, что ты не вправе говорить от имени клана Рэн. Потом сообщи им, что помощь нам не нужна, и вели им уйти. Что касается спора между тобой и Хэгнером, то я решу его, когда разберусь во всем должным образом.

Персефона посмотрела на Дэлвина и Тоупа. Они застыли на месте, нервно переминаясь.

– Ты не согласна? – спросил Коннигер.

Персефона кивнула.

– И еще как! Я сделала то, что считала лучшим для спасения далля. Я вовсе не хотела подвергать сомнению твои полномочия, скорее побудить тебя к их исполнению. Ты – вождь, так и веди себя соответственно! Если хочешь, чтобы фрэи ушли – выйди и скажи им сам, а я вернусь обратно к своим гостеприимным друзьям. Может, начну вязать шаль. Думаю, она понадобится мне будущей зимой, если только из-за тебя нас всех не перебьют!

Персефона повернулась и вышла так стремительно, что Дэлвин с Тоупом заметно отстали.

После ее ухода Тресса воскликнула:

– Вот видите, я же вам говорила!..

Глава 13

Кости

«У Сури была ручная волчица по имени Минна. Они были лучшими друзьями и вместе бродили по лесу. Тело Сури покрывали татуировки и грязь, она не боялась ничего и владела магией. Едва познакомившись с Сури, я захотела стать ею... да и сейчас хочу».
«Книга Брин»

Кости были прекрасные... для цыпленка.

Сури предпочла бы ворону или лучше ворона. Боги постоянно используют их в качестве посланников, в них часто вселяются духи. Не то чтобы Сури отважилась бы убить ворона ради костей, ведь боги редко ценят убийства своих верных слуг. К тому же есть риск свернуть шею духу в облике птицы, и тогда уж мало никому не покажется... Куриные кости сработают, даже если связь с тем, что находится за завесой, будет нечеткой и прерывистой. По крайней мере, можно не бояться кого-нибудь оскорбить. Ни бог, ни богиня, ни дух ни за что не вселится в цыпленка и не станет прибегать к его помощи.

Сури решила обратиться к Мари. Она не знала, на что именно надеялась, но Мари, богиня мудрости, была покровительницей дома Персефоны, поэтому Сури сочла это лучшим выбором. Девочка-мистик устроилась за частokoлом с западной стороны далля – на самой высшей точке, какую смогла найти. Минна тихо лежала несколькими футами ниже, давая ей простор. В этом отношении волчица отличалась тактичностью. Сури развела костерок и подождала, пока солнце опустится. Лучше всего начинать искать ответы в сумерках, когда двери между мирами открыты особенно широко. Но это длится недолго... Сури разложила кости по группам: с правой стороны – мы, то есть те, от чьего имени ты пророчишь, с левой – другие, то есть противники.

Солнце скрылось за лесом, и Сури бросила два набора косточек в пламя. Она подождала, пока черная линия деревьев проглотит огромный оранжевый шар. Мистик не считала и никак не отмеряла время. Сури была прирожденной прорицательницей. Она совершала обряд, руководствуясь своим чутьем. Тура показала Сури все, что знала сама, однако призналась: научить толкованию нельзя. Либо ты рождаешься с этим даром, либо нет.

У Сури дар был.

Тура поняла это сразу. Старуха-мистик рассказала Сури, как в младенчестве девочка призывала певчих птиц. Оставив ребенка на полянке, поросшей ромашками, фиалками и колокольчиками, Тура пряталась за деревьями неподалеку. Вскоре Сури уже окружала стайка птиц – пестрая компания певуний самых разных видов: щеглы, краснокрылые дрозды, голубые сойки, сороки, желтогорлые пеночки, каштановые крапивники, малиновки, пересмешники и певчие воробьи. Девочка сидела между ними, увлеченно внимая птичьей симфонии. Она умела не только собирать пташек, еще она разговаривала с духами, знала, когда пойдет дождь, и могла предсказать наступление первых настоящих морозов. У Сури был дар, и Тура научила ее им пользоваться...

Небо сменило цвет с оранжевого на фиолетовый. Сури поняла, что время настало, и залила костер. Духи огня воду ненавидят. Как и все дети Оута, бога огня. Этот дух не был исключением и зашипел на нее.

– Извини, – сказала Сури, жалея, что не знает его имени. Она даже не была уверена, что имена есть у всех духов. Только у самых главных. К примеру, Воган – дух Серповидного леса, Фрибл-Библ – дух Высокого Потока, чье имя она любила повторять. Малютки духи огня

похожи на духов камня и ветерка – их слишком много, за всеми не уследишь. Интересно, озаботилась ли вообще Элан именами для всех них?

Собрав кости, Сури положила их на циновку и принялась вглядываться в прожженные огнем дырочки и трещинки. Как объясняла Тура, прорицать по костям – все равно, что угадывать намерения человека по тону его голоса. В данном случае это голос Мари и язык богов. По сути, многое зависит от толкования. И все же дар девочки к прорицанию простым изучением костей не ограничивался.

Тура поражалась способности Сури находить дорогу в лесу. Сперва старуха приписала ее превосходной памяти девочки, однако затем отбросила эту идею, поскольку Сури с такой же легкостью отыскивала путь и туда, где прежде не бывала. Тура нашла подземные залы, которые Малькольм назвал палатами дхергов, за пятьдесят с лишним лет жизни в Серповидном лесу, Сури обнаружила еще три всего за неделю.

Лучше всего у Сури получалось ладить с духами огня. К восьми годам ее игра с огнем, когда она болтала с язычками пламени, заставляла их танцевать и менять цвет, переросла в нечто большее. Наблюдая, как Тура мучается, пытаясь зажечь лучину трением дерева о дерево, Сури разожгла свой костерок всего парой слов.

– Как ты это сделала? – спросила Тура.

Сури пожала плечами.

– Попросила духа огня прийти, и он пришел. Разве не так это делается?

Тура кивнула, однако Сури заметила на лице старухи растерянность и тревогу, может быть даже и страх. Тура заговорила про мэлкинов и упомянула, что Сури наверняка сбежала от кримбалов.

Сури уставилась на кости, изо всех сил вглядываясь в знаки. Прорицать на закате тяжело. Чтобы все разобрать, нужен дневной свет, а он угасает слишком быстро. Пока садилось солнце, и наступала ночь, Сури удалось кое-что прочесть. Она нашла не совсем то, что искала. Ничего про напавших на Персефону мужчин и причину их поступка, зато она обнаружила нечто гораздо более важное...

Сури закончила изучать знаки на правой ноге цыпленка. Дырочки располагались рядом друг с другом, почти на конце кости, указывая, что событие относится к ближайшему будущему. Вглядываясь в трещины, она заметила две линии, которые предполагали два разных исхода.

В первую очередь, кости изобиловали плохими предзнаменованиями примерно в тех же несметных количествах, которые Сури увидела прямо перед тем, как пришла к Персефоне. С тех пор мало что изменилось. Вглядевшись пристальнее и вникнув в детали, она поняла: все кости в один голос твердят, что поворотный момент настанет при следующей полной луне. Кости не сказали ей, почему – они и сами не знали, скорее всего потому, что это были куриные кости. В одной точке сойдутся разные силы и, в зависимости от развития событий, мир изменится в ту или иную сторону. Три кости говорили о страшной опасности, грозящей «нам» и «им». Одна из костей живо заинтересовала Сури, потому что указывала на огромную тайну, спрятанную в лесу и охраняемую медведем. Также кость сообщила, что эта тайна сыграет в грядущем противостоянии решающую роль. Сильнее всего мистика поразила последняя кость. Самая большая и чистая, поврежденная огнем лишь на конце. Эта кость объявила, что в Даль-Рэн идет чудовище, чтобы убить их всех.

Сури обругала гаснущий свет, продолжая вглядываться в трещины и пятна. Сперва она решила, что чудовище – фрэй, но нет. Знаки указывали на одно существо, а не на нескольких врагов. Причем так явно, что Сури даже знала его имя. Остальные подробности исчезали на обуглившемся конце кости. Впрочем, мистику они были не нужны – она и так знала достаточно.

– Грин, – произнесла Сури вслух.

Миг спустя вдалеке проревел медведь, перепугав стаю черных птиц. Они полетели в сторону заходящего солнца – на запад.

Минна подняла голову, всматриваясь в лес.

– Дело плохо, – шепнула девочка волку.

Глава 14

На запад

«Многие наши слова происходят от языка дхергов или языка фрэев. Рхун означает “дикий”, так фрэй прозвали людей. Рхулин означает “Земля рхунов”. “Эврлин” означает “Зеленая земля”. А даль на языке фрэев – “стена”. Суффикс – идд переводится как “новый”. Поэтому на карте я обозначила эту территорию как Рэнидд».
«Книга Брин»

Благодаря названию Арион ожидала, что граница с Эврлином будет зеленой, но все, что она видела последние несколько дней, было коричневым. Коричневые скалы, коричневая трава, коричневая грязь – даже деревья были темными. Еще ее разочаровало отсутствие полей. Арион доводилось видеть картины открытых долин – широкие просторы равнин или холмистой местности – которые давали обзор необъятных небес и дивных закатов. Пересекая же Нидвальден, она ехала через бесконечный тоннель из деревьев, и огромный лесной массив, известный как Харвудский лес, ничуть не напоминал древние рощи Эриана. Здесь вовсе не хотелось побродить среди пятен проникающего сквозь листву света. Густой подлесок блокировал солнечные лучи, дорогу заплетала колючая ежевика. Здешные леса были дикими и враждебными, их тайны надежно скрывали мох, листья и хвоя.

Арион следовала за Тимом, который ехал на лошади кремовой масти. Хотя Гриндал предложил ей своего проводника, она отказалась. Не чтобы она боялась, что он будет вредить или шпионить за ней. Просто Арион не хотелось провести несколько дней один на один с прихвостнем Гриндала. И все же проводник бы ей не помешал.

Как ни странно, кроме фэйна ни один из живущих миралиитов ни разу не выходил за границы Эриана. Поэтому Арион пришлось выбрать проводника из другого сословия, что слегка расширило выбор. Кроме инстарья мало кто пересекал реку Нидвальден, к тому же сейчас их не было в Эстрамнадоне.

Наконец Арион сузила свой выбор до шести. В их числе была архитектор-эйливин, которую однажды инстарья нанимали для ремонтных работ в северной крепости Эрванон после атаки орды великанов (Арион переспросила про нападение великанов трижды, думая, что ослышалась. Не ослышалась). Еще было трое строителей-нилиндов, которых эйливин брала с собой для выполнения ремонтных работ. Еще один вариант – охотник-асендвэйр, несколько сотен лет прослуживший в каждом из четырех аванпостов Эврлина, однако выяснилось, что сейчас он болен. И, наконец, был Тим – умалин, направленный приверженцами Феррола провести теплое время года, служа на дальних рубежах.

Арион выбрала Тима, потому что служитель Феррола был ей по душе, ведь она выросла среди умалинов. За две тысячи лет жизни в Эстрамнадоне Арион запомнила почти всех жителей в лицо, и Тим не был исключением. И все же кроме лица и имени она о нем ничего не знала. Вероятно, прежде им доводилось встречаться, но разговоров память ее не сохранила. Тим как раз собирался в свое ежегодное путешествие на запад, когда она пришла к нему и рассказала о поручении фэйна отправиться в Алон-Рист, спросив, сможет ли он проводить ее до границы. Тим ответил натянутой улыбкой и покорным кивком, и показал лошадь, на которой она поедет.

Арион, как и любой здравомыслящий фрэй, никогда не ездила на лошади. Как известно, норовистые животные то и дело сбрасывают седоков или несутся во весь опор. Хотя Феррол награждал фрэев тремя тысячами лет жизни, падения часто заканчивались травмами или смертью, поэтому идея взобраться на спину не самого смирного животного ее не прельщала вовсе.

– Разве мы не можем пойти пешком? – спросила Арион, увидев лошадь впервые.

– До Алон-Риста почти сотня миль по пересеченной местности, – ответил Тим. – И, да простит меня ваша милость, вряд ли вы готовы к столь дальним прогулкам.

Она уступила, признав разумность доводов. Иначе зачем пользоваться услугами проводника из Зеленой долины, если ты не слушаешь его советов? Так и вышло, что Арион кое-как взгромоздилась на спину чрезвычайно высокой белой лошади по имени Нараспур, на которой и выехала в сопровождении проводника к краю Харвудского леса.

Длинный тоннель, образованный деревьями, закончился, и перед взором Арион предстало дивное зрелище. Покинув лес, она обнаружила, что находится на значительной высоте – на краю горного хребта, с которого открывается невероятной красоты вид. Прожившая всю жизнь под сенью Эриана фрэя испытала потрясение.

Так вот оно какое – небо!

Оно было таким широким и глубоким, что казалось бесконечным. Над путниками плавали загадочные белые стустки, сверху лился яркий свет. В Эриане свет рассеивается, проходя через многочисленные слои листвы и хвои. Взглянув вперед, Арион увидела горизонт. Она могла бы смотреть на него вечно. Голубая гряда холмов то поднималась, то опускалась. Над нею высилась огромная гора, еще больше потрясшая воображение Арион. Конусообразная вершина была покрыта ослепительно-белым снегом – казалось, она бросала вызов бескрайней синеве неба. По склону бежала река, змеившаяся далеко внизу и сияющая серебром. Но даже гора не могла превзойти зрелища повергающего в благоговейный трепет неба.

Тим терпеливо ждал, его лошадь махала хвостом. Умалины отличаются изрядной выдержкой, к тому же он безусловно знал, какой эффект производит этот поворот дороги. Наверняка Тим останавливается здесь с каждым путником, которого сопровождает.

– Как красиво! – воскликнула Арион.

– Отсюда вам придется путешествовать, накинув на голову капюшон, чтобы защититься от солнца. Закрывайте кожу с утра до позднего вечера, иначе обгорите.

– Обгорю?

Тим кивнул.

– Если побережетесь, кожа постепенно потемнеет. Тогда можно будет не беспокоиться. Много солнца сразу вызовет ожоги. – Он похлопал себя по макушке. У священника голова поросла кудрявыми темно-русыми волосами, густыми, словно меховая шапка. – Меня защищают волосы, но у вас их нет, так что делайте, как я говорю, и не снимайте капюшон.

Тим направил лошадь вперед.

Арион сделала, как он сказал, и все же время от времени украдкой выглядывала из-под складок ткани. Она задавалась вопросом, не солгал ли Тим, чтобы над нею посмеяться. Хотя капюшон начисто лишил ее удивительного ощущения свободы, она решила внять совету проводника. Тим говорил мало, вряд ли он нарушил бы молчание, если бы опасность не была настоящей.

– Сколько нам осталось ехать?

– Еще несколько дней. Скоро сами увидите, надо лишь добраться до вершины следующей горы.

– Неужели? – скептически спросила она. – Я смогу увидеть расстояние большее, чем день пути?

Он рассмеялся и испуганно прикрыл рот рукой.

– Приношу свои извинения, это было не очень уважительно, ваша милость!

– Я же просила называть меня Арион.

– Конечно, ваша милость, только поймите, что не все миралииты столь же непринужденны, как вы. Если я позволю себе фамильярность, от этой привычки будет нелегко избавиться. Если я позволю себе лишнего с другим миралиитом, менее склонным обходиться без положенных вашему сословию почестей... Я даже думать не хочу, что тогда может случиться.

Она вздохнула.

– Ладно. Только мне интересно, почему ты засмеялся?

Он смущенно опустил взгляд.

– Приношу свои извинения. Это было грубо.

– Так почему же?

Тим поднял глаза, чуть улыбнувшись, и указал на ряд гор.

– Вы уже видите дальше одного дня пути. Те далекие вершины – Фэндал и Адэндал-Дьюрат, горные хребты, которые пересекают западную часть Эврлина и находятся, по меньшей мере, в ста или в ста пятидесяти милях отсюда. – Он показал на возвышающуюся над ними гору. – Чтобы добраться до высшей точки горы Мэдор, потребуется несколько дней.

Арион пораженно уставилась вдаль.

– Но ведь она так близко!

– Расстояния бывают обманчивы, особенно при восхождении.

Они ехали по тропе, петляющей вниз по склону узкой долины.

– И здесь совсем никто не живет? – спросила Арион.

– Еще как живут! – Тим оказался впереди, и лица его не было видно. – В этих горах полным-полно всевозможных существ.

– Рхунов?

– Нет. – Тим покачал головой. – Внизу за рекой находится долина Высокое Копье, севернее нее мы рхунов не пускаем. Большая их часть живет в Рхулине, обширной территории к югу. Вон там, – он указал на горы далеко на севере, – обитают грэнморы и, разумеется, всякие разные гоблины. Они повсюду: в горах, болотах, лесах, даже в море есть. Другие существа там тоже водятся. Земель тут хватает, их совсем никто не исследовал.

– Как насчет дхергов?

Тим покачал кудлатой головой.

– Дхерги живут под землей далеко на юге. Они встречаются крайне редко.

Арион посмотрела на юго-запад, в сторону Рхулина.

– И сколько там рхунов?

– Никто не знает. Когда они кочевали, их было мало. Родителям много детей на себе не унести. Придя в Рхулин, они окончательно избавились от преследовавших их гоблинов и начали строить поселения. Мы отдали им земли за рекой Берн, чтобы они не расползались дальше на запад.

– Я слышала, что одна мать может иметь четырнадцать отпрысков. Это правда?

– Думаю, бывает и больше, только я не знаток рхунов. Все, что мне известно, я почерпнул из рассказов инстарья. У них такие чудесные сказки! Жизнь в глуши вовсе не похожа на жизнь в Эстрамнадоне. – Он оглядел долину внизу. – Этот мир не безопасен. Инстарья несут дозор, смотрят за дорогами и устраняют угрозы. Их жизнь полна приключений, слушать про них весьма увлекательно.

– Либо они хорошо сочиняют.

Тим обернулся.

– Разумеется. Но для вас-то все по-другому, верно? Все это. – Он обвел рукой вокруг. – Вам ведь совсем не тревожно?

– Разве мне должно быть тревожно?

– Здесь мне тревожно всегда.

– Ты ведь умалин, жрец Феррола. Разве ты не полагаешься на нашего бога?

– Очень полагаюсь, – ответил Тим. – Я верю, что Феррол сделает так, как захочет. Я положил свою жизнь на то, чтобы увеличить все шансы на то, что Он не прольет свой гнев на нас. Большого и не нужно. Я не надеюсь, что Феррол заметит лично меня, и еще меньше

надеюсь на то, что Он защитит меня от разъяренного великана, смертоносной бури или орды гоблинов.

– Вид у тебя не очень-то напуганный.

Тим обернулся.

– Конечно. Ведь со мной вы.

– При чем здесь я?

– Вы – миралиит, – пробормотал Тим и повернулся к ней спиной. Неизвестно, предназначались эти слова для ее ушей или нет. – Страшнее вас здесь никого нет...

Они добрались до дна долины, где узкий поток бежал через пропасть между скалами. Там росло несколько деревьев, каменистую почву покрывал островок травы.

Зеленые просторы... Фрэи словно попали в середину гигантской чаши. Со всех сторон поднимались горы, на юге на фоне дивного неба вздымался огромный зуб – гора Мэдор. Арион знала легенду о том, как Фенелия создала ее во время войны с дхергами, хотя старая фэйн не очень любила вспоминать ту пору. Фенелия избегала упоминаний войны, говорила о ней лишь обиняками. Для всех прочих Великая война стала звездным часом фэйн, однако сама Фенелия ее стыдилась. Она называла войну «ошибкой юности»... Гора Мэдор вовсе не выглядела ошибкой. Вздымавшаяся громадина потрясала воображение. Особенно впечатлял сам факт, что Фенелия приказала земле подняться на такую высоту.

«Я никогда бы так не смогла».

Арион даже представить не могла, сколько потребовалось для этого энергии и силы воли. Для нее было большой честью просто видеть гору, черпать в ней вдохновение. Гриндал оказался прав: поездка шла ей на пользу...

Добравшись до потока, Арион пришлось заставить свою кобылу последовать за Тимом. До сих пор они ехали по довольно ровной тропе. Переправа выглядела опасной и не понравилась ни Арион, ни Нараспур. Лошадь переминалась с ноги на ногу, недвусмысленно выражая свое неодобрение. Наконец Нараспур решилась, и Арион легла на шею лошади, обхватив ее руками. Они пересекли поток, оказавшийся гораздо мельче, чем на первый взгляд. Арион выпрямилась и укорила себя за то, что слишком волновалась. Как и большинство фрэев, в особенности тех, кто населял Эстрамнадон, она жила уединенно, без всяких приключений. Арион начинала об этом сожалеть.

– Как выглядят инстарья? – спросила она, когда тропа расширилась, позволяя ехать рядом с Тимом.

Проводник посмотрел на нее недоверчиво.

– Вы никогда не встречали никого из воинов?

– Разумеется, нет. Я выросла в храме, потом жила в уединении в башнях миралиитов. Кстати, как называется вон тот свет в небе?

Тим закатил глаза.

– Я пошутила, – ободряюще улыбнулась Арион. Он прищурился, глядя на нее с подозрением. – Ты ведь знаешь, что такое шутка?

Тим кивнул.

– Знаю. Только мне никогда не приходилось слышать, как шутят миралииты.

– Я не удивлена, учитывая, как гладко прошла моя шутка.

Тим посмотрел на нее еще немного, потом пожал плечами, предназначая этот жест скорее себе, чем ей.

– Инстарья... – Он помолчал, глядя на горизонт. – Вы должны учитывать, что они находятся здесь и охраняют границу со времен войны с дхергами. Лотиан уже четвертый фэйн, которому они служат. После окончания конфликта вернуться домой им не позволили. Поколения рождались и умирали, нога некоторых так и не переступала границ Нидвальдена. Поэтому за многие века они приспособились.

– Приспособились?

– Здесь другая жизнь. Удобств мало, погода ужасная, культуры как таковой нет и кругом одни опасности. Даже растения ядовитые попадаются. Инстарья выработали в себе более грубый взгляд на вещи, набор ценностей, которые сперва могут показаться вам простоватыми. Они ближе к людям древности в том, что честь и мужество для них священны. Для них это не просто идеи, общие представления или метафоры. Инстарья люди гордые и...

– И что?

Тиму стало неловко. Прямодушный жрец отвел взгляд, кутаясь в белую ассику, и посмотрел на тропу.

– И... Ну, в общем, не любят они миралиитов.

Как и все тогдашние фрэй Эстрамнадона, Арион присутствовала на арене Карфрэйи и видела поединок. После смерти Фенелии глава инстарья вернулся в Эриан и получил право оспорить восхождение Лотиана на трон, подув в Рог Гилиндоры.

Поединок вышел до ужаса неравным. Зефирон сражался мечом и щитом, Лотиан прибег к Искусству. Миралиит и представитель другого клана бились впервые. Лотиан решил дать своим подданным урок и не просто победил главу инстарья – он превратил поединок в отвратительное зрелище.

Сперва Лотиан закрыл себя воздушным щитом, и тогда оружие и боевые навыки Зефилона оказались бесполезны. Наступил черед унижения. Используя Искусство, Лотиан превратил своего противника в марионетку. Зефирон раздевался, танцевал и унижался перед толпой. Лотиан заставил главу инстарья ползать на четвереньках, лаять, выть, валяться в грязи и есть траву, как животное. Затем начался сущий кошмар: во втором акте Лотиан принудил Зефилона калечить самого себя. Первым делом тому пришлось откусить и проглотить все свои пальцы.

Арион направилась к выходу, невзирая на предупреждение. Не успела она дойти до края арены, как ее стошнило. Позже она узнала, что «поединок» продолжался еще два часа, и к его окончанию рвало многих зрителей. Когда Лотиан наконец даровал инстарья смерть, Зефирон уже ничем не напоминал фрэя. Неудивительно, что инстарья не приветствовали своих великодушных предводителей-миралитов с распростертыми объятиями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.